
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2018. 9(2). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)
PhD Shadrina Alla – Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)
PhD Grevtsova Tatyana – Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation
PhD Grom Oleg – Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine
PhD Dobrovolskaya Varvara – State Republican Center of Russian Folklore, Moscow, Russian Federation
Dr Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
Dr Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Dr Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Dr Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
Dr Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Federation, Volgograd

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 22.12.2018.
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru
Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Order № 24

© Russkaya Starina, 2018

Russkaya Starina

2018

Is. **2**

Русская старина

Издается с 2010 г.
E-ISSN 2409-2118
2018. 9(2). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)

Шадрина Алла – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Гревцова Татьяна – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Гром Олег – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Добровольская Варвара – Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация

Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация

Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1367/4, ул. Стара
Вайнорска, г. Братислава – Нове Место,
Словакия, 831 04

Дата выпуска 22.12.2018.
Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing
House Researcher s.r.o.

Заказ № 24

C O N T E N T S

The History of Russia of XVIII – XIX centuries

Ottoman Army’s Strength and Organization at the at the beginning of the Russo-Turkish War of 1768–1774 V.S. Velikanov	133
Protest Movement in the Don Theological Seminary in 1901–1907 and Its Special Features A.V. Shadrina	146

The History of Soviet Russia

“Photos are the Greatest Joy...”. The Role of Photography in the Correspondence between the Front and Rear. On Pages of World War II Correspondence and Diaries Part 1 L.L. Smilovitsky	159
Women's Camp in the Steppe as the Soviet Experiment in Kazakhstan A.S. Mussagaliyeva, R.M. Mussabekova, U.M. Sandybayeva	190

The Traditional Culture of the Peoples of Russia

Ambivalent Status of Sacrum in Slavic Traditional Culture: Cemetery as Horrific and Holy Place M.A. Andrunina	202
Proverbs and Sayings about the Great Patriotic War, Recorded by F.V. Tumilevich T.E. Grevtsova	218

Portraits

Zakhariy Petrovich Valaev – Correspondent of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III: Reconstruction of Family History A.V. Gazdanova	228
--	-----

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(2): 133-145

DOI: 10.13187/rs.2018.2.133
www.ejournal15.com

The History of Russia of XVIII –XIX centuries

Ottoman Army's Strength and Organization at the at the beginning of the Russo-Turkish War of 1768–1774

Vladimir S. Velikanov^{a, *}

^a “Russkie Vytiazy” Foundation, Russian Federation

Abstract

The Russo-Turkish war of 1768–1774 still has a lot of poor explored topics. One of them is the Turkish army. The majority of the documents gives estimate number of the Turkish troop and doesn't provide any details on its real strength and composition. The article is based on Russian, Turkish and European materials, and gives an attempt to examine the strength and organization of the Turkish army at the beginning of the Russo-Turkish war of 1768–1769. It shows that the role of the classic Turkish troops (like yeniceri and sipahi) had significantly decreased, and they were replaced by numerous mercenary troops like levendi.

Keywords: Russo-Turkish war (1768–1774), Ottoman army, Turkish army.

1. Введение

XVIII в. в целом, и особенно вторая его половина – период стремительного заката могущества Турецкой (Османской) империи и кризиса ее традиционной военной организации. На этом фоне в 1768 г. началась очередная Русско-турецкая война, ознаменовавшаяся рядом побед русской армии – при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле и др. Исследования и источники, посвященные данному конфликту, начиная с официальных документов российской стороны, упоминают о многотысячных турецких армиях, но почти ничего не говорят об их составе. В связи с этим, по нашему мнению, назрела необходимость обобщить и проанализировать имеющиеся данные об организации и структуре османской армии во время кампании 1769 г. Особую актуальность проблеме придает отсутствие в России каких-либо специализированных исследований на эту тему.

2. Материалы и методы

Одним из наиболее ценных источников по организации и численности турецкой армии в начале Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. являются записки Мустафы Кесби, бывшего в те годы секретарем главного султанского казначея Сарым Ибрахим-паши. Впервые они были опубликованы в оригинале на старотурецком языке в 1881 г. (Смирнов, 1881), а в 2002 г. под редакцией А. Огретена записки были изданы в адаптированном

* Corresponding author

E-mail addresses: vladvelikanov@inbox.ru (V.S. Velikanov)

варианте на современном турецком языке (Kesbi, 2002). Описания турецких вооруженных сил встречаются также в работах ряда иностранцев, побывавших в Турции или писавших о ней: Портера (Porter, 1768), дю Вернуа (Vernois, 1785), де Тотта (Tott, 1785), Мураджа д'Оссона (D'Ohsson, 1824) и др. Также необходимо отметить мемуары российского поверенного при султанском дворе Павла Артемьевича Левашова, находившегося в кампанию 1769 г. под арестом при ставке верховного визиря, и оставившего подробное описание состояния турецкой армии (Левашев, 1790). Из современных исследований следует указать работы Вирджинии Аксан, посвященные анализу состояния и развития турецких вооруженных сил в XVIII в.

3. Обсуждение и результаты

Организация турецкой армии к 1760-м гг. в целом оставалась неизменной по сравнению с XVII в. (Великанов, Нечитайлов, 2010), однако в ней произошел ряд изменений, наиболее значительные из которых были связаны с увеличившейся ролью наемных формирований. По источникам финансирования и особенностям формирования и несения службы вооруженные силы Османского государства состояли из нескольких основных компонентов: постоянные войска *капыкулу*, конная военно-ленная милиция *сипахи*, провинциальные войска, наемные формирования военного времени *левенды*, отряды вассалов и волонтеры. Ополчения тюркских племен, бывшие некогда существенной частью османской армии, к 1760-м гг. уже утратили свое прежнее значение, и больше не упоминаются в составе действующих войск. *Капыкулу* финансировались за счет центрального бюджета, снабжались от казны и включали в себя пехоту – *янычар*, конницу – *капыкулу сюварилери* и специальные части. К *капыкулу* также можно отнести дворцовую стражу *бостанджи*. Первоначально созданные как особая категория дворцовых слуг для обслуживания султанского дворца и сада, к середине XVIII в. *бостанджи* приобрели статус личной стражи султанов. Подобная трансформация была связана с потерей янычарами в результате целого ряда мятежей доверия со стороны султанов.

Традиционно одним из основных элементов османской армии были знаменитые *янычары*. Однако к середине XVIII в. янычарский корпус уже во многом утратил свою былую боеспособность, фактически превратившись в ремесленно-торговую корпорацию. Первоначально янычары комплектовались исключительно детьми из покоренных христианских районов (так называемый налог *девширме*), которые таким образом проходили османизацию, однако со времен Мурада III в корпус принимались подданные всякого сословия и происхождения. Янычары делились на несколько категорий: строевых (*эшкинджи*), ветеранов (*коруджи*), отставников (*мютекаиды* или *отураки*) и сверхштатных (*тасслакджи*), ожидавших возможности занять вакантное место в реестре среди *эшкинджи*. Последние две категории не несли службы и не получали жалования, но пользовались правами и привилегиями янычар. Множество турок всех сословий (горожан, цирюльников, ремесленников, мелких торговцев и т.д.) формально записывались в сверхштатные *тасслакджи*, либо сразу получали статус отставных *отураки*. В результате, многие современники, описывая Турцию в середине – второй половине XVIII в., отмечали, что едва ли не половина мусульманского населения была записана в янычары.

В различных источниках фигурируют противоречивые данные о структуре и организации янычарского корпуса, что связано с его сложной историей. По нашим данным, в 1760-х гг. янычарский корпус организационно состоял из 161 строевого подразделения *орта* (или *ода*), 100 *джемаат* и 61 *бёлюк*. Еще по 34 *орта* выставляли сеймены и аджеми-огланы (D'Ohsson, 1824: 312–347, 393; Ungermann, 1906: 15; Vernois, 1785: 91–94). По свидетельству Д. Портера, к 1768 г. номерные *орта* столичных янычар имели по штату в каждой от 800 до 1000 чел., но фактически их численность всегда была меньше, еле-еле дотягивая до 200–300 чел. (Porter, 1768: 172–173). Янычарские *орта* сохранили прежнюю устаревшую средневековую организацию и не имели какой-либо четкой внутренней структуры. Командный состав насчитывал всего пять офицеров: *яя-баши* или *чорваджи-баши* – командир *орта* (командиры некоторых *орта* имели свои специфические названия, что связано с историей возникновения и трансформации различных султанских служб и категорий дворцовых слуг и охраны); *ода-баши* – помощник командира; *векил-хардж*, или *килер-хардж* – интендант; *байракдар* – прапорщик или знаменосец; *баш-эски* – начальник

ветеранов и заместитель знаменосца. Кроме этого, в каждой *орта* имелось несколько нестроевых чинов: *уста*, или *ашджи* – повар; *баш-кара-куллукджи* – главный поваренок; *сака* – водонос; *кара-куллукджи* – младший поваренок. Этот штат всегда оставался неизменным, даже в военное время. Только 1-я и 5-я орта бёлюков имели еще одного унтер-офицера – *зембилджи* (по званию следовал сразу за водоносом). Списочная численность корпуса в 1750 г. составляла 81 300 чел. строевых янычар, из которых 50 000 постоянно находились в Стамбуле (Weissman, 1964: 32), но в записках Мустафы Кесби указывается, что жалование в 1760 г. получали всего 20 380 янычар (Kesbi, 2002: 457). Большая часть из них находилась в Стамбуле, другие несли службу в многочисленных гарнизонах по всей империи.

Однообразного вооружения и снаряжения янычары не имели и с середины XVII в. фактически приобретали его самостоятельно за свой счет. В описываемый период большинство из них были вооружены кремневыми мушкетами, лишь несколько *орта* сохраняли как дань традициям луки и арбалеты. Из холодного оружия имелись ятаганы; штыки и байонеты не использовались. Обучение янычар сводилось к базовому владению огнестрельным и холодным оружием, строевые и тактические занятия не проводились. Линейный строй, т.е. организованные передвижения и ведения боя в линейных порядках, турками не применялся. В бою янычары, как правило, занимали оборонительные позиции за какими-либо укреплениями (ров, вагенбург и т.п.) и вели огонь (глубина строя составляла 9–12 шеренг) по приближавшемуся противнику. В атаке янычары двигались глубокой колонной, близкой по форме к вытянутой трапеции, порядок и равнение внутри строя строго не соблюдались. Общий уровень подготовки и боеспособность янычар в рассматриваемый период большинством современников оценивались невысоко.

Общая численность конницы *капыкулу* (*капыкулу сьоварилери*) составляла в 1760 г., по данным Мустафы Кесби, около 12,5 тыс. чел. Существовавшие ранее отдельные корпуса *сипахов* и *силяхдаров* были, видимо, объединены в один корпус *силяхдаров*, насчитывавший 11 979 чел. Прочие корпуса султанской охраны (так называемые «четыре бёлюка») к середине XVIII в. уже практически утратили свое боевое значение, превратившись в небольшие парадно-церемониальные подразделения. Формировавшиеся из представителей тюркских племен отряды *улуфеджи* первоначально предназначались для охраны султанской казны. В 1760 г. они насчитывали 118 (так называемые «правые улуфеджи», т.е. стоявшие справа от султана, *улуфеджиян-и йемин*, имевшие красно-белые знамена) и 139 чел. («левые улуфеджи», *улуфеджиян-и йесар*, желто-белые знамена) соответственно. Из нетюркских мусульманских народов формировались отряды *гарибов* («чужаков»), в чьи первоначальные обязанности входила охрана знамени Пророка в походе: 166 «правых гарибов» (*гареба-и йемин*, имевшие зеленые знамена) и 119 «левых» (*гареба-и йесар*, белые знамена) (D'Ohsson, 1824: 364–368; Porter, 1768: 174; Vernois, 1785: 102–103; Kesbi, 2002: 457). Их вооружение к 1760-м гг. все еще состояло из копья, лука, сабли и булавы, огнестрельное оружие так и не получило широкого распространения. Из защитного вооружения обязательными были шлем, щит и кольчуга.

Специальные (технические) части *капыкулу* состояли из пяти корпусов, сочетавших в себе черты производственной корпорации (цеха) и воинского (строевого) подразделения, отвечая одновременно и за изготовление, и за применение различных типов вооружения и снаряжения: *топчу*, *джебебджи*, *топ арабаджилары*, *хумбараджи* и *лягымджи* (D'Ohsson, 1824: 362–364, 369; Porter, 1768: 175; Vernois, 1785: 95–98). *Топчу* – артиллеристы – занимались как отливкой и хранением орудий и боеприпасов, так и их боевым применением. Соответственно корпус делился на тех, кто отвечал за отливку орудий, и на канониров. *Джебебджи* – оружейники – отвечали за производство и хранение оружия и боеприпасов (кроме артиллерии). Первоначально они обслуживали только янычарский корпус, но в XVIII в. под их присмотром находились общевойсковые запасы пороха, свинца, вооружения и снаряжения. *Топ арабаджилары* – перевозчики орудий, отвечавшие за изготовление повозок и лафетов для перевозки орудий и припасов, уход за животными для их перевозки и собственно саму транспортировку в походе. *Хумбараджи* – «гренадеры» или бомбардиры. В 1730–1740-х гг. османское правительство предприняло попытку реорганизации данного корпуса. Под руководством француза Александра Клода Бонневалья, принявшего ислам под именем Ахмед-паши и получившего звание *хумбараджи-баши* (т.е.

начальника корпуса *хумбараджи*), в 1734 г. на азиатском берегу Босфора были построены казармы и набраны три роты (300 чел.) турок и боснийцев. Бонневаль вместе с еще несколькими ренегатами-европейцами обучал набранных *хумбараджи* европейским строевым и ружейным приемам и стрельбе из мортир. Данные занятия имели успех у султана и османского руководства, однако по внутривойсковым причинам Бонневаль был вынужден в 1735 г. покинуть Стамбул. В его отсутствие школа пришла в упадок, а большинство набранных *хумбараджи* погибли в войне 1736–1739 гг. В итоге к 1747 г. корпус *хумбараджи* в том виде, в каком его создал Бонневаль, под давлением янычар был упразднен, вернувшись к прежней цеховой структуре (Levy, 1982: 232–233).

Лягымджи – инженеры или саперы, в их обязанности входили осадные работы и рытье подземных ходов. По оценочным данным Портера, в 1768 г. численность *топчу* составляла 2 тыс. чел., *джебеджи* – 4 тыс. чел., *топ арабаджи* – 3 тыс., у д’Оссона – 5 тыс. артиллеристов и 7,5 тыс. оружейников. В 1769 г., по данным реестров, в Стамбуле (без учета провинциальных гарнизонов) насчитывалось 1351 *топчу*, 180 *топ арабаджи* и 3691 *джебеджи* (Agoston, 2005: 30). Данных о численности *хумбараджи* и *лягымджи* не найдено, видимо, они не имели устойчивой организации и численности. Для сравнения, в 1738–1739 гг. *топчу*, *топ арабаджи* и *джебеджи* насчитывали по спискам 19 430 чел. Корпуса *топчу*, *топ арабаджи* и *джебеджи* состояли из *орта* и *белюков*. В частности, их упоминает П.А. Левашев (без указания количества *орт* и численности) при описании выступления армии великого визиря из Стамбула, однако информации об их организации в указанный период не найдено. Кроме этого, в частях *капыкулу* имелись собственные службы палаточников, музыкантов и *сакка*-водоносов (фактически, они были распределены по *орта* и подчинялись их начальникам).

Материальная часть османской артиллерии, по меркам XVIII в., считалась устаревшей. Большинство орудий были железными и крупных калибров, что отрицательно сказывалось на их мобильности («тяжелые [орудия] большею частью на буйволах и волах возит» (Масловский, 1891: Приложения, 40)) и скорострельности. При этом передков в османской артиллерии не употреблялось, и вся упряжь была веревочной. В бою османская артиллерия занимала стационарную батарейную позицию у лагеря, и больше уже не маневрировала. По словам того же Панина, «как лафеты под ними с такою неудобностью, так и канонеры их с таким неискусством, что совсем не имеют способу орудия свои скоро не только по неприятелю нацеливать, ниже из стороны в сторону обращать, отчего пушки их... стреляя большею частью все по тому одному месту, по коему сперва начинают, очень мало, или так сказать, почти и ничего неприятелю вреда не делают» (Масловский, 1891: Приложения, 40). Один из историков русско-турецких войн отмечал, что «неприятельские орудия стреляли далеко, но именно для приобретения этой дальности, было пожертвовано другим главным для полевого орудия – его легкостью» (Петров, 1866: 257).

Другим существенным компонентом турецкой армии традиционно являлась конная военно-ленинная милиция *сипахи*, получавшие от государства земельные владения (лены), за счет доходов от которых они обязаны были нести службу в конном строю в полном вооружении. Данный статус преимущественно передавался по наследству, однако право на доходы с лены *сипахи* получал только при условии личной службы. В зависимости от размеров, лены назывались *тимары* (годовой доход до 20 тыс. акче) или *зеамет* (доход от 20 до 100 тыс. акче). Более крупные владения, *хасс*, давались только крупным должностным лицам, например, беям (губернаторам) санджаков (провинций). Кроме личной службы, владелец *тимара* или *зеамета* должен был выставлять дополнительно в поход по одному снаряженному и вооруженному всаднику *джебелю* с каждых 3000 (для *зеамета* и *хасса* – с 5000) акче дохода, т.е. в среднем три *джебелю* с *тимара* и десять – с *зеамета*. Уже к концу XVII в. из-за «революции цен» и социально-экономических процессов внутри Османского государства данная система пришла в упадок, и многие *сипахи* уже были не в состоянии за счет доходов со своих поместий закупать вооружение и нести длительную службу.

Русский посол в Стамбуле А.М. Обресков отмечал в 1756 г., что большинство *джебелю* уже не имели какого-либо боевого значения и при выступлении в поход должны были иметь при себе «кирки, лопатки и лукошки для рытья и носки земли, потому что они не токмо при осадах траншеи, батареи и прочие земляные работы делают, но и дороги расчищают» (Мейер, 1991: 21–22). Ресми-эфенди также очень критично оценивал их боеспособность:

«Они высылают в поход только стариков, чтобы сохранить тимар, жалованье и рационы. На сто человек приходилось 2000 слуг и животных, которые только обременяли казну» (Aksan, 1995: 136). Тем не менее, формально в списках числилось около 55 тыс. *сипахов*, что в военное время с учетом их вооруженных слуг (*джебелю*) должно было составить не менее 135 тыс. чел. (Новичев, 1963: 222). Организационно *сипахи* из одной провинции сводились в тысячи (под командой *алай-бея*), состоявшие из *белюков* или *байраков* (буквально «знамя», близко русскому значению «сотня») различной численности (от 50 до 200 чел.). Какого-либо стандартного комплекса вооружения *сипахи* не имели и приобретали оружие и снаряжение за свой счет. Как правило, они были вооружены пиками и саблями, также встречаются указания на наличие щитов и пистолетов. Частые упоминания об их участии в различных сражениях войны 1768–1774 гг. (например, *алай-беи* упомянуты в числе пленных, взятых в ходе преследования от Кагула к Дунаю при Картале 23 июля 1770 г., и при штурме Бендер 16 сентября), позволяют сделать вывод, что, несмотря на общий кризис тимарной системы, *сипахи* продолжали участвовать в боевых действиях, хотя их численность была весьма невелика.

Кроме *сипахов*, в большинстве турецких провинций имелись свои местные вооруженные формирования, носившие общее название *йерли кулу* («местные рабы»), содержавшиеся за счет провинциальных доходов и подчиненные местному губернатору. Данные войска первоначально выполняли гарнизонные и пограничные функции на территории своих провинций, но уже с конца XVII в. их все чаще и чаще привлекали для участия в походах за пределами своего региона. Как правило, они состояли из конных и пеших *белюков* или *байраков* (*байрак* – «знамя», т.е. отдельный отряд со своим знаменем) численностью по 50–200 чел., и имели различные специфические названия: *азапы* (обычно гарнизонные части из этнических турок), *мухафазасины* (легкая кавалерия из христиан в Молдавии и Валахии), *секбаны* (драгуны) и другие, а также провинциальные янычары и топчу.

В XVIII в. все большее значение в турецкой армии приобретали наемные отряды левендов (*левенды*), вербовавшиеся за деньги из добровольцев на определенный срок (обычно полгода). Правила их набора напоминали принятые в Западной Европе нормы: будущим командирам отрядов (местные магнаты *аяны*, судьи *кади* и вице-губернаторы *мутасаррифы*) выдавались фирманы (процедура называлась «одевание кафтанов»), в которых фиксировалось обязательство набрать к указанному сроку на конкретных условиях оговоренное число солдат. *Левенды* могли быть как конными, так и пешими, и делились на набиравшихся центральными властями (*мири*) и на провинциальных (*капылы* или *капы халкы*). Также иногда отряды левендов имели специфические названия, например, *тюфекчи* (стрелки), или *секбаны*, и *сеймены* (посаженные на коней стрелки, аналог европейских драгун). Наемников, набранных в Албании, традиционно называли *арнаутами*, а в сербских районах – *войниками*. *Капылы левенды* набирались в провинциях местными властями, а центральные власти затем компенсировали им расходы на их наем и содержание за счет специального временного налога *имдад-и серифе*.

При этом условия набора и нормы финансирования и для *мири*, и для *капылы левенды* были одинаковыми. При мобилизации в провинции рассылались султанские указы о сборе, содержавшие сведения о необходимом количестве солдат, размере вознаграждения за поступление на службу (*бакшиш*), ежемесячном жалованье (*улуфе*), которое выплачивалось в течение шести месяцев, 10 % комиссии для офицеров (*ондальк*) и расчете ежедневных рационов. Кроме этого, в указах оговаривался дополнительный двухмесячный срок службы, во время которого происходили сбор и роспуск войск и их следование в район сосредоточения полевой армии. В каждом санджаке ответственным за набор войск был *мутасарриф*, который часто одновременно являлся и командиром местного отряда левендов.

Набранные левенды сводились в *белюки* или *байраки* по 50 чел. под командой *белюк-баши*. Командир самостоятельного отряда в 10 *байраков* (500 чел.) имел чин *беш-юз-баши*, в 20 и больше – *бин-баши*. Заместитель командира отряда именовался *юз-баши* (аналог майора). П.А. Левашев писал, что такие отряды «позволено всякому набирать, кто только богат и по ревности к своему закону и отечеству оные собрать и с ними на войну идти пожелает, хотя бы и был разбойником... Баяраки имели право отворять все тюрьмы и из

оних вынимать кого заблагорассудят... Будучи же обыкновенно вооружены от головы до ног всяким военным оружием, как-то саблями, кинжалами, ружьями, ятаганами и сверх того большими и малыми пистолетами, не считая копей, щитов и железных поручней» (Левашев, 1790: 140–141). Особенности финансирования (наличие разового вознаграждения при поступлении на службу, комиссия для офицеров при вербовке и слабый учет личного состава) часто приводили к тому, что фактическая численность набранных отрядов *левендов* была значительно меньше списочной из-за множества «мертвых душ».

Еще одной характерной чертой турецкой военной организации было наличие различных волонтерских формирований из религиозных фанатиков, рассматривавших любую войну с христианами как *джихад*. Они всегда были частью османской армии, но в XVIII в. роль религии в османском обществе существенно выросла. Если первые султаны строили централизованное абсолютистское государство и жестко ограничивали влияние улемов на государственные и судебные дела, то по мере снижения их могущества и роста социально-экономических проблем, роль ислама возрастала. В частности, в судебной сфере это привело к середине XVIII в. к постепенному замещению норм и законов, изданных султанами (*канун-наме*), на положения шариата. В военной сфере это стало причиной появления многочисленных религиозных волонтеров, известных под общим названием *дели*.

Граф П.И. Панин в своем «Наставлении... на предводительство в наступательные действия против войска турецкого» (1770) подчеркивал градус неприязни между носителями двух религий, опираясь на то, что армия противника состоит «из весьма озлобленных и поощренных ненавистью людей, не только на все христианство, но и на самого Христа Спасителя нашего, желая всегда не одну веру и церкви наши, но и святое имя сего Искупителя своею нас кровью – совсем истребить». Панин напоминал подчиненным, что «варварский неприятель» «никакой пощады оному не делает, но умерщвляет всякого ради приобретения за каждую христианскую голову как производимой от их начальников денежной платы, так обещанного от магометанского закона им за убийство христиан раю» (Масловский, 1891: Приложения, 37, 44).

Одним из специфических видов турецкой пехоты в указанный период были *далкаличчи* – «обнажающие мечи», добровольцы из фанатичных мусульман, рассматривавших войну с Россией как *джихад* и давших обет умереть или победить, сражаясь одним только холодным оружием. Атаки с одними саблями под пение сур из Корана производили такое впечатление на русских, что были отдельно отмечены в реляциях и отчетах П.Н. Румянцева, Г.А. Потемкина и А.В. Суворова. Другой категорией добровольцев были *серденгечты* (буквально «безголовые»), которые набирались среди *капыкулу* (в первую очередь янычар) и волонтеров, давших обет не отступать. Подразделения *серденгечты* использовались в качестве ударных или штурмовых частей, и служившие в них получали повышенное жалование. Д'Оссон упоминает, что *серденгечты* сводились в байраки по 120 человек (D'Ohsson, 1824: 383). Также к турецкой армии присоединялись добровольцы *гонолю*, участвовавшие в походах со своим вооружением и снаряжением и получавшие вместо жалованья освобождение от налогов и военную добычу.

Война между Россией и Турцией была объявлена 25 сентября (6 октября) 1768 г., но широкомасштабные боевые действия начались лишь в следующем году. Ни одна из сторон не была готова к войне, но, в отличие от России, турки не смогли полноценно использовать имевшиеся у них полгода. Дело в том, что при мобилизации войск турецкие власти столкнулись с серьезными проблемами, т.к. вся армейская организационная и финансовая документация находилась в большом беспорядке. Мустафа Кесби в своих записках упоминает, что для составления сводной ведомости войск и необходимых расходов на их сбор и снабжение ему пришлось использовать данные 1695–1696, 1711 и 1716 гг., т.к. более поздних росписей не нашлось. На основании этих древних материалов определялись нормы мобилизации войск, их обеспечения провиантом и финансирования.

Другой отличительной чертой османской мобилизации стал завершавшийся в те годы переход от относительно профессиональной военной системы XVI–XVII вв., основанной на постоянных войсках *капыкулу* и милиции *сипахи*, к вербованной армии, набиравшейся только на время войны. Однако эту армию пришлось заново набирать для войны из людей, зачастую не имевших никакого военного опыта. Даже янычарские части с началом войны

активно разбавлялись новобранцами. Данное обстоятельство, вместе с плачевным состоянием финансовой системы Порты (нормой стали дефицит бюджета, скачки цен и насильственные займы правительства у подданных, а применительно к армии – проблемы с денежными и продовольственным снабжением), имело и другие неизбежные последствия – резкое падение уровня качества подготовки войск и военной дисциплины (Aksan, 2007: 134). Это не ускользнуло от внимания российской стороны: «Впрочем же число турецкого воинства умножается и главнее составляется из того сброду, который, по объявлении войны, всякий год пред самым выступлением уже в кампанию сзывается не токмо рядовыми и офицерами, но и самыми полководцами из всякого рода состояния и разных промыслов людей, неимеющих до такого своего вызову никакой науки ни практики в военном ремесле, а только стекаются частью по недостатку других обыкновенных промыслов себе пропитания, частью ж, по азиатическим к разбойничеству склонностям, имея жадность, прельщающую их, во время войны добычами себя обогащать» (Масловский, 1891: Приложения, 37).

Тем не менее, несмотря на все сложности, турки в кампанию 1769 г. планировали выставить две полевые армии. Главная армия под командованием великого визиря Мехмед Эмин-паши должна была наступать на Днестре и в Молдавии, а вторая, состоявшая из крымских татар и переброшенных в Крым турецких войск, – действовать на левом берегу Днепра, угрожая русским границам.

Значительную роль в предстоящей войне должны были сыграть провинциальные воинские контингенты из приграничных с Россией регионов и войска вассального Крымского ханства. К началу войны списочная численность гарнизонных войск в приграничных районах составляла около 35 тыс. чел.: 14 200 в Очакове, 17 560 в Хотине и 3100 в Бендерах (Aksan, 2002: 68–70; Aksan, 2012: 335). Их основу составляли присланные из Стамбула на годовалую службу янычары (например, в Хотине насчитывалось 26 *орта*), пополнявшиеся новобранцами-*ямаками*, и постоянные вербованные подразделения *азанов*. С началом войны в гарнизоны стали поступать и отряды *левендов*. Кроме того, имелось 3000 легких кавалеристов из местного христианского населения, так называемые *мухафазасины* (Воғдан муhafazasina). Численность Аккерманской (Буджакской) ногайской орды, бывшей в султанском подданстве и подчиненной сераскиру Бендер, упоминавшийся Мустафа Кесби оценивал в 17 тыс. чел. Из них 2 тыс. ногаев находились на постоянной службе, а 15 тыс. были племенным ополчением, которое должны были мобилизовать с началом военных действий.

Крымские татары, согласно этому же источнику, насчитывали 26 тыс. чел., включая 2 тыс. постоянной ханской гвардии, состоявшей из вербованных *сейменов*, вооруженных огнестрельным оружием. Остальные 24 тыс. чел. – это конное ополчение пяти крымских орд (родов): Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак и Седжеут, а также отряды черкесских и кабардинских князей. Француз барон де Тотт, участвовавший в походе крымской армии в Новую Сербию зимой 1768–1769 гг., упоминает, что ханская гвардия состояла из 40 отрядов (*бейлюков*) по 40 чел., не считая находившихся на ханской службе казаков-некрасовцев (Сень, 2002: 102; Tott. 1785: 180–181). Также в Крыму постоянно находилось около 1,5–2 тыс. турецких янычар, составлявших гарнизоны Ор-Капу (Перекопа), Рабата (Арбата), Кафы (Феодосии) и Ени-кале (Керчь). В начале 1769 г. в Крым были дополнительно переброшены несколько *орта* янычар и *сипахи* из Трабзона, Эрзурума и Египта (в осеннем походе 1769 г. калги-султана Шабхаз-Гирея приняли участие 55 *байраков*), командование над которыми принял оруженосец (силяхдар) султана беглербей Эрзурума Ибрагим-паша (Неджати-эфенди, 1894: 125). Таким образом, общая численность ханских и султанских войск в Крыму в 1769 г., по турецким источникам, не превышала 35–40 тыс. чел. При этом боеспособность татарского ополчения оценивалась и турками, и русскими невысоко (наверное, единственный, кто в своих мемуарах написал практически панегирик крымским татарам – это барон де Тотт). П.И. Панин, характеризуя армию крымского хана, писал, что «большая часть не имеют ни огненного, ниже и других настояще исправных к ручному сильному поражению оружий; а главная его часть употребляет стрелы, кои и в лучшем своем состоянии против огненного вооружения недостойны страха, а в зимнее холодное время столь уже слабы, что разве только на самом приближении несколько ранить могут; копыя ж у него большую частью без железа, но заостренные и обоженные» (Панин, 1769: 1). Необходимо также отметить, что в большинстве работ приводятся более высокие оценки

численности ханских войск. Упомянувшийся нами барон де Тотт оценивал общую численность армии крымского хана в фантастические 200 тыс. чел. Согласно показаниям служителя хана, которые нам также представляются значительно завышенными, армия хана в январе 1769 г. насчитывала до 73 тыс. чел.: 40 тыс. татар, 3030 арнаутов (видимо, имелись в виду вербованные части ханской гвардии), 3 тыс. казаков-некрасовцев, 20 тыс. янычар («при которых было 30 знамен», т.е., видимо, подразумевались *орта*) и 7 тыс. «спагов» (т.е. турецких *сипахи*) (Петров, 1866: 129–130).

Кроме турецких гарнизонов и армии крымского хана, в предстоящей войне с Россией активное участие должны были принять и воинские контингенты, набранные в Молдавии и Валахии. Из местного христианского населения планировалось вербовать 12 тыс. *левендов*: килийский паша Мирлива Али-бей и Фераштелизаде Мехмед-паша получили фирманы на вербовку по 1 тыс. чел., Кахраман-паша – по 6 тыс. чел. Еще 3 тыс. чел. должны были выставить молдавские воеводы, около 1 тыс. чел. – ополчение свободных арендаторов государственных земель. Из мусульман планировалось набрать 9,3 тыс. чел.: фирман на вербовку 5,1 тыс. чел. был дан Абаза-паше (фактически отрядом командовал Хазинедары Фейзулла-паша), 1,1 тыс. чел. – Хан Арслан-оглу Хасан-паше и Аданали Чопур-оглу, 1 тыс. чел. – Кады-паше и Тарсуси Тор-оглу (Kesbi, 2002: 250–251). Таким образом, всего в кампании 1769 г. должны были принять участие около 102–105 тыс. чел. местных формирований.

Точный состав и численность армии великого визиря Мехмед Эмин-паши, выступившей в апреле 1769 г. к российской границе, в опубликованных турецких документах отсутствуют, но мы можем установить их на основе анализа ее отдельных компонентов. Во-первых, вместе с визирем в поход выступили 90 *орта* янычар. П.А. Левашев, описывая их выступление из Стамбула, указывает, что из них «самые многолюднейшие не более имели 150 человек, другие же по 100, а некоторые только по 70 и по 60. Наперед ехали водовозы, коих число состояло из 90 человек, одетых в кожаное платье, увешанное колокольчиками. За ними шли помянутые орты одна за другою, имея каждая пред собою свое знамя, за коим ехали чорбаджи или капитаны с прочими чиновниками в новых наградных кафтанах, розданных им за несколько часов пред выходом по повелению султанскому» (Левашев, 1790: 38–39). Общую численность выступивших в поход янычар Левашев оценивал в 10–12 тыс. чел., дю Вернуа – в 15 тыс. чел. (Vernois, 1785: 170). Согласно же турецким источникам, смотр армии визиря в апреле 1769 г. показал 10 тыс. янычар, и аналогичную цифру приводит хронист Садулла Энвери-эфенди (Aksan, 1993: 228; Hummer, 1839: 218). По мере движения армии к Днепру численность *орта* увеличивалась за счет прибытия «отпускников» и активной вербовки янычар-новобранцев (*ямаки*, или *серденгечты*). П.А. Левашев упоминает, что, в апреле «прошли местечко Карнабаде, в коем почти целая половина жителей были янычары нашей 6 орты (члены российского посольства содержались под стражей в данной *орта*. – В.В.), в которую немалое число новых [янычар] и прибыло» (Левашев, 1790: 54). В дальнейшем, упоминая о численности турецких отрядов летом-осенью 1769 г., Левашев оценивает среднюю численность *орта* в 500–800 чел. Ресми-эфенди считал, что из штатной тысячи человек фактически в *орта* имелось не более 400–500 чел., и это было поводом для значительных финансовых злоупотреблений: «у каждого янычарского тысячника, по именным спискам, числится тысяча человек солдат, и он крепко держится привычки ежемесячно получать из казны жалованье на полное число людей, тогда как с ним не пришло и половины этого. Но положим, что “тысяча” значит ровно “пять сот”. Спустя сорок дней, из этих пяти сот непременно разбредутся четыреста, под предлогом отыскивания пищи. При тысячнике подчиненных и служителей всего налицо человек сто, не более, – а между тем, бездельник, требует выдачи жалованья на целую тысячу» (Ресми-эфенди, 1854: 15). Таким образом, общую численность янычар в кампании 1769 г. мы можем оценить приблизительно в 50 тыс. чел. Отметим, что при этом любые попытки навести порядок в их численности и финансировании сразу же приводили к бунтам.

Вместе с янычарами в поход с главной армией в кампанию 1769 г. также выступила и кавалерия *капыкулу*, но, как жаловался Ахмед Ресми-эфенди, до Дуная дошло всего около 1 тыс. всадников! (Aksan, 1995: 136). Нам такая оценка кажется излишне эмоциональной и заниженной. Она связана с общим желанием автора показать глубину кризиса, охватившего традиционные военные институты Османской империи к 1760-м гг.

Численность бывших с визирем *sipahi* дю Вернуа оценивал в 30 тыс. чел., однако по другим оценкам, к армии прибыли только 20 тыс., а по другим источникам – всего лишь 7–8 тыс. чел. (Новичев, 1963: 222).

Провинциальные беи в 1769 г. должны были выставить 73 250 конных и пеших солдат. Наиболее крупные отряды по 5 тыс. чел. обязались снарядить эялятеты Румелии, Боснии, Анатолии, Карамана, Сиваса, Алеппо, Ракки, Диярбекира, Трабзона и Эрзурума (5,5 тыс. чел.), чуть меньшие – Эдирне (2,5 тыс.) и Мараш (современный Караманмарас, 3 тыс. чел.). Остальные провинции предоставляли отряды численностью менее 1 тыс. чел. П.А. Левашев упоминает, что эти войска «по большей части состояли из пастухов и землепашцев, увешанных по обыкновению разным оружием, которым редкие из них владеть умели, что им и не нужно было, поелику едва и третья их часть доходила до надлежащего места» (Левашев, 1790: 145).

Отряды *левендов* должны были составить в 1769 г. 78,7 тыс. чел. По данным Мустафы Кесби, в этом году на службу были наняты 18 отрядов *мири левенди*, общей численностью 19 740 чел. В списке приведены имена всех командиров: отряд в 5,5 тыс. чел. под командованием Джаникли Али-паши-оглу, Микдад-паши и Баттал-паши, 3 тыс. – Чалык-оглу, 2 тыс. – Караосман-оглу, отряды по 1 тыс. – Чапан-оглу, Рыдван-аги, Адем-аги (оба из Кютахьи), Хаджи-бея из Аданы, Овалы Одыкмаз-оглу из Эрзинджана, Кайсериййели-оглу и Койлухисарлы Хаджи-бея, плюс несколько отрядов поменьше. Еще 25 отрядов *левендов* (59 тыс. чел.) должны были набрать провинциальные власти. Для некоторых из них указано, что это должны быть стрелки-*тюфенкчи*: по 5 тыс. вели Исбанакчи Мустафа-паша, Коджа Абди-паша; по 3 тыс. – Молдоганы Али-паша, Силахдар Мехмед-паша и Абдулджелил-оглу; по 1,5 тыс. – Хадим Ибрахим-паша и Иваз Паша-оглу Халил-паша. Неизменно в документе отмечается, что в составе отрядов, кроме стрелков, были фанатики-добровольцы *дели*. Арнаутов (албанцев) обязались привести Каплан-паша (1,5 тыс. чел.) и Курд-паша (1 тыс. чел.). Ага-Мехмед-паша должен набрать 5 тыс. добровольцев-янычар, дели и тюфенкчи. В отношении остальных отрядов дополнительной информации не приведено: Заралы-оглу Фейзулла-паша из Сиваса (2,5 тыс. чел.), Ипекли-оглу Мустафа-паша (6 тыс.), Дагистани-Али-паша (4 тыс.), Гюрджю Хасан-паша (3 тыс.), Абди-паша (2,5 тыс.), другой Абди-паша и Ферах-Али-паша (1 тыс.), третий Абди-паша и Черкес-Хасан-паша (1 тыс.), Мюдеррис Осман-паша (2 тыс.), Мухсин-оглу Мехмед-паша (2,1 тыс.), Шахин Али-паша (3 тыс.), Узун Абдуллах-паша (1 тыс.), Кара Халил-паша (1 тыс.) и другие, более мелкие отряды (Kesbi, 2002: 253–255).

Артиллерия армии великого визиря в конце апреля 1769 г., по данным П.А. Левашева, «состояла в 140 пушках большею частью шестифунтовых, а 20 было такой величины, что под каждую впрягали от 30 до 40 буйволов: они называются Балгемесы (*balyemaz*. – В.В.), т.е. немедоядки» (Левашев, 1790: 66). Турецкие источники сообщают о наличии 150 10-фунтовых пушек, 50 тяжелых орудий и таком же числе мортир (Aksan, 2013: 144). Примечательно, что в следующем 1770 г. победители при Кагуле «получили в добычу всю артиллерию в сту сороку хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажом» (Румянцев, 1953: 120). Ресми-эфенди, описывая ошибки, совершенные в походе 1769 г., упоминал о том, что визирь взял с собой 40–50 осадных орудий, которые оказались абсолютно бесполезными в полевой кампании (Ресми-эфенди, 1854: 12). По русским данным, армия сераскира под Хотинном в августе 1769 г. имела 20 орудий большого калибра и 240 небольших пушек, перевозившихся по двое на одном муле (Aksan, 1995: 235). Видимо речь шла о своеобразном аналоге персидских или индо-афганских *замбуреков* – небольших фальконетах, установленных на верблюдах или мулах. Подобные пушки описывал и П.А. Левашев: «Пришло немного африканского войска на двухстах верблюдах, покрытых красными суконными попонами и имевших на себе большую часть по одному человеку с небольшим штуцером, привинченному сверху к седлу таким образом, что во все стороны оный обращать можно» (Левашев, 1790: 67). П.И. Панин о такой артиллерии был невысокого мнения: «Тех, смеха и презрения достойных малых пушечек, коих он возит по две, повешенными на одного верблюда, и из которых иначе не стреляют, как подъехав заставят сию скотин наперед лечь, а сидевший на ней пушкарь, выстрелив из оных, отъезжает, где б их в безопасном месте опять зарядить (и) приехать для другого по неприятелю своего выстрела» (Масловский, 1891: Приложения, 40). Для обслуживания

артиллерии с армией в поход выступило 3400 артиллеристов (*топчу и топ арабаджи*) (Aksan, 1993: 228; Левашов, 1790: 40, 56).

4. Заключение

Таким образом, всего для участия в кампании 1769 г. турецкое правительство планировало собрать не менее 350 тыс. чел.: около 50 тыс. *янычар*, 12 тыс. конницы *капыкулу*, около 30 тыс. *сипахов*, 115 тыс. провинциальных войск (с учетом гарнизонов), 100 тыс. наемных *левендов* (включая набранных в приграничных провинциях) и около 43 тыс. крымских татар и ногайцев. С одной стороны, для похода готовилась гигантская армия, которую должны были сопровождать десятки тысяч нестроевых: возниц, торговцев, слуг и прочих – Ахмед Ресми, пожалуй, не слишком критично оценивал количество лагерной челяди при армии в 1769 г. только в 20–30 тыс. чел. (Aksan, 1995: 137). С другой – все источники (и турецкие, и иностранные) указывают на высокий уровень дезертирства и санитарных потерь (по некоторым оценкам, до 60–70 %), а также невысокую боеспособность большинства набранных войск. К сожалению, отсутствие опубликованных фактических отчетов о состоянии войск не позволяет достоверно оценить их реальную численность. Тем не менее, приведенные нами сведения из записок Мустафы Кесби позволяют значительно уточнить имеющиеся в отечественной историографии сведения о турецкой армии в начале войны 1768–1774 гг. Главное, что следует отметить, – серьезный упадок традиционных постоянных войск *капыкулу* и ополчения *сипахов*, и резко возросшее значение отрядов наемников-*левендов*, набранных на территории Балкан, Анатолии, Кавказа и фактически составивших основу «новой» турецкой армии, противостоявшей российским войскам на полях сражений данной войны (Büyükkakça, 2007: 44; Sadat, 1972: 351).

Литература

Великанов, Нечитайлов, 2010 – Великанов В.С., Нечитайлов М.В. Структура и организация армии Османского государства (1670–1710е гг.) // *Военно-исторический журнал «Воин»*. 2010. № 12. С. 20–32.

Левашев, 1790 – Левашев П.А. Плен и страдания россиян у турков, или обстоятельное описание бедственных приключений, терпимых ими в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которыми владели их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну и многих странных, редких и любопытных происшествий. СПб.: [Б.и.], 1790. 168 с.

Масловский, 1891 – Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. III. М.: Типография окружного штаба, 1891. Приложения. 287 с.

Мейер, 1991 – Мейер М.С. Османская империя в XVIII в.: черты системного кризиса. М.: Наука, 1991. 261 с.

Неджати-эфенди, 1894 – Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. (пер. с тур. и предисл. В. Смирнова) // *Русская старина*. 1894. Т. 81. № 3. С. 113–134.

Новичев, 1963 – Новичев А.Д. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII века). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. 314 с.

Панин, 1769 – Панин П.И. Наставление от предводителя Второй армии войску ему порученному, каким образом поступать по расположению на зимняя квартиры, к заграждению границ в предохранение ему вверенных, при случае неприятельского приближения и нападения на учрежденные кордоны, как форпостам так линиею, а позадь оной и из войск расположенными, сочиненное им в Польше в лагере при деревне Покатилове 1769 года октября 24 дня. СПб.: Типография сухопутного кадетского корпуса, 1769. 5 с.

Петров, 1866 – Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. 1. СПб.: Типография Э. Веймара, 1866. 332 с.

Ресми-эфенди, 1854 – Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией (1769–1776) // *Библиотека для чтения*, 1854. Т. 124. С. 3–78.

- Румянцев, 1695** – Румянцев П.А.: Сборники документов (под ред. П.К. Фортунатова). Т. 2. М: Воениздат, 1953. 864 с.
- Сень, 2002** – Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: Кубанькино, 2002. 286 с.
- Смирнов, 1881** – Смирнов Д.В. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб.: Университетская типография в Казани, 1881. 362 с.
- Agoston, 2005** – Agoston G. Guns for the Sultan: Military Power and the Weapon Industry in the Ottoman Empire. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005. 280 p.
- Aksan, 1993** – Aksan V.H. The One-Eyed Fighting the Blind: Mobilization, Supply, and Command in the Russo-Turkish War of 1768–1774 // *International History Review*. 1993. Vol. 15. № 2, pp. 221–238.
- Aksan, 1995** – Aksan V.H. An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783. Leiden: Brill, 1995, 253 p.
- Aksan, 2002** – Aksan V.H. Manning A Black Sea Garrison in the Eighteenth Century: Ochakov and Concepts of Mutiny and Rebellion in the Ottoman Context // *International Journal of Turkish Studies*. 2002. Vol. 8. № 1/2, p. 63–72.
- Aksan, 2007** – Aksan V.H. Ottoman Wars, 1700–1870: Empire Besieged. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. XX, 599 p.
- Aksan, 2012** – Aksan V.H. Ottoman Military Power in the Eighteenth Century // Warfare in Eastern Europe, 1500–1800. Leiden; Boston: Brill, 2012, pp. 315–347.
- Büyükkakça, 2007** – Büyükkakça M.Ç. Ottoman Army in the Eighteenth Century: War and Military Reform in the Eastern European Context: M.A. Thesis, Middle East Technical University, 2007, 123 p.
- Hammer, 1839** – Hammer J., de. Histoire de l'Empire Ottoman. T. 16. Paris: Bellizard, 1839, 507 p.
- Kesbi, 2002** – Kesbi M. İbretname-yı Devlet (Tahlil ve Tenkitli Metin) / ed. Ahmet Ogreten. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2002, 654 s.
- Levy, 1982** – Levy A. Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire in the Eighteenth Century // *Middle Eastern Studies*. 1982. Vol. 18. № 3, pp. 227–249.
- D'Ohsson, 1824** – D'Ohsson M. Tableau général de l'empire Othoman. T. 7. Paris: Firmin Didot père et fils, 1824. 535 p.
- Porter, 1768** – Porter J. Observations on the Religion, Law, Government, and Manners of the Turks. Vol. II. London: Printed for P. Wilson, 1768. 150 p.
- Sadat, 1972** – Sadat D.R. Rumeli Ayanlari: The Eighteenth Century // *Journal of Modern History*. 1972. Vol. 44. № 3, pp. 346–363.
- Tott, 1785** – Tott F., de. Memoirs of the baron de Tott. Vol. II. Dublin: Printed for L. White, J. Cash and R. Marchbank, 1785, 255 p.
- Vernois, 1785** – Du Vernois A. Essais de géographie, de politique, et d'histoire, sur les possessions de l'empereur des Turcs en Europe. Londres, Paris: Chez Poinçot, 1785, 332 p.
- Ungermann, 1906** – Ungermann R. Der Russisch-türkische Krieg 1768–1774. Wien; Leipzig: Wilhelm Braumüller k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhändler, 1906, 268 s.
- Weissman, 1964** – Weissman N. Les Janissaires: Etude de l'organisation militaire des Ottomans. Paris: Paris Orient, 1964, 118 p.

References

- Velikanov, Nechitailov, 2010** – Velikanov V.S., Nechitailov M.V. (2010). Struktura i organizatsiya armii Osmanskogo gosudarstva (1670–1710e gg.) [The structure and organization of the Ottoman Empire army (1670-1710s)] // *Voенно-istoricheskii zhurnal "Voin"*. № 12, pp. 20–32. [in Russian]
- Levashev, 1790** – Levashev P.A. (1790). Plen i stradaniya rossiyan u turkov, ili obstoyatel'noe opisanie bedstvennykh priklyuchenii, terpimykh imi v Tsar'-grade po ob'yavlenii voyny i pri voiske, za kotorymi vlachili ikh v svoikh pokhodakh; s priobshcheniem dnevnykh zapisok o voinskikh ikh deistviyakh v proshedshuyu voynu i mnogikh strannykh, redkikh i lyubopytnykh proisshestvii [Captive and suffering of Russians in the Turkish, or a detailed description of the disastrous adventures, experienced in the Tsargrad after declaration of war and in the army, for which

dragged them in their campaigns; with the daily notes on their military actions in the last war and many strange, rare and curious incidents]. St. Petersburg: [s.n.], 168 p. [in Russian]

Maslovskii, 1891 – *Maslovskii D.F.* (1891). *Russkaya armiya v Semiletnyuyu voinu* [Russian army in the Seven Years' War]. Is. III. Moscow: Tipografiya okruzhnogo shtaba. Appendices, 287 p. [in Russian]

Meier, 1991 – *Meier M.S.* (1991). *Osmanskaya imperiya v XVIII v.: cherty sistemnogo krizisa* [The Ottoman Empire in the XVIII century: Features of a systemic crisis]. Moscow: Nauka, 261 p. [in Russian]

Nedzhati-efendi, 1894 – *Zapiski Mukhammeda Nedzhati-efendi, turetskogo plennogo v Rossii v 1771–1775 gg.* [Notes of Mohamed Necati-Effendi, Turkish prisoner in Russia in 1771–1775] / Trans. from Turkish and the foreword by V. Smirnov // *Russkaya starina*. 1894. Vol. 81. № 3, pp. 113–134. [in Russian]

Novichev, 1963 – *Novichev A.D.* (1963). *Istoriya Turtsii. T. I. Epokha feodalizma (XI–XVIII veka)* [History of Turkey. Vol. I. The era of feudalism (XI–XVIII centuries)]. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1963, 314 p. [in Russian]

Panin, 1769 – *Panin P.I.* (1769). *Nastavlenie ot predvoditelya Vtoroi armii voisku emu poruchennomu, kakim obrazom postupat' po raspolozhenii na zimniya kvartiry, k zagrazhdeniyu granits v predokhranenie emu vverennykh, pri sluchae nepriyatel'skago priblizheniya i napadeniya na uchrezhdennyya kordony, kak forpostam tak linieyu, a pozad' onoi i iz voisk raspolozhennymi, sochinennoe im v Pol'she v lagere pri derevne Pokatilove 1769 goda oktyabrya 24 dnya* [Instructions from the leader of the Second Army to his troops how to do on location to winter quarters, about a barrage of boundaries he ought to protect, on occasion of approach and attack of enemy on the built cordons as outposts as lines and behind it, and of the disposition of troops, composed by him in Poland in the camp at the village Pokatilovo October 24, 1769]. St. Petersburg: Typography of the land cadet corps, 1769, 5 p. [in Russian]

Petrov, 1866 – *Petrov A.* (1866). *Voina Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami s 1769–1774 god* [The war between Russia and Turkey and Polish Confederates in 1769–1774]. Vol. 1. St. Petersburg: Typography of E. Veimar, 332 p. [in Russian]

Resmi-efendi, 1854 – *Rasskaz Resmi-efendiya, ottomanskogo ministra inostrannykh del, o semiletnei bor'be Turtsii s Rossiei (1769–1776)* [The story of Resmi Effendi, Ottoman Minister of Foreign Affairs, about a seven-year' struggle of Turkey with Russia (1769–1776)] // *Biblioteka dlya chteniya*, 1854. Vol. 124, pp. 3–78. [in Russian]

Rumyantsev, 1695 – *Rumyantsev P.A.* *Sborniki dokumentov* [Rumyantsev P.A. Collections of documents] (by ed. of P.K. Fortunatov)]. Vol. 2. Moscow: Voenizdat, 1953, 864 p. [in Russian]

Sen', 2002 – *Sen' D.V.* (2002). “Voisko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe”: istoricheskie puti kazakov-nekrasovtsev (1708 g. – konets 1920-kh gg.) [“Kuban Caucasus Army of Ignat”: the historical paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – the end of the 1920s.)]. Krasnodar: Kuban'kino, 2002, 286 p. [in Russian]

Smirnov, 1881 – *Smirnov D.V.* (1881). *Sbornik nekotorykh vazhnykh izvestii i ofitsial'nykh dokumentov kasatel'no Turtsii, Rossii i Kryma* [Collection of some important news and official documents concerning Turkey, Russia and the Crimea]. St. Petersburg: University typography in Kazan, 362 p. [in Russian]

Agoston, 2005 – *Agoston G.* (2005). *Guns for the Sultan: Military Power and the Weapon Industry in the Ottoman Empire*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 280 p. [in English]

Aksan, 1993 – *Aksan V.H.* *The One-Eyed Fighting the Blind: Mobilization, Supply, and Command in the Russo-Turkish War of 1768–1774* // *International History Review*, 1993. Vol. 15. № 2, pp. 221–238. [in English]

Aksan, 1995 – *Aksan V.H.* *An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783*. Leiden: Brill, 1995, 253 p. [in English]

Aksan, 2002 – *Aksan V.H.* (2002). *Manning A Black Sea Garrison in the Eighteenth Century: Ochakov and Concepts of Mutiny and Rebellion in the Ottoman Context* // *International Journal of Turkish Studies*. Vol. 8. № 1/2, p. 63–72. [in English]

Aksan, 2007 – *Aksan V.H.* (2007). *Ottoman Wars, 1700–1870: Empire Besieged*. Harlow: Pearson Education Limited. XX, 599 p. [in English]

Aksan, 2012 – *Aksan V.H.* (2012). *Ottoman Military Power in the Eighteenth Century* // *Warfare in Eastern Europe, 1500–1800*. Leiden; Boston: Brill, pp. 315–347. [in English]

- [Büyükkakça, 2007](#) – *Büyükkakça M.Ç.* (2007). Ottoman Army in the Eighteenth Century: War and Military Reform in the Eastern European Context: M.A. Thesis, Middle East Technical University, 123 p. [in English]
- [Hammer, 1839](#) – *Hammer J.*, de (1839). Histoire de l'Empire Ottoman [History of the Ottoman Empire]. Vol. 16. Paris: Bellizard, 507 p. [in French]
- [Kesbi, 2002](#) – *Kesbi M.* (2002). İbretnuma-yı Devlet (Tahlil ve Tenkitli Metin) [State of İbretnuma (Analysis and Critical Text)]. Ed. Ahmet Oğreten. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 654 p. [in Turkish]
- [Levy, 1982](#) – *Levy A.* (1982). Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire in the Eighteenth Century // *Middle Eastern Studies*. Vol. 18. № 3, pp. 227–249. [in English]
- [D'Ohsson, 1824](#) – *D'Ohsson M.* (1824). Tableau général de l'empire Othoman [General table of the Othoman Empire]. Vol. 7. Paris: Firmin Didot père et fils, 1824, 535 p. [in French]
- [Porter, 1768](#) – *Porter J.* (1768). Observations on the Religion, Law, Government, and Manners of the Turks. Vol. II. London: Printed for P. Wilson, 150 p. [in English]
- [Sadat, 1972](#) – *Sadat D.R.* (1972). Rumeli Ayanlari: The Eighteenth Century // *Journal of Modern History*. Vol. 44. № 3, pp. 346–363 [in English]
- [Tott, 1785](#) – *Tott F.*, de (1785). Memoirs of the baron de Tott. Vol. II. Dublin: Printed for L. White, J. Cash and R. Marchbank. 255 p. [in English]
- [Vernois, 1785](#) – *Du Vernois A.* (1785). Essais de géographie, de politique, et d'histoire, sur les possessions de l'empereur des Turcs en Europe [Essays of Geography, Politics, and History, on the Possessions of the Emperor of the Turks in Europe]. Londres, Paris: Chez Poinçot, 332 p. [in French]
- [Ungermann, 1906](#) – *Ungermann R.* (1906). Der Russisch-türkische Krieg 1768–1774 [The Russian-Turkish War 1768-1774]. Wien; Leipzig: Wilhelm Braumüller k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhändler, 268 p. [in German]
- [Weissman, 1964](#) – *Weissman N.* (1964). Les Janissaires: Etude de l'organisation militaire des Ottomans [The Janissaries: Study of the military organization of the Ottomans]. Paris: Paris Orient, 1964, 118 p. [in French]

Организация и численность османской армии в начале Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Владимир Сергеевич Великанов ^{а,*}

^а «Фонд «Русские витязи», Российская Федерация

Аннотация: Большинство источников, посвященных войне 1768–1774 гг., описывая турецкую армию, ограничиваются упоминанием ее многочисленности, не приводя никаких дополнительных сведений о ее составе. В данной статье на основе обширного перечня отечественных, турецких и европейских источников впервые в отечественной историографии детально рассмотрены вопросы организации и численности османской армии на начальном этапе войны с Россией в 1768–1769 гг. В статье подробно описывается упадок «классических» турецких военно-служилых корпораций (янычары, сипахи и др.), и рост роли и численности временных наемных формирований.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1768–1774 гг., турецкая армия, османская армия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vladvelikanov@inbox.ru (В.С. Великанов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(2): 146-158

DOI: 10.13187/rs.2018.2.146
www.ejournal15.com

Protest Movement in the Don Theological Seminary in 1901–1907 and Its Special Features

Alla V. Shadrina ^{a, *}

^a Don State Technical University, Russian Federation

Abstract

This publication deals with the protest movement of the early 20th century among the students of theological seminaries, i.e. the seminarians' disorders in the Don Theological Seminary. There were four stages of the seminarians' protest actions, in 1901, 1902, 1905, and 1907, within the course of the all-Russian protest actions of seminary students. With the 1901 and 1902 protest actions being aimed at finding solutions for the internal problems related to the appeal for the teachers treating their students properly, improving the students' living conditions, and extending the rights to use the library, the 1905 and 1907 marches raised demands, approved by the General Seminarians' Union, related to reforming the theological education system in general. Unlike other seminaries, the protest actions by the students of the Don Theological Seminary were not characterized as radical, as there were no pogroms or actions against the teachers' corporation. None of the claims made by the seminarians and submitted to the rector as petitions was ever satisfied.

Keywords: seminarian's rebels, protest movement, Don Theological Seminary, General Seminarians' Union, Archpriest Mitrofan Simashkevich.

1. Введение

Одной из актуальных проблем исторической науки, вызывающих сегодня устойчивый интерес, является протестное движение, охватившее духовные семинарии Русской православной церкви в начале XX в. Этой проблеме посвящена обширная историография, в которой определены причины семинарских бунтов (Практ, 2012: 33; Леонтьева, 1997: 20–38; Ирушкин, 2015: 122), хронология протестных выступлений (Ищенко, 2008: 52, 55; Скутнев, 2015: 60–61; Практ, 2012: 34), требования, выдвигаемые бунтующими семинаристами (Павленко, 2008: 142; Адамов, 2017: 54), методы воздействия на бунтовщиков семинарского начальства (Практ, 2012: 34) и др. Несмотря на то, что некоторые авторы отмечают «узко региональный характер» большинства опубликованных исследований (Попова О., Попова А., 2017: 39), нельзя утверждать, что история семинарских бунтов в уездных семинариях Российской империи изучена в достаточной степени. По этой причине попытки обобщений носят достаточно условный характер, не учитывающий всех особенностей этого явления.

Волнения в Донской семинарии не были обойдены вниманием исследователей, хотя их изучение началось не ранее 1980-х гг. В работах В.П. Ядрицова семинарские бунты были

* Corresponding author

E-mail addresses: bergson@yandex.ru (A.V. Shadrina)

рассмотрены в контексте анализа участия учащихся средних учебных заведений Дона в революционном движении 1901–1907 гг. (Ядрицов, 1983; Ядрицов, 1994: 16–28; Ядрицов, 2003: 86–98; Ядрицов, 2004). В 2017 г. была опубликована статья В.К. Вытнова, в которой автор предпринял попытку частичной реконструкции событий семинарских волнений в Донской семинарии на основании документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) (Вытнов, 2017: 61–67). В 2018 г. Г.А. Гридневым был сделан доклад, в котором рассмотрена источниковедческая проблема единственного сохранившегося воспоминания о событиях 1902 г. (Гриднев, 2018) – опубликованной в 1971 г. в журнале «Наука и религия» статьи А.П. Маркова «Семинарский бунт» (Марков, 1971).

Несмотря на внимание исследователей к проблеме волнений начала XX в. в Донской духовной семинарии, ряд не до конца изученных аспектов позволяет констатировать актуальность обращения к данной теме. В настоящей статье предпринята попытка анализа четырех этапов протестного движения в Донской духовной семинарии в 1901–1907 гг., которые имели особенности, отличающие их от бунтов в духовных школах центральной России и Сибири.

2. Материалы и методы

Статья основана на обширной источниковой базе – архивных документах, хранящихся в РГИА и в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО). Если архивные источники РГИА, касающиеся поставленной проблемы, в большинстве случаев ранее введены в научный оборот, то основной массив делопроизводства Донской духовной семинарии, хранящийся в ГАРО в фонде 352 «Донская духовная семинария», вводится в научный оборот впервые.

Исследование опирается на традиционные для исторической науки принципы научной объективности, системности и историзма. Использован источниковедческий анализ документов. При цитировании документов сохранены их стилистические особенности. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка. Пропуски в цитатах обозначены троеточиями в угловых скобках. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

3. Обсуждение и результаты

Протестные движения воспитанников духовных учебных заведений Российской империи начались в 1880-х гг. Анализ дел «о политических заговорах и революционных и социалистических кружках», проведенный Департаментом государственной полиции, показал, что студенческие революционные сообщества зарождались в кружках «самообразования или саморазвития», распространенных, в том числе в среде семинаристов. По мнению Департамента, именно такие кружки служили «рассадниками для образования вредных пропагандистов, или, по меньшей мере, деятелей отрицательного направления» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1). В их среде на собранные членами деньги формировались библиотеки «тенденциозных или запрещенных книг и журналов» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1), а покров тайны, сопровождающий собрания «для рассуждения и речей о прочитанном», неизменно расширял круг участников кружков (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1–1 об.). В ходе расследования обстоятельств семинарского бунта 10–15 декабря 1901 г. в Донской духовной семинарии было выяснено, что такая библиотека запрещенной литературы существовала и здесь. Сын урядника Войска Донского, воспитанник V класса П. Агеев собирал с семинаристов деньги на покупку «недозволенных» книг для чтения, заведовал собранием этих книг, раздавал их ученикам и «скрывал в таких помещениях, куда не могла заглядывать инспекция» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 4). В состав запрещенных книг входили: журнал «Мир Божий», «История цивилизации Европы» Гизо, «История умственного развития Европы» Дрепера, «Происхождение семьи, собственности и государства» Энгельса, «История цивилизации Англии» Бокля, «Очерки по истории русской культуры» Милюкова (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 4). Несмотря на отсутствие доказательств влияния чтения этих книг на начало семинарских волнений в Новочеркасске, П. Агеев был уволен из семинарии с правом восстановления в числе воспитанников в следующем учебном году (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 42–66).

Учитывая начавшиеся выступления студентов университетов и духовных академий, 18 апреля 1884 г. в циркулярном указе Св. Синод, желая пресечь «образование вредных пропагандистов» и возможные выступления в среде воспитанников духовных семинарий и училищ, обращал внимание епархиальных Преосвященных на необходимость пресечь выпуск «вредных» изданий для семинарских и училищных библиотек (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1–1 об.). В ноябре 1886 г., предотвратив попытку студентов высших учебных заведений Санкт-Петербурга, в том числе духовных учебных заведений, под предлогом публичного чествования провести демонстрацию, Св. Синод 29 декабря 1886 г. издал указ о запрете воспитанникам духовно-учебных заведений участвовать во всех публичных мероприятиях, чествующих разного рода общественных деятелей (ГАРО. Ф. 352. Оп. 3доп. Д. 12. Л. 2).

Усугублявшаяся ситуация и не прекращавшиеся выступления учащихся духовных академий стали причиной сообщения Св. Синода от 6 января 1891 г., которое рассылалось епархиальным Преосвященным под грифом «конфиденциально». Архиепископ Донской и Новочеркасский Макарий (Миролюбов) получил такое сообщение 18 января 1891 г. В документе, возвращаясь к существованию в среде семинаристов «тайных обществ», Св. Синод настаивал на том, что «при бдительности учебного начальства и при надлежащем надзоре не могли бы образовываться такие тайные общества, а любознательности учеников, при надлежащем руководстве со стороны разумных преподавателей, могло бы быть дано здоровое направление» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1–1 об.). Кроме этого, Св. Синод уведомлял, что обо всех замеченных случаях политической неблагонадежности между воспитанниками необходимо немедленно ставить в известность «центральное духовно-учебное управление, дабы можно было безотлагательно делать надлежащие указания к принятию мер и давать удовлетворительный ответ гражданской власти на ее заявление и требование для отвращения нареканий на местные духовные начальства» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1–1 об.).

Очередной этап ужесточения контроля воспитанников духовных семинарий последовал в феврале 1900 г. В этом месяце Св. Синод разослал всем духовным семинариям указ императора от 15 января 1900 г. с пометками: «Печатанию не подлежит», «Циркулярно». Указ предписывал правлениям духовных семинарий и училищ незамедлительно и «неопустительно» доставлять в Учебный комитет при Св. Синоде сведения о всех случаях увольнения воспитанников «за проступки, не терпимые в учебном заведении» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1165. Л. 1). Эти сведения были необходимы для своевременного устранения «замеченных в том или другом духовно-учебном заведении нестроений, так и к предотвращению тех печальных последствий, какие они обычно влекут за собой» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1165. Л. 1–2). В случаях волнений среди воспитанников правлениям семинарий предписывалось пользоваться даже экстренной связью – сообщать в Центральное управление духовно-учебного ведомства «о всех возникающих волнениях с указанием тех мер, какие были приняты к подавлению этих волнений» телеграммами (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1165. Л. 1–2).

Движение семинарских волнений, захвативших значительное число духовных семинарий, началось в 1901 г. Несмотря на преследования полиции, в Казани был создан Временный центральный организационный совет семинаристов. Он разработал петицию, в которой требовал уравнивания программ семинарии с программами светских учебных заведений; разрешения семинаристам поступать в университеты после окончания IV класса; отмены экзаменов при переводе из класса в класс; сокращения преподавания богословских предметов и усиления светских; устранения монашествующих от управления семинариями; уважительного отношения начальства к учащимся; отмены обязательного присутствия на богослужениях, исповеди, причастия, а также постов (Ядрицов, 2004: 76). Совет семинаристов не только выдвинул приведенные требования, но и координировал действия воспитанников 43 семинарий, поддержавших требования петиции. В их число входила и Донская духовная семинария (Ядрицов, 2004: 76).

Первый бунт в Донской духовной семинарии состоялся 10–15 декабря 1901 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 3). Поводом к началу беспорядков послужили следующие обстоятельства: во-первых, циркулировавшие в семинарской среде слухи о том, что в некоторых семинариях (Кишиневской, Ярославской и др.) воспитанники, недовольные

своим бытом, «мирно и спокойно» подавали петиции своему начальству и получали удовлетворение (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 153 об.). Такое легкое, в соответствии со слухами, решение проблемы не только вселяло в воспитанников Донской семинарии ложные надежды на то, что и они могут добиться удовлетворения своих требований быстро и безболезненно, но и стало поводом к составлению петиции ректору. Во-вторых, одним из стимулов начала бунта было переданное в руки воспитанников Донской семинарии через учащегося VI класса П. Головачева воззвание, составленное воспитанниками Московской духовной академии и повторявшее пункты петиции Временного центрального организационного совета семинаристов (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 3). Третьим поводом к началу волнений стала деятельность группы семинаристов, которую по собственной инициативе возглавил сын священника Донской и Новочеркасской епархии Стефан Макаровский (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 5 об.).

Волнения проходили по классической схеме: за несколько дней до начала бунта в среде семинаристов начались «предварительные сходы» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1281. Л. 3). На них обсуждались пункты составлявшейся петиции. Так, в деле «О поведении воспитанника Грешнова Капитона, участвовавшего в беспорядках в Донской духовной семинарии и в подаче петиции ректору» свидетельствовалось: «дня за два или за три до подачи петиции ректору [Капитон Грешнов] читал проект этой петиции своим товарищам – ученикам V класса, жившим в семинарии. В числе пунктов сего проекта намечен был пункт об увольнении г[осподина] инспектора от должности. Грешнов изложил высказанные на сходах основания для увольнения г[осподина] инспектора и вообще агитировал в пользу требований петиции» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1281. Л. 3). В качестве агитаторов выступали и другие семинаристы: А. Рышкин, который «открыто ратовал среди воспитанников в пользу изложенных в петиции требований» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 5), Т. Яковлев (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 6 об.), сын священника А. Малинин, агитировавший за подачу петиции «с требованием "большей свободы" вообще и увольнения некоторых должностных лиц» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 8), Н. Никитин, А. Титаренко, Н. Адрианов (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 8). Важнейшим обстоятельством, способствовавшим быстрой ликвидации бунта, было несогласие немалой части семинаристов с позицией агитаторов. В том же деле «О поведении воспитанника Грешнова Капитона...» сообщалось, что семинаристы в ходе агитационных работ «горячо оспаривали петицию ректору» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1281. Л. 3).

Негласным лидером движения был воспитанник IV класса Донской семинарии Стефан Макаровский (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 5 об.), которого поддерживали Н. Никитин – «главный сотрудник Стефана Макаровского» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 4); С. Базикин, во время подачи ректору петиции выступавший с заявлениями по вопросу о квартирах (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 4); Л. Горбачев, игравший «роль вожака, с которым другие находили нужным совещаться» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 4 об.) и другие. Следствие, проведенное в Донской семинарии, «главным агитатором и руководителем... волнений» назвало С. Макаровского (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 5 об.). Он инициировал составление петиции, принимал в этом активное участие и был главным действующим лицом ее подачи. Однако организация сочувствующих семинаристов, участвовавших в акте передачи петиции ректору, скорее всего, была заслугой его добровольных помощников.

Центральным событием бунта было вручение 13 декабря 1901 г. петиции ректору семинарии протоиерею Митрофану Симашкевичу (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 4 об.). Встреча с ректором проходила в соответствии с нормами приличий и дисциплинированно. При подаче петиции С. Макаровский заявил, что целью выступления является «не учинение скандала и бесчиния, а только законный и необходимый протест против ненормальных условий ученической жизни, которые необходимо устранить, во что бы то ни стало» (Ядрицов, 1994: 21).

Требования, составленные семинаристами, гласили:

«1) за неприязненные отношения к воспитанникам помощника инспектора А.М. Щетковского уволить его от занимаемой должности;

2) преподавателям Сосновскому, Стратилатову и др. внушить, чтобы они деликатнее обращались с воспитанниками;

3) просить о[тца] инспектора, чтобы он объяснял воспитанникам за какие проступки уменьшен балл по поведению, и чтобы предыдущий низкий балл по поведению не влиял на последующий – не уменьшал его;

4) ученической библиотекой должен заведовать воспитанник старшего класса;

5) назначить другого библиотекаря в фундаментальную библиотеку и позволить более свободное пользование ею;

6) не стеснять воспитанников в выборе квартир;

7) доктор должен ежедневно в определенные часы посещать больницу;

8) улучшить пищу корпусным воспитанникам и позволить им по очереди дежурить на кухне во время приготовления им обеда и ужина» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 153 об.).

В заключении петиции «бунтари» просили дать ответ на третий день. В противном случае они обещали объявить забастовку (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 153 об.).

Как видно, пункты петиции не были радикальными. Их основное требование – корректное обращение преподавателей с воспитанниками, причем в петиции излагалась просьба об увольнении только одного человека – помощника инспектора А.М. Щетковского. Звучавшие в агитации К. Грешнова призывы к увольнению инспектора (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1281. Л. 5), в должности которого с 1897 г. был А.А. Кириллов (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1264. Л. 1 об.), в петиции не упоминались. Скорее всего, К. Грешнов, говоря об «инспекторе», имел в виду его помощника А.М. Щетковского.

Классическая схема семинарских бунтов предполагала протестное поведение воспитанников на занятиях. Действительно, 14 декабря такое поведение имело место. В копии журнального постановления правления Донского духовной семинарии говорилось: «заволновались все классы, слышались г[осподам] наставникам не только отказы отвечать, но и слушать объяснения их; произносились фразы: “нам не надобно урока!”, библии и учебники скрывались; стоило громадных усилий и инспекции, и наставникам, чтобы мало-мальски прилично вели себя даже ученики I класса, которые грубо протестовали против порядка и классных занятий... многие воспитанники из благонамеренных начали в страхе просить себе увольнения домой. И, получив разрешение о[тца] ректора, брали отпускные билеты (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 3 об.). Сын священника Н. Попов 14 декабря в классе на одном из уроков демонстративно заявил «о невозможности доверия и сердечных отношений между воспитанниками и преподавателями» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 9). А. Долгов 14 декабря на всех уроках вступал в пререкания (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 9 об.). И. Поливанов «угрожал продолжением беспорядков, обещая всеми мерами препятствовать возобновлению занятий в семинарии» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 4 об.). Помимо сорванных уроков, в IV классе было зачитано воззвание студентов Московской духовной академии, призывавшее всех семинаристов к организованным забастовкам во имя реформы семинарий (Ядрицов, 2004: 78).

Вышедшая из-под контроля руководства ситуация заставила протоиерея Митрофана временно отстранить от должности помощника инспектора и телеграфировать об остальных требованиях архиепископу Афанасию (Пархомовичу) и обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву (Ядрицов, 2004: 78). 15 декабря ректор семинарии предложил всем воспитанникам разъехаться на каникулы (ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 8. Л. 51. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1203. Л. 189, 201–202). Вслед им были посланы уведомления об увольнении и условиях обратного приема. На первом этапе проводившегося внутри Донской семинарии следствия права возвращения в семинарию были лишены 79 чел. (Ядрицов, 2004: 79). Позднее правление семинарии изменило свое решение, и уволены были 29 чел. (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 2). После оговоренного правлением срока, 25 из отчисленных воспитанников вернулись в стены семинарии. «Волчьи билеты», по выражению В.П. Ядрицова, получили: С. Макаровский, А. Щербинин, А. Титаренко и Н. Никитин (Ядрицов, 2003: 90). Расставшись с духовным учебным заведением, А. Титаренко, впрочем, ходатайствовавший в 1902 г. перед обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым о разрешении продолжить обучение в духовной семинарии (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8.

Л. 153–156 об.), стал социал-демократом. Он был тесно связан с оратором Донского комитета РСДРП¹ И. Брагиным, выслан в Сибирь, бежал, участвовал в подпольной работе в Поволжье, вновь арестован (Ядрицов, 2004: 81). А Щербинин стал видным меньшевиком на Северном Кавказе и одним из основателей Кубанского комитета РСДРП (Ядрицов, 2004: 81). По предварительным сведениям, С. Макаровский после окончания Санкт-Петербургского университета трудился в должности учителя в Екатеринославской губернии (ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11736. Л. 182 об.).

Для предупреждения в будущем выступлений семинаристов 14 января 1902 г. Св. Синод поручил архиепископу Донскому и Новочеркасскому Афанасию (Пархомовичу) «предписать» правлению Донской духовной семинарии найти способы предотвращения беспорядков в будущем (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1249. Л. 1). 4 марта 1902 г. Правление предложило ряд мер, которые, по мнению его членов, могли повлиять на стабилизацию ситуации:

1) рекомендовать всем преподавателям семинарии возможно более точное исполнение «Правил об участии преподавателей Донской духовной семинарии в деле воспитания учащихся», переработанных в связи с произошедшими событиями;

2) преподаватели должны были контролировать исполнение семинаристами «Правил, определяющих образ жизни и поведения учеников»;

3) преподавателям предлагалось для «надлежащего объединения воспитательного влияния всей корпорации на замеченных в неблагоповедении учеников» на общих педагогических собраниях обсуждать не только успехи, но и поведение воспитанников;

4) преподаватели обязывались сообщать инспектору о том, какие книги читают семинаристы;

5) последний пункт, также касающийся обязанностей преподавателей, предписывал им с особенной осторожностью делать замечания семинаристам: «замечания, внушения и выговоры ученикам должны быть делаемы преимущественно наедине, а не в классе, и вообще не в присутствии других учеников в предупреждение упрямства и озлобленности со стороны неисправного ученика и для приведения его к сознанию своей вины и раскаянию, а также, с другой стороны, в виду опасения произвести при этом вредное в воспитательном отношении впечатление на товарищей провинившегося» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1249. Л. 2). Собственно, этот пункт косвенно выполнял требования семинаристов, переданные ректору 13 декабря 1901 г. «преподавателям... внушить, чтобы они деликатнее обращались с воспитанниками» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 153об.).

Первый опыт протестных выступлений воспитанников Донской духовной семинарии показал, что бунт 1901 г., прошедший в русле общероссийских студенческих выступлений и по их примеру, имел особенности. Прежде всего, семинаристы выдвинули требования, носившие не радикальный характер, а вполне мирный, настаивавший, за исключением увольнения помощника инспектора, на действиях руководства, не требующих от него больших затрат. Бунт носил в большей степени стихийный характер, не привлекая на свою сторону большого числа воспитанников. В качестве идеологов и агитаторов движения выступали семинаристы, чей авторитет не был абсолютным для подавляющего большинства. Незаинтересованность в каком бы то ни было выступлении большей части семинаристов, в том числе предпочтших уехать на время волнений к родителям, позволила достаточно быстро восстановить учебный процесс.

Волнения, прошедшие в Донской духовной семинарии в конце ноября – начале декабря 1902 г., назвать бунтом можно лишь условно, учитывая принятые руководством семинарии незамедлительные меры для стабилизации ситуации. Спустя год после неудавшегося выступления, в 1902 г. в Донской духовной семинарии к началу осени организовалась инициативная группа из воспитанников II–IV классов П. Черепяхина, П. Певнева, Ф. Пятибратова, А. Дикарева и М. Климентова. После беспорядков в 1901 г. они были отчислены, а в августе 1902 г. восстановлены (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 40. Л. 10–12об.). Определить причины, заставившие этих семинаристов предпринять попытку организации новых волнений, сегодня не представляется возможным. Вероятно, они действовали в рамках романтической идеологии общероссийских семинарских

¹ РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия.

выступлений. Не последнее место в их решимости, скорее всего, занимала уверенность, что возможное наказание не будет жестоким – им либо разрешат продолжить образование в семинарии через год, либо, как уже получившие «волчьи билеты» инициаторы бунта 1901 г., они продолжают образование в университетах.

Основной целью выступления 1902 г., как и в 1901 г., была подача петиции ректору семинарии с требованием уволить часть преподавательского состава и расширить круг естественнонаучных дисциплин (Ядрицов, 2003: 91). Участник событий 1902 г. А.П. Марков, опубликовавший в 1971 г. в журнале «Наука и религия» воспоминания об этих днях, сообщал о том, что в петиции требовалось также «ввести в программу изучение двух иностранных языков и естественные науки, расширить преподавание математики и физики, изучать известных писателей нового времени и современников, исключить из программы первых четырех классов Священное Писание и библейскую историю, и выбросить за ненадобностью преподавание пасхалий... а все богословские науки сосредоточить в пятом и шестом классах. Но главное, чего добивались семинаристы – права поступать в университет после окончания четвертого класса» (Марков, 51–52). Тенденциозность источника, конечно, может вызвать сомнения в утверждении автора воспоминаний, но изложенные им требования вполне соответствовали тем, которые выдвигались семинаристами первых лет XX в. В случае отказа руководства Донской семинарии от выполнения изложенных требований семинаристы планировали организовать забастовку (Ядрицов, 2003: 91).

Волнения 1902 г. начались серией ночных «происшествий», носивших хулиганский характер: в ночь с 19 на 20 ноября 1902 г. в окно квартиры преподавателя латинского языка священника А. Пульхритудова была брошена бутылка из-под чернил с запиской: «Нашему дорогому наставнику и иерею “по чину Мелхисидекову” о[тцу] Александру. Признательные семинаристы, 1902 г. 19 ноября» (Вытнов, 2017: 62). Вечером 4 декабря в окно квартиры инспектора семинарии А.А. Кириллова был брошен кирпич с запиской: «Дорогой Андрей Александрович!!! Примите и не гневайтесь! Признательные воспитанники!» (Вытнов, 2017: 63). В обоих случаях было проведено расследование, не давшее результатов.

Событием, предопределившим судьбу несостоявшегося бунта, стало письмо одного из семинаристов, переданное протоиерею Митрофану Симашкевичу. Автор письма предупреждал о готовящихся волнениях и, в том числе, назвал имена лидеров: П. Черепяхина, П. Певнева, Ф. Пятибратова, А. Дикарева и М. Климентова (Вытнов, 2017: 62). П. Черепяхин сразу признал свою причастность к готовящемуся выступлению, но назвать имена своих «сподвижников» отказался. Остальные участники категорически отрицали свое участие в предстоящих событиях (Ядрицов, 2003: 91).

Экстренное собрание правления семинарии окончательно решило судьбу не начавшихся организованных беспорядков: П. Черепяхин был отчислен, П. Певнев, Ф. Пятибратов, А. Дикарев и М. Климентов высланы из Новочеркасска «впредь до разъяснения дела». После оглашения решения Ф. Пятибратов и А. Дикарев написали прошение об отчислении (Вытнов, 2017: 62). Правление также объявило всем воспитанникам о готовящихся беспорядках и призвало не только к отказу от участия в них, но и к оказанию им противодействия (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 40. Л. 10–13 об.).

После устранения лидеров несостоявшегося бунта в семинарии еще оставались их единомышленники, но, кроме распространения листовок и попыток устроить пожар, они уже ничего не могли сделать. С 7 по 12 декабря в семинарии продолжался период «пассивного сопротивления»: 7 декабря у дверей храма семинаристы обнаружили воззвание (Ядрицов, 2003: 91). Оно гласило: «Господа! Неужели у Вас достанет духу оставаться безучастными зрителями того, что готовится в семинарии? Неужели Вы не поддержите ту горсть воспитанников, которая вам же хочет принести пользу? Если вы не поддержите, то эта горсть погибнет безвозвратно, и вы же останетесь виновными в гибели тех, кто за Вас же старается. Просим Вас, Господа, все взвесить и решить в нашу пользу. Не многие; но надеемся, будет много!» (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 40. Л. 15 об.). Призыв свидетельствовал, что сторонниками протестного движения было очень ограниченное число учащихся. Воззвание было передано инспектору А.А. Кириллову. По решению правления семинарии, которое тем самым продемонстрировало доверие к воспитанникам и уверенность в их «благонадежности», текст обращения был озвучен семинаристам с просьбой не отвечать на провокации. В ответ на доверие воспитанники старших классов организовали поочередное

дежурство в семинарии в дневное и ночное время (Вытнов, 2017: 64). Благодаря этому, 9 декабря был предотвращен пожар – дежурные при поиске пропавшей керосиновой лампы обнаружили возгорание в сундуке со свечами. Затем была ликвидирована попытка поджечь чердак. Ночью дежурные обнаружили умышленно закрытую трубу печи, отапливавшей помещения. Кроме угроз пожара, бунтовщики дважды подбрасывали листовки Донского комитета РСДРП, которые свидетельствовали не только о «безобидных» семинарских бунтах, но и об определенной связи с революционным движением (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 40. Л. 170б.–19). В результате «пассивного сопротивления», которое не было поддержано подавляющим числом семинаристов, прошение об увольнении вынуждены были написать все участники бунта 1901 г., восстановленные в числе учащихся в августе 1902 г. (Вытнов, 2017: 65; Ядрицов, 2003: 91).

Закончившиеся после 12 декабря 1902 г. волнения, не приведшие к прекращению учебного процесса, вновь продемонстрировали, что протестное движение, в этот раз подавленное в самом начале, не поддерживалось большинством воспитанников Донской духовной семинарии. В отличие от последующих волнений, оно не было централизованным, хотя и выдвигало требования, сформулированные в русле общесеминарского движения.

Волнения воспитанников Донской духовной семинарии, отличающиеся радикальностью, состоялись в 1905 г. Их предпосылками были причастность учащихся к общесеминарскому союзу, координирующему выступления, и общая ситуация в империи, связанная с событиями Первой русской революции. Бунт, начавшийся в октябре 1905 г., проходил в русле беспорядков, захвативших другие духовные семинарии. В этот раз воспитанники Донской семинарии, не предваряя свое выступление подбрасыванием записок и срыванием занятий, 12 октября 1905 г. централизованно подали ректору петицию. В отличие от петиции 1901 г., концентрирующейся на решении внутренних вопросов, она предназначалась для передачи в Св. Синод и содержала требования «полного преобразования духовно-учебных заведений» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1332. Л. 135). При подаче требований большинство воспитанников заявило о прекращении занятий «впредь до удовлетворения петиции, и пока Св. Синод не вступит на путь реформ» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1332. Л. 135). 13 октября занятия в семинарии не состоялись, и все воспитанники, даже не участвовавшие в забастовке, были «отпущены в дома родителей» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1332. Л. 135). До 21 ноября 1905 г. вопрос о закрытии Донской семинарии решен не был. Ректор архимандрит Митрофан (Симашкевич) 8 ноября 1905 г. сообщил атаману Черкасского округа о том, что воспитанники отпущены домой с 13 октября 1905 г., но семинария еще не закрыта, так как «в этом пока не видится необходимости, и воспитанники еще не признаны уволенными из семинарии и не числящимися в оной» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 51).

Донская духовная семинария была объявлена закрытой указом Св. Синода от 21 ноября 1905 г. (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 64–640б.). В сообщении правления, объявлявшем о закрытии, оговаривалось, что бывшие семинаристы, желавшие продолжить обучение, должны подать ректору прошения о приеме «непрерывно с прописанием обязательства исполнять все установленные для семинарских воспитанников правила благоповедения и дисциплины, не прерывать учебных занятий без указанных в существующих постановлениях причин, не возбуждать демонстративно никаких ходатайств, не подавать никаких петиций и не участвовать ни в каких сходках ни в семинарии, ни вне оной, с готовностью при несоблюдении сего подвергнуться немедленному увольнению из семинарии и выбыть из оной по первому требованию семинарского начальства» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 64–640б. Д. 1336. Л. 1–2). Последним сроком для подачи прошений было определено 20 декабря 1905 г. Объявление о закрытии семинарии сопровождалось уведомлением, что занятия будут возобновлены для воспитанников VI класса с 1 декабря 1905 г., а для остальных классов с 7 января 1906 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 11. Л. 30б.–4; ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 64–640б.).

В связи с возобновлением учебного процесса в духовных семинариях после семинарских бунтов, Св. Синодом был рассмотрен ряд сопутствующих вопросов. Так, в определении от 22 декабря 1905 г. оговаривалось, что «все те духовно-учебные заведения или отдельные классы в сих заведениях, в коих учащиеся не приступят к занятиям непосредственно после Рождественских каникул и, во всяком случае, не позднее 15 января

1906 г., надлежит считать закрытыми до начала 1906–1907 учебного года» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1332. Л. 81–81об.). По отношению к уволенным Св. Синод проявил чрезвычайную снисходительность. Все бывшие воспитанники семинарии, подавшие прошения об обратном приеме, принимались в семинарию (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1332. Л. 81–81об.). Воспитанники, которые проживали в семинарском общежитии и не подали прошений, объявлялись отчисленными и обязывались оставить общежитие не позднее 28 ноября (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1336. Л. 3–3об.). Поставленный правлением Донской духовной семинарии вопрос о продолжении занятий до 10 июня, об отмене переводных экзаменов и переводе воспитанников в следующие классы «по годовым баллам», предлагалось решить после ходатайства перед Св. Синодом архиепископа Донского и Новочеркасского Афанасия (Пархомовича) (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1336. Л. 3–3об.).

Семинарский бунт 1905 г., отличавшийся подготовкой и централизованным управлением, не дал возможности руководству Донской семинарии его предупредить. Впервые за 37 лет своего существования семинария прекратила занятия почти на три месяца. Несмотря на то, что требования семинаристов, изложенные в петиции, касались вопросов, относящихся исключительно к ведению Св. Синода, прошедшие беспорядки заставили обратиться к решению внутренних вопросов. 23 мая 1905 г. ректор семинарии архимандрит Митрофан (Симашкевич) ходатайствовал об упразднении двух должностей надзирателей и учреждении вместо них дополнительной должности помощника инспектора. Его ходатайство было обусловлено тем, что в качестве надзирателей обыкновенно трудились выпускники семинарии, которые «не пользуются и не могут пользоваться авторитетом как лица, не получившие высшего образования, и посему являются малополезными в воспитательном отношении» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1330. Л. 5–6). 31 июля 1905 г. Св. Синод принял определение, согласно которому в Донской духовной семинарии вместо двух должностей надзирателей учреждалась третья штатная должность помощника инспектора (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1330. Л. 5–6).

В отличие от предыдущих выступлений, в 1907 г. в Донской семинарии бунт начался нестандартно: в ночь на 1 апреля 1907 г. жандармами были арестованы и временно помещены в тюрьму воспитанники семинарии, принадлежавшие к общесеминарскому союзу или ему сочувствовавшие (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 291). В их числе были: сын мещанина Николай Иванов, сочувствовавший также «крестьянскому союзу» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 291); сын мещанина Василий Марченко и его брат Митрофан (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 291, 292); сыновья крестьянина Дмитрий и Евгений Монченко (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 291об.); сын мещанина Михаил Белоусов, который позволял себе иногда в товарищеской среде «поговорить о семинарской жизни», и сын священника Владимир Веселовский, чей арест позднее был оценен как «плод недоразумения» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 292).

Несмотря на арест семинаристов, 9 апреля 1907 г. большинство воспитанников I–IV классов, выражая протест против назначенных определением Св. Синода от 20 марта 1907 г. экзаменов, самовольно прекратили занятия и объявили забастовку (ГАРО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 240. Л. 1). Как и в 1905 г., выступление семинаристов послужило причиной прекращения занятий. 16 апреля 1907 г. правление Донской семинарии постановило уволить воспитанников, прекративших занятия и заявивших, что они не будут заниматься до отмены экзаменов (ГАРО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 240. Л. 1). Увольнение из семинарии всех участвовавших в забастовке воспитанников было подтверждено указом Св. Синода от 31 июля 1907 г. (ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1436. Л. 3). Шанс продолжить образование был дан тем воспитанникам, которые пожелали бы «возобновить занятия и подчиниться требованиям начальства, начать переводные экзамены в следующие классы по всем предметам с 16 августа 1907 г.» (ГАРО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 240. Л. 1). Несмотря на указ Св. Синода, к отчисленным семинаристам вновь было проявлено милосердие: во второй половине августа в семинарию были зачислены все, подавшие прошения и сдавшие положенные экзамены (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 591. Л. 75–76).

Семинарские волнения 1907 г. значительно отличались от предыдущих и свидетельствовали о закате движения. Забастовка 1907 г. в Донской духовной семинарии прошла в русле, определявшемся общесеминарским союзом. В этот раз семинаристов не волновали ни вопросы этичного отношения преподавателей к воспитанникам, ни бытовые

неудобства. Они объявили забастовку по определенному поводу, протестуя против назначенных определением Св. Синода экзаменов. Можно предположить, что это выступление в поддержку идей общесеминарского союза было в своем роде «бунтом ради бунта», поскольку привыкших к сдаче экзаменов семинаристов вряд ли могло смутить определение Св. Синода от 20 марта 1907 г. Методы подавления семинарского бунта 1907 г. продемонстрировали «привычку», как Св. Синода, так и правления семинарии к протестным движениям. Уже по наработанной схеме бунтовщики были отчислены, семинария закрыта, после чего подавшие прошения о приеме с заверениями о том, что более не будут нарушать правила поведения, были приняты вновь, и жизнь духовного учебного заведения продолжалась.

Несмотря на то, что требования донских семинаристов об отмене экзаменов не были удовлетворены, общероссийское протестное семинарское движение все-таки добилося некоторых результатов: определением от 5 сентября 1907 г. Св. Синод дал разрешение воспитанникам духовных семинарий, окончившим IV класс, поступать в университеты (Вытнов, 2017: 66).

4. Заключение

Протестное движение в Донской духовной семинарии имело четыре этапа и проходило в русле общероссийских выступлений воспитанников духовных школ. Анализ событий 1901–1907 гг. позволил проследить динамику развития этого движения. Если целью волнений 1901 и 1902 гг. было улучшение отношения преподавательской корпорации к воспитанникам и изменение бытовых условий, т.е. решение внутренних проблем Донской семинарии, то участники бунтов 1905 и 1907 гг. выдвигали требования, согласованные с общесеминарским союзом и касавшиеся реформирования системы духовного образования. Волнения 1901 и 1902 гг. отличались неорганизованностью и выраженным отсутствием поддержки большинства воспитанников семинарии. Выступления 1905 и 1907 гг. проходили централизованно, а в 1907 г. предварялись арестом членов общесеминарского союза. На всех этапах выступлений воспитанники Донской семинарии не добивались удовлетворения своих требований. В отличие от других духовных школ Российской империи, волнения донских семинаристов не сопровождались погромами, за исключением неудавшихся попыток поджога и подбрасывания в окна преподавателя латинского языка и инспектора записок в 1902 г. В целом волнения, прошедшие в Донской духовной семинарии в 1901–1907 гг., не отличались радикальностью и не были бунтами в собственном смысле этого слова.

Литература

Адамов, 2017 – Адамов М.А. Основные причины протестного движения учащихся духовных семинарий второй половины XIX – начала XX веков // Духовные школы на рубеже эпох: уроки истории. Материалы научно-богословской конференции. Курск: Курская православная духовная семинария. 2017. С. 48–64.

Вытнов, 2017 – Вытнов В.К. Бунтарское движение в духовной семинарии начала XX века (на примере Донской духовной семинарии) // Материалы IX международной студенческой научно-богословской конференции 10–11 мая 2017 г. СПб.: Издательство СПбПДА, 2017. Ч. 1. С. 61–67.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области

Гриднев, 2018 – Гриднев Г.А. Семинарский бунт 1902 года в Новочеркасске в документах и воспоминаниях. Рукопись. Личный архив Г.А. Гриднева, 2018. 10 с.

Ирушкин, 2015 – Ирушкин Н.М. Семинарские бунты и революционизация православной молодежи в начале XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII Международной научной конференции (Иваново, 28–29 марта 2018). Иваново: Издательство Ивановского государственного университета, 2015. С. 122–128.

Ищенко, 2008 – Ищенко О.В. К вопросу о причинах волнений в духовных семинариях Сибири начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 49–58.

Леонтьева, 1997 – Леонтьева Т.Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX века // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. Сб. статей / Под ред. В.П. Булдакова. М.: [Б.и.], 1997. С. 20–38.

- Марков, 1971** – Марков А.П. Семинарский бунт // *Наука и религия*. 1971. № 9. С. 51–52.
- Павленко, 2008** – Павленко Т.А. Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 77. С. 139–144.
- Попова О., Попова А.** – Попова О.Д., Попова А.Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 2 (52). С. 39–56.
- Прахт, 2012** – Прахт Д.В. Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // *Вестник Тюменского государственного университета*. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 133–138.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Скютнев, 2015** – Скютнев А.В. Обстоятельства организации общесеминарского союза в Вятке в годы первой русской революции: бои и будни // *Научное мнение*. 2015. № 11–4. С. 60–64.
- Ядрицов, 1983** – Ядрицов В.П. Рабочее движение и учащиеся средних учебных заведений юга России накануне первой российской революции. 1900–1904 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. 19 с.
- Ядрицов, 1994** – Ядрицов В.П. Уроки радикализма: учащиеся средних учебных заведений Дона и Северного Кавказа и революционное движение 1901–1904 гг. // *Известия высших учебных заведений*. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1994. № 1–2. С. 16–28.
- Ядрицов, 2003** – Ядрицов В.П. Академисты Донской духовной семинарии 1901–1907 гг. // Памяти Владимира Григорьевича Мирзоева. Сб. статей. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2003. С. 86–98.
- Ядрицов, 2004** – Ядрицов В.П. Учащиеся средних учебных заведений Дона в общественном движении 1901–1907 гг. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 2004. 251 с.

References

- Adamov, 2017** – Adamov M.A. (2017). Osnovnye prichiny protestnogo dvizheniya uchashihsiya duhovnyh seminarij vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov [The main causes of the protest movement of students of theological seminaries of the second half of the XIX – early XX centuries] // *Duhovnye shkoly na rubezhe epoch: uroki istorii* [Theological schools at the turn of the era: history lessons]. Materials of science-theological conference. Kursk: Kursk Orthodox Theological Seminary, 2017, pp. 48–64. [in Russian]
- Vytnov, 2017** – Vytnov V.K. (2017). Buntarskoe dvizhenie v duhovnoj seminarii nachala XX veka (na primere Donskoj duhovnoj seminarii) [Buntar movement in the theological seminary of the beginning of XX century (on the example of the Don theological seminary)] // *Proceedings of the IX International Student Scientific Theological Conference*, 2017, May 10–11. St. Petersburg: St. Petersburg Theological Seminary Publishing House. Part 1, pp. 61–67. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State Archive of the Rostov Region]
- Gridnev, 2018** – Gridnev G.A. (2018). Seminarskij bunt 1902 goda v Novoчерkasske v dokumentah i vospominaniyah [Seminar revolt of 1902 in Novoчерkassk in documents and memoirs]. Manuscript, 2018, 10 p. [in Russian]
- Irushkin, 2015** – Irushkin N.M. (2015). Seminarskie bunty i revolyucionizaciya pravoslavnoj molodezhi v nachale XX v. [Seminar riots and the revolutionization of Orthodox youth in the early 20th century] // *Gosudarstvo, obshestvo, cerkov v istorii Rossii XX–XXI vekov*. Materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ivanovo: Izd-vo «Ivanovskij gosudarstvennyj universitet», pp. 122–128. [in Russian]
- Ishenko, 2008** – Ishenko O.V. (2008). K voprosu o prichinah volnenij v duhovnyh seminariyah Sibiri nachala XX v. [To the question of the causes of unrest in the theological seminaries of Siberia at the beginning of the 20th century] // *Uralskij istoricheskij vestnik*. № 4 (21), pp. 49–58 [in Russian]
- Leonteva, 1997** – Leonteva T.G. Byt, nrawy i povedenie seminaristov v nachale XX veka [Life, customs and behavior of seminarians in the early 20th century] // *Revolyuciya i chelovek. Byt, nrawy, povedenie, moral* [Revolution and people. Life, morals, behavior, morality] Collection of articles / ed. V.P. Buldakov. Moscow: [s.n.], 1997, pp. 20–38. [in Russian]

- Markov, 1971** – *Markov A.P.* (1971). Seminariskij bunt [Seminar revolt] // *Nauka i religiya*. № 9, pp. 51–52. [in Russian]
- Pavlenko, 2008** – *Pavlenko T.A.* (2008). Bunty seminaristov v 1905–1907 gg.: tradicionnyj protest v usloviyah revolyucii [Riots of seminarians in 1905–1907: traditional protest in the conditions of revolution] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. № 77, pp. 139–144. [in Russian]
- Popova O., Popova A.** – *Popova O.D., Popova A.D.* (2017). Buntuyushaya seminariya: protestnoe dvizhenie v duhovnyh uchebnyh zavedeniyah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [The revolting seminary: the protest movement in theological educational institutions (the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries)] // *Novyj istoricheskij vestnik*. № 2 (52), pp. 39–56. [in Russian]
- Praht, 2012** – *Praht D.V.* (2012). Protestnoe dvizhenie v Tobolskoj duhovnoj seminarii v nachale XX veka [Protest movement in the Tobolsk Theological Seminary in the early 20th century] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities*. № 2, pp. 133–138. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Skutnev, 2015** – *Skutnev A.V.* (2015). Obstoyatelstva organizacii obsheseminarskogo soyuza v Vyatke v gody pervoj russkoj revolyucii: boi i budni [The circumstances of the organization of the all-union union in Vyatka during the first Russian revolution: battles and everyday life] // *Nauchnoe mnenie*. № 11–4, pp. 60–64. [in Russian]
- Yadricov, 1983** – *Yadricov V.P.* (1983). Rabochee dvizhenie i uchashiesya srednih uchebnyh zavedenij yuga Rossii nakanune pervoj rossijskoj revolyucii. 1900–1904 gg. [Workers' movement and students of secondary schools in the south of Russia on the eve of the first Russian revolution. 1900–1904]: PhD Thesis in History. Moscow, 19 p. [in Russian]
- Yadricov, 1994** – *Yadricov V.P.* (1994). Uroki radikalizma: uchashiesya srednih uchebnyh zavedenij Dona i Severnogo Kavkaza i revolyucionnoe dvizhenie 1901–1904 gg. [Lessons of radicalism: students of secondary schools of the Don and the North Caucasus and the revolutionary movement of 1901–1904] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. № 1–2, pp. 16–28. [in Russian]
- Yadricov, 2003** – *Yadricov V.P.* (2003). Akademisty Donskoj duhovnoj seminarii 1901–1907 gg. Pamyati Vladimira Grigorievicha Mirzoeva [Academicians of the Don Theological Seminary of 1901–1907. In memory of Vladimir Grigorievich Mirzoev]. Collection of articles. Rostov-on-Don: [s.n.], pp. 86–98. [in Russian]
- Yadricov, 2004** – *Yadricov V.P.* (2004). Uchashiesya srednih uchebnyh zavedenij Dona v obshchestvennom dvizhenii 1901–1907 gg. [Students of secondary schools of the Don in the social movement of 1901–1907]. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University Publishers, 251 p. [in Russian]

Протестное движение в Донской духовной семинарии в 1901–1907 гг. и его особенности

Алла Валерьевна Шадрина ^{а, *}

^а Донской государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Публикация посвящена протестному движению начала XX в. в среде учащихся духовных учебных заведений – семинарским волнениям в Донской духовной семинарии. Выступления семинаристов проходили в четыре этапа – в 1901, 1902, 1905 и 1907 гг. в русле общероссийских выступлений воспитанников духовных школ. Если волнения 1901 и 1902 гг. были направлены на решение внутренних проблем, связанных с призывом к корректному отношению преподавателей к семинаристам, улучшению быта и

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: bergson@yandex.ru (А.В. Шадрина)

расширению прав пользования библиотекой, то выступления 1905 и 1907 гг. выдвигали требования, согласованные с общесеминарским союзом и касающиеся реформирования системы духовного образования в целом. В отличие от других духовных школ, в Донской духовной семинарии выступления воспитанников не носили радикальный характер – здесь отсутствовали факты погромов и выступлений против преподавательской корпорации. Ни одно из требований семинаристов, подаваемых ректору в виде петиции, не было удовлетворено.

Ключевые слова: Семинарские бунты, протестное движение, Донская духовная семинария, общесеминарский союз, протоиерей Митрофан Симашкевич.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2018, 9(2): 159-189

DOI: 10.13187/rs.2018.2.159
www.ejournal15.com

The History of Soviet Russia

“Photos are the Greatest Joy...”. The Role of Photography in the Correspondence between the Front and Rear. On Pages of World War II Correspondence and Diaries Part 1

Leonid L. Smilovitsky ^{a, *}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article is devoted to the study of a rarely examined topic: the role of photography in wartime correspondence between the front and rear as a historical source. The state and citizen have different attitudes to photography. Photographs in wartime could simultaneously act not only as witnesses, but also as prosecutors. Soldiers and commanders and their families gave the photograph an exceptional value. The photograph was more valuable than the letters and must be kept. The photographs were taken on the road even when there was not enough time for the collections, their place was next to documents, money and a modest stock of things and provisions in hand luggage. Soldiers wore photos of relatives and friends in the pocket of their uniform at the heart or in a knapsack behind their backs. The coverage of the circumstances in which soldiers and Red Army commanders made and sent photographs to their homes, relatives, friends and neighbors and comrades in arms draw a true picture of military everyday life, provide the necessary details for understanding the behavior of a person in war, and reveal his inner world. The article is based upon data from letters and diaries of Soviet Jews – soldiers of the Red Army – which were collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University over the last five years (2012–2018) and are herein introduced into academic circulation for the first time.

Keywords: Jews and the Red Army, the Great Patriotic War, World War II, photography, pictures, military field post, military daily life.

1. Введение

Роль фотографии на войне общеизвестна. События, запечатленные на фотоленке – это немой, но одновременно и красноречивый свидетель человеческой истории. Бесстрастный объектив фотокамеры фиксировал все, что происходило с людьми на войне. Известное правило «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» убедительно подтверждает это. Любительская фотография занимала немаловажное место в системе искусств как Советского Союза, так и Германии. Пропаганда эффективно формировала у граждан обеих стран «правильный» взгляд на мир с помощью специальных и периодических изданий, профессиональных фотоклубов.

* Corresponding author
E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

Государство и гражданин по-разному оценивали свое отношение к фотографии. Если с точки зрения власть имущих фотография должна была подчеркивать господство административных управляющих механизмов обществом, то с точки зрения гражданина – отображать этапы личной жизни. Фото на войне одновременно могло выступать не только в роли свидетеля, но и обвинителя, поэтому с точки зрения командования Красной армии оно должно было находиться под строгим контролем. Советское официальное фото отличалось от фотографий стран антигитлеровской коалиции. В настоящем исследовании автор ставит задачу показать значение частной фотографии, лишенной общепринятых формальных штампов. Фотография военного времени не только играла воспитательную, педагогическую, этическую, нравственную роль, но и одновременно выступала как исторический источник. Эти сведения необходимы, чтобы проследить судьбу солдата и его семьи, ответить на вопрос, какой генетический, нравственный заряд был передан и дал всходы через детей и внуков, насколько народная память о войне имеет значение с точки зрения преемственности поколений.

2. Материалы и методы

По истории использования фотографии на войне существует обширная литература на всех доступных языках мира и, прежде всего, стран участниц Второй мировой войны. Прежде всего, заслуживают внимание воспоминания, дневники и рабочие записи самих корреспондентов, которые делали это в силу профессионального долга (Песков, 1960; Альперт, 1962; Халдей, 1979; Voss, 1994), затем рассказы о фотографии и фотожурналистах (Симонов, 1971; В редакцию не вернулся, 1972; В редакцию не вернулся, 1973; Волков-Ланнит, 1980; Никитин, 1991; Merridale, 2006), альбомы о Второй мировой войне (Великий подвиг, 1965; 1418 дней, 1968; Шейнин, 1969; Великая Отечественная война 1941–1945, 1975; Фронтовыми дорогами, 1985; Антология советской фотографии, 1987; Северный флот в боях за Родину, 2005; Нарциссов, Нарциссова, 2011; Дороги войны Анатолия Архипова, 2015; Моя война, 2015; Фоторепортеры на войне, 2015), монографии (Baltermants, 1996; Wolf, Zhitomirsky, 2016), энциклопедии (World War II, 1999; Ailsby, 2001; Fowler, 2001; Nymel, 2006), сообщения музейных работников о коллекциях фотографий (Фотография в музее, 2015), каталоги выставок (Нямецкая прапагада на Беларусі 1941–1944, 1996; Бальтерманц, 2005; По ту сторону: Неизвестные фотографии с оккупированной территории СССР, 2016) и др. Что касается исследований о роли фотографий, повествующих о судьбе евреев в годы Второй мировой войны, то чаще всего они связаны с трагедией Холокоста (Zelizer, 1998; Struk, 2004).

В Советском Союзе с начала войны любая частная фотографическая деятельность, особенно в прифронтовой полосе, была запрещена. Необходимо было иметь особое разрешение для ведения фотосъемки, которое могли получить немногие – например, фотокорреспонденты различных газет и журналов, которые обеспечивали снимками свои редакции. Не случайно в годы войны прекратил выходить даже журнал «Советское фото¹. В Германии отношение государства к любительской съемке в годы Второй мировой войны существенно отличалось. По оценке Бернда Боля, к началу войны количество фотоаппаратов достигло 7 млн. (Boll, 2003: 167–178) Немецкие оккупационные власти и военное командование терпимо относились к любительской съемке на оккупированной территории. Запреты могли касаться массовых казней и других опасных сюжетов, которые при этом не всегда строго соблюдались. Они печатались в фотолабораториях захваченных городов и на фронте, отправлялись в виде негативов или оттисков домой, распространялись среди товарищей, продавались, обменивались на продукты или сигареты (По ту сторону, 2016: 10).

После войны многие фотографии хранились в семейных архивах, выпадая из поля зрения историков, как в СССР, так и на Западе. Долгое время они не являлись предметом специального изучения, общественных дискуссий, а использовались почти исключительно

¹ «Советское фото» — советский ежемесячный иллюстрированный журнал Союза журналистов СССР, был рассчитан на любителей и профессионалов фото- и киноискусства. На его страницах публиковались работы советских и иностранных фотохудожников, а также статьи по теории, практике и истории фотографии. Выход возобновлен в 1956 г.

как иллюстрации к исследованиям Второй мировой войны. Однако чем больше времени проходит после 1945 г., тем более объективно люди оценивают произошедшее, растет понимание случившегося, оценка поведения людей. Военная фотография оказывает в этом неоценимую услугу. Но никогда прежде исследователи не обращались к фотографии, как неотъемлемой части переписки между фронтом и тылом, тогда как эта тема в письмах звучит очень часто. Солдаты и командиры и их семьи придавали семейному фото исключительное значение. Фото дорожили больше, чем письмами и обязательно хранили. Фотографии брали в дорогу, даже когда не хватало времени на сборы, их место было рядом с документами, деньгами и скромным запасом вещей и провизии в ручной клади. Солдаты носили фото родных и близких в кармане гимнастерки у сердца или в вещмешке за спиной.

Настоящая статья написана на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в 2012–2018 гг. Это черно-белые портреты военных лет и групповые снимки из семейных архивов участников советско-германской войны и их родных, находившихся в советском тылу. Размер большинства фото не превышает 10 x 15 см. Значительная часть фото была аннотирована по просьбе автора членами семей воинов с указанием места и даты съемки. Впервые как исторический источник вводятся в научный оборот письма, посвященные фотографиям (Smilovitsky, 2014: 236–252).

3. Обсуждение и результаты

Значение фото. Значение фотографии для солдата трудно переоценить. Человек вне дома, в дороге, в чужой стороне, а тем более на войне всегда помнил о тех, кто остался его ждать. Солдат нуждался в подтверждении своим мыслям о доме и семье, тем словам, которые он читал в письмах от родных, жены, родителей и детей. Карточка, какого бы качества она ни была, служила своеобразным залогом этой памяти. Из писем становится понятным, какое значение придавалось фотографии в переписке между фронтом и тылом в повседневной жизни. Дмитрий Поляк писал из Гороховецких лагерей¹ своим родителям в Москву 29 августа 1941 г.: «Месяц прошел, как я вас не видел. Теперь я часто вспоминаю, что вы напомнили, чтобы я взял ваши фотографии с собой. Когда я бываю один, я вынимаю ваши фотографии и смотрю. Сколько бы я дал, чтобы на миг вас увидеть. Ладно – это пустые мечты» (Письмо Дмитрия Поляка, 29.08.1941). А вот Сергей Дрейзин, у которого не было фотографий, сокрушался в письме домой 22 марта 1942 г.: «Так хочется обнять вас и крепко, крепко поцеловать не на бумаге, а на самом деле губами. Прошу вас, пришлите свои фотографии. Сын и брат» (Письмо Сергея Дрейзина, 22.3.1942).

Менаше Ваил 28 марта 1942 г. признавался супруге в том, что ее фотокарточка в письме стала самым приятным сюрпризом: «Весь день я только и делал, что смотрел на твои, такие дорогие черты. Вечером мне нужно было готовиться к занятиям, но я позабыл все на свете и только делал то, что вынимал карточку и все смотрел и смотрел на тебя. Ночью ты мне приснилась, и я проснулся с радостно щемящим сердцем и больше уже уснуть не мог» (Письмо Менаше Ваила, 28.03.1942). Борис Иоффе, обращаясь к своей сестре Злате 9 февраля 1943 г., не мог скрыть: «Нужно видеть родное лицо, когда не знаешь, когда удастся его поцеловать» (БГАМЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 101. Л. 6). Вера Куфаева сообщала родителям 11 апреля 1943 г.: «Мои любимые, лучше бы вам не иметь этих моих фотографий. Теперь мамуся все смотрит на карточки и плачет, небось, я ведь знаю. Не плачь, мамочка, если вырвемся из этого ада, будем еще счастливее, чем были. Берегите себя для нас, ведь мы с Ритой все трудности переносим ради встречи с вами» (Письмо Веры Куфаевой, 11.04.1943). Шевах Лapidус писал своей жене Раисе 22 июля 1944 г.: «Фотокарточка, как бы она не вышла, подтверждает, что где-то, хотя и далеко сейчас, все же есть человек, близкий и

¹ Гороховецкие военные лагеря – место подготовки десятков тысяч солдат, сержантов и офицеров в Горьковской области, где в годы Второй мировой войны было сформировано и отправлено на фронт более 300 соединений и частей Красной армии. Однако условия размещения запасников были тяжелыми, люди жили в антисанитарных условиях, без теплого обмундирования, их плохо кормили, не оказывали медицинской помощи, некоторые умирали, не успев попасть на войну, а остальные мечтали быстрее отправиться на передовую.

дорогой, что я не одинок, и что мы вместе, и каждый в отдельности думаем об одном и том же: о скорой победе и совместной встрече» ([Письмо Шеваха Лapidуса, 22.07.1944](#)).

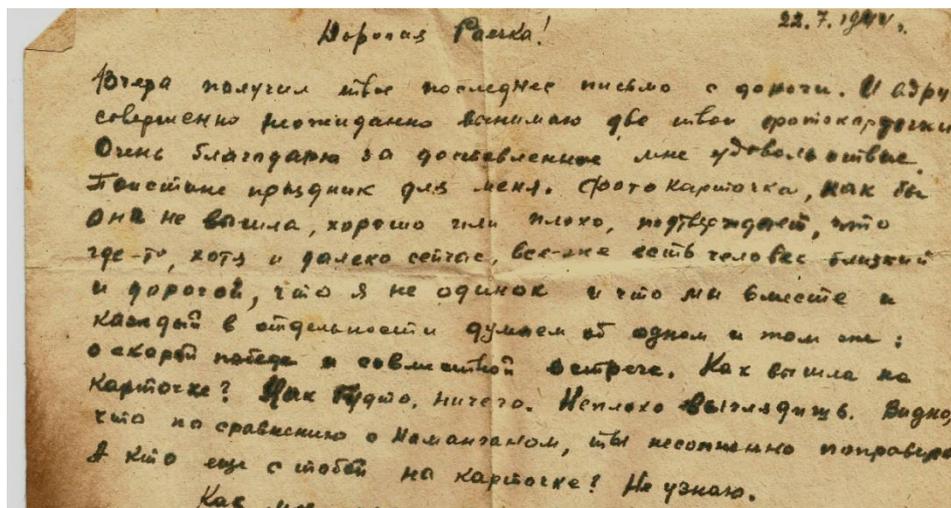

Рис. 1. Письмо Шеваха Вульфовича Лapidуса Раисе Давидовне Баркач, 22 июля 1944 г. (здесь и далее приводятся фотографии из Архива военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете).

По понятным причинам в годы войны фото очень быстро стали, как это следует из писем, самой большой радостью, как для солдата на передовой, так и для его семьи в эвакуации или тылу. Сделать фото можно было далеко не всегда и не везде, и случалось это редко. Фотографий, которыми располагал солдат на войне, почти всегда было мало и получение каждого снимка было событием. Каждая новая фотография всегда оговаривалась, а иногда становилась темой отдельного письма. Далек не все фронтовики, особенно те, кто воевал с начала войны, имели фотографии всех своих близких – родителей, братьев и сестер, жен и детей. Натан Воронов писал своему отцу 16 декабря 1944 г.: «Какая гордость у фронтовика встретить карточку своей семьи, а ведь я какой счастливчик. Я имею карточки всех своих самых дорогих, самых близких сердцу моему людей. Среди нас, фронтовиков, которые воюют с 1941 г., это вещь весьма редкая. Все мы испытали “сладости” этих четырех неизгладимых лет. Сейчас я частенько обращаюсь к своему левому карманчику гимнастерки и достаю из специально заведенной обложки всю нашу дорогую семью. И передо мною проходят годы, один за другим, и все только чем богата была память детства и юности запечатлеть характер и эпизоды каждого из нас, ярко встают передо мною, словно кадры сложной и трогательной картины» ([Письмо Натана Воронова, 12.05.1944](#)).

Когда солдат или командир терял фото при ранении, на марше, при бомбежке, сражении, в наступлении или в окружении, это всегда вызывало большое огорчение. Немедленно в письме домой высказывалась просьба при первой возможности восполнить эту потерю. Яков Городецкий писал 2 августа 1942 г.: «Дорогие мои, я имею крупную потерю. Всю войну я провез через ряд трудностей ваши фотографии. И вот сейчас все потерял. Так что я имел одно удовольствие, что ежедневно вынимал ваши фотографии и любовался вами, а сейчас этого удовольствия не имею, а посему прошу прислать, по возможности, ваши фотокарточки, но только не задерживайте» ([Письмо Якова Городецкого, 2.08.1942](#)).

Фотографии будили не только память, но и чувства, с ними разговаривали, любовались, целовали, ставили перед собой на стол в землянке или клали на колени, когда писали ответ. Облик, запечатленный на бумаге, заменял образ живого человека. Наум Бейлин писал своей жене Гите 9 января 1942 г.: «Я не могу сдержаться себя и вновь повторяю, как я очень скучаю по тебе. Последнее время особенно часто разговариваю с твоими фотокарточками, и от этого только еще сильнее мне хочется увидеть оригинал — тебя. И когда мы будем вместе, я найду такие слова, какими расскажу тебе о моей

бесконечной тоске и горячей любви. Я просил у тебя фотокарточку, вышли ее, пожалуйста. Я буду так ей рад!» ([Письмо Наума Бейлина, 9.01.1942](#)). Бенцион Ваташский писал своей жене и дочери 4 апреля 1942 г.: «Ох, очень скучаю за вами, дорогие мои. И только одна потеха имеется для меня, что вынимаю фотографию и поцелую ее, и кладу обратно, и с этим мне проходит немного, но главная боль остается в моем сердце» ([Письмо Бенциона Ваташского, 4.04.1942](#)).

Георгий Павловский признавался своей возлюбленной Аиде 1 декабря 1942 г.: «Я часто смотрю на твоё фото. Оно мне дорогое, как никогда. И я детально начинаю вспоминать всю нашу дружбу, всю нашу любовь. Сколько было хороших дней, вечеров, минут! Я перечитываю стихи, посвященные тебе, и все передо мной, как на ладони» ([Письмо Георгия Павловского, 1.12.1942](#)).

Рис. 2–3. Аида Наумовна Рабинович и Георгий Павловский, 1943 г.

Соломон Канцедикас делился с женой Элишевой 21 апреля 1944 г.: «Бывает, что охватывает тоска, непреодолимое желание быть с тобой. Это случается часто, особенно в последнее время. Тогда я вынимаю твои фотографии или отдельные письма, или уединяюсь где-нибудь и отдаюсь во власть воспоминания» ([Письмо Соломона Канцедикаса, 21.04.1944](#)). 29 апреля 1944 г. он продолжал: «Смотрю сейчас на твою фотографию, на любимые, дорогие черты. Заглянуть бы сейчас в эти глаза, погладить светлые, мягкие волосы, расцеловать нежный рот! Избегаю этих воспоминаний, ведь становится от этого так ужасно тяжело, но нет на это сил, ты все время незримо со мною. Время нам быть вместе, душа истосковалась» ([Письмо Соломона Канцедикаса, 29.04.1944](#)).

С фотографиями встречали Новый год, их дарили как подарок. 17 февраля 1943 г. Николай Лазюк обращался к жене: «Посылаю свою фотокарточку ко дню рождения дочери, другого ничего, к сожалению, выслать не могу. Почта не принимает» ([Письмо Николая Лазюка, 17.02.1943](#)). Давид Пинхасик сообщал своей жене Марии 31 декабря 1943 г.: «Спать ложиться не буду, посижу, почитаю, а ровно в 24.00 отложу книгу, вытащу фотокарточки твои и Сергейки, поцелую крепко-крепко и мысленно произнесу здравицу за вас, за землю нашу настрадавшуюся, за будущее ясное, за встречу нашу в день желанной победы» ([Письмо Давида Пинхасика, 31.12.1943](#)).

Если появлялась возможность, то каждому члену семьи фотография высылалась отдельно, и это означало наивысший знак внимания. Когда такой возможности не было, то фото посылали одно на семью, что специально оговаривалось в письме. Михаил Абрамович писал своей жене Евгении 1 июля 1944 г.: «Женечка, я посылаю вам фотокарточку, одну на всех (сегодня снялся еще раз, если выйдет, вышло), так как сделали две и, как видишь, не совсем удачно. Хранение карточки, т. е. ее место, определите простым голосованием» ([Письмо Михаила Абрамовича, 1.07.1944](#)).

При получении фото в ответном письме фронтовики сообщали, что они еще острее чувствовали необходимость встречи, что полны решимости победить и вернуться домой целыми и невредимыми. Фотография дарила возможность еще раз пережить дорогие сердцу чувства любви, почувствовать, если не физическую, то духовную близость дорогого человека. Яков Эпштейн писал 1 июня 1942 г. своей дочери: «Рутикен, милая моя девочка, получил сегодня твою “физию”, как ты выражаешься. Поэтому у меня настроение на 100 % лучше. Знаешь, на карточке ты неплохо выглядишь, и очень хорошо, что рассмеялась. Я вспоминаю, какой я тебя видел 4 июля 1941 г. из дверей теплушки, когда ты с мамой ехала в Боровичи¹» ([Письмо Якова Эпштейна, 1.06.1942](#)).

Лев Бандас писал своей жене Ляле и дочери 22 июня 1944 г.: «Очень часто смотрю на ваши фотокарточки. Хотелось бы уж жить вместе с вами и никогда не расставаться. Вот уж 3 года, как мы оторваны друг от друга. 3 года из 6 с половиной лет. Как много. И если по-человечески сказать, то черт его знает, когда наступит этот час, когда мы будем вместе. Надоело ведь. Приходится опять, как и когда-то, надеяться, что наступит этот час, а воды-то сколько утекло за это время. Скольких товарищей не стало. Ты помнишь Святкова? Погиб. Та же участь настигла и Марьяновского. Было у меня замечательных два товарища: Боронин и Зайцев, оба Герои Советского Союза. Погибли. Да... меня пока бог милует. Может, мой час еще настанет. Гадать не будем. Жив останусь – хорошо. Значит для вас, мои дорогие» ([Письмо Льва Бандаса, 22.06.1944](#)).

Фотографии вызывали воспоминания о довоенном прошлом, дарили возможность вспомнить родной край, город, улицу, двор и дом. В письме высказывалась надежда, что все это неизбежно вернется, только когда и в каком виде? Менаше Ваил в письме 22 ноября 1944 г. писал жене: «Я вынул из кармана фотокарточку, где ты снята с Цилюней в Крыму, и рой воспоминаний всколыхнул мою душу. Сколько за эти годы перенесено лишений и страданий. Теперь осталось мстить проклятым извергам, что я и делаю, находясь в рядах Красной армии и ведя бои на территории ненавистного врага, мечтать остаться живым и вернуться к тебе, воспитывать детей, жить их радостями и радоваться их счастьем» ([Письмо Менаше Ваила, 22.11.1944](#)).

Многие фронтовики признавались, что глядя на семейные фото, они чувствовали горячее дыхание близких, прижимали к груди и слышали биение их сердца. В критический момент фотография позволяла прощаться со своими родными и близкими, когда не было уверенности выйти живым из боя. Михаил Печерский записал в своем дневнике в 1943 г., что красноармеец Машенец перед боем целует фотографию жены ([Дневник Михаила Печерского, 1943–1944](#)). Шевах Лapidус, получив фото из дома, признавался: «Сейчас будет возможность в самые трудные минуты прощаться с моими дорогими и любимыми» ([Письмо Шеваха Лapidуса, 26.10.1944](#)). Те же чувства мы обнаруживаем в письме Леонида Мироша 9 марта 1945 г., адресованном своим родителям: «Я вам очень, очень благодарен за ваше фото. Я их целую без устали» ([Письмо Леонида Мироша, 9.03.1945](#)).

Фотографиями настолько дорожили, что в отдельных случаях солдаты возвращали их домой, чтобы сохранить единственный экземпляр. Красноречивое свидетельство этому мы находим в переписке Якова Скульского с женой. 5 ноября 1943 г. он писал: «Почему ты до сих пор не выслала хотя бы старое фото? Я ведь тебя просил. Возможно, ты поняла, что я прошу только новую карточку свою и детей. Как только получу, я по истечении некоторого времени верну обратно. Хочется посмотреть» ([Письма Якова Скульского, 5.11.1943](#)). 26 марта 1944 г. он продолжал: «Ты давно просила вернуть фотографии, которые прислала. Правда, меня это обидело. Но я не думаю, что ты этого хотела. Поэтому я и не сержусь. Теперь я сам решил их отправить, ибо в условиях нашей жизни хранить...? Только одну открытку, где ты держишь Мосеньку² на руках, я уж оставлю у себя, и твою карточку там же» ([Письмо Якова Скульского, 26.3.1944](#)).

¹ Боровичи – город в Новгородской области.

² Моисей Яковлевич Скульский родился в Одессе 24 июля 1938 г.

Рис. 4. Гитель (Геня) Копелевна Брокман с сыном Моисеем. Буйнакск, 13 мая 1940 г.

Просьба выслать фото. Значение фотографии для солдата воюющей армии, который часто оказывался в экстремальных обстоятельствах, не вызывает сомнения. Однако почему в переписке военных лет часто повторялись просьбы, требования, а порой и нарекания на отказ послать личное фото? Люди, как на фронте, так и в тылу, уговаривали друг друга послать личные фотографии, но не всегда встречали понимание. Особенно настойчиво требовали фронтовики, которые справедливо полагали, что имеют на это полное право. Они жили в неприспособленных условиях, часто под открытым небом, не принадлежали себе (военная дисциплина), рисковали жизнью. Израиль Найштут совестил свою жену 24 июня 1942 г.: «Год скоро не видел детей и тебя, даже фотокарточки нет, какая ты? Все время прошу фотокарточки, не послала» ([Письмо Израйля Найштута, 24.06.1942](#)). Менаше Ваил, не теряя терпения, повторял жене Бэле 10 августа 1943 г.: «Насчет фотографий ты меня за нос водишь уже долгое время, не выполняя своего обещания. Если теперь исполнишь – я буду очень рад» ([Письмо Менаше Ваила, 10.08.1943](#)).

В отдельных случаях солдаты сообщали своим близким, женам, подругам, матерям и отцам, в каком именно виде они хотели бы получить фото – портрет, в полный рост, сидя, с волосами распущенными по плечам, или собранными в прическу, одной или с детьми. Наум Бейлин писал своей жене 9 декабря 1941 г.: «Гиточка, у меня есть к тебе одна просьба, я тебя очень прошу ее выполнить, правда, она может тебе показаться смешной и глупой, но... к чему объяснять. Я хочу, чтобы ты сфотографировалась во весь рост. Сделай, дорогая, это. Ладно? Ведь у вас в Челябинске есть фотографии? Ведь это только здесь нет их¹. Так я жду выполнения моей просьбы, хорошо?» ([Письмо Наума Бейлина, 9.12.1941](#)). Встречая настойчивый отказ прислать фото со ссылкой на непреодолимые обстоятельства (отсутствие фотоателье, времени, денег и пр.), мужчины предлагали выход из положения. Солдатская смекалка подсказывала, что фото можно изготовить в приспособленных условиях. Михаил Гратвол 21 декабря 1941 г. в письме своей знакомой спрашивал: «Мурика, ведь у вас в рентген-кабинете обязательно должны быть фото пленки и пластинки, за этим, наверное, вся задержка. Узнай, может быть, удастся сфотографироваться?» ([Письмо Михаила Гратвола, 21.12.1941](#)).

В письмах с фронта строили догадки, почему у родных, близких и друзей в тылу не хватало понимания: из-за плохого самочувствия, усталости, переутомления, отсутствия настроения? Абрам Лукашевский 2 июня 1942 г. писал домой: «Мамочка, я знаю, ты не любишь фотографироваться, но сейчас я не с вами, и вы это сделайте» ([Письмо Абрама Лукашевского Басе Исааковне Лукашевской, 2.06.1942](#)). Илья Атт писал своей жене Гите в

¹ Речь идет о Монголии, пустыне Гоби.

Ташкент 7 апреля 1944 г.: «Напрасно ты не посылаешь мне фотокарточку свою, ведь мне с тобою не знакомиться. Я тебя давно знаю, примерно 23 года, и великолепно знаю, что ты подурнела лицом и фигурой, о теперешней трудной жизни, и что как только начнешь нормально жить, то ты снова будешь полной и красивой. Черты лица твои не изменятся, вдобавок и нервы твои не такими будут как сейчас. Не стесняйся, если не так удачно получилась карточка. Никто не собирается свататься» ([Письмо Ильи Атта Гите Берковне Пинской в Ташкент, 7.04.1944](#)).

Рис. 5–6. Абрам Иосифович Лукашевский, 1943 г.

Очень часто солдаты и командиры были согласны на любое фото, пусть даже довоенное, чтобы взглянуть на любимое лицо, дорогие черты. Михаил Гратвол 21 декабря 1941 г. уговаривал свою подругу: «В крайнем случае, пришли хоть старую, хотя бы их тех, которые ты готовила в театральный институт <...>. Эх, если бы на минуточку, хоть через щелочку посмотреть на тебя, ведь настанет такое время, как ты думаешь?» ([Письмо Михаила Гратвола, 21.12.1941](#)) Менаше Ваил уговаривал свою жену 12 марта 1942 г.: «Бэлочка, может, есть какая-нибудь возможность сфотографироваться, чтобы я мог хоть на карточку посмотреть? Я ведь на войне, и все может случиться, а мне хочется и перед смертью ее увидеть» ([Письмо Менаше Ваила, 12.03.1942](#)). Сергей Дрейзин писал 28 апреля 1942 г.: «Очень бы просил тебя, мамочка, прислать фотографии тебя и папочки, ты там, где в шляпе с пером, папочка без головного убора, карточка кажется до вашей свадьбы. Сделать это быстрее, как только это можно будет» ([Письмо Сергей Дрейзина, 28.04.1942](#)).

Фотографиями дорожили настолько, что порой предпочитали посылать заказным письмом, чтобы предупредить непредвиденную случайность в работе почты, в одном конверте предлагалось слать только одну, во избежание потери остальных. 14 сентября 1943 г. Мордехай Горелик сообщал домой, что выслал свое фото и очень беспокоился за то, чтобы оно не было утеряно в дороге: «Думаю завтра послать еще одно заказное письмо, в которое я также вложу фото. Уверен, что одно из них ты получишь. Я также мамаше и дяде Леве послал по одной фотографии, тоже в заказных письмах» ([Письмо Мордехая Горелика, 14.09.1943](#)).

Иногда просьба высказывалась с юмором, что свидетельствовало об особой доверительности отношений, но суть запроса от этого не менялась. Белла Рубинова

21 января 1944 г. получила от своей подруги Л. просьбу такого содержания: «Моя очаровательная покорительница сердец! Очень бы хотела видеть, какая ты стала интересная на морду, и поэтому коленапреклоненно умоляю тебя порадовать фотопортретом, тем более, что фотографии сейчас, наверное, работают (если у тебя нет в доме карточки). Как давно я прошу тебя об этой милости» ([Письмо подруги Л., 21.01.1944](#)). Или, напротив, ссылались на то, что «нечего показать другим» ([«Память, сложенная треугольником», 2018](#)).

Особенно настойчиво просили выслать фотографии детей. Менаше Ваил писал своей супруге 10 ноября 1943 г.: «Сколько уже месяцев, как ты все обещаешь сфотографировать Олюську¹, и это только обещание» ([Письмо Менаше Ваила, 10.11.1943](#)). Яков Скульский мечтал в письме к своей жене Гене Брехман 6 ноября 1942 г.: «Вот бы получить фотографию! Ты сидишь на плетеном стуле, в черном, хотя это не важно, на руках держишь Эдиньку², а Мосенька, стоя на чем-то, за твоей спиной обвивает тебя ручкой за шею и держит остриженную голову на одном уровне с твоей. И ты, и Мосенька взгляды свои обращаете на Эдиньку» ([Письмо Якова Скульского, 6.11.1942](#)). 16 апреля 1944 г. он продолжал: «Сегодня исполняется два года, как родился наш Эдинька! Какой уже должен быть большой мальчик. Только я его не знаю. Даже на фотокарточке не видал. Обидно» ([Письмо Якова Скульского, 16.04.1944](#)). А Шевах Лapidус 6 июня 1944 г. умолял: «Раечка! Убедительно буду настаивать в каждом письме: высылай фотокарточку свою и Марика» ([Письмо Шеваха Лapidуса, 6.06.1944](#)). Наум Бейлин обращался к жене Гите 26 июля 1944 г.: «Очень прошу тебя, если есть возможность, то сфотографируй нашего сорванца и вышли мне фотографию, ведь я даже не представляю, каков он?» ([Письмо Наума Бейлина, 26.07.1944](#)).

Почему же тогда близкие солдата, которые с таким нетерпением ждали весточки с фронта, не спешили с фотографиями? Почему эти просьбы повторялись из письма в письмо? Главной причиной отказа, скорее всего, было нежелание показаться в невыгодном виде, нарушить в памяти солдата привычный образ дорого человека. Любовь Зантович писала прямо своему мужу Алесю Кучару 15 января 1942 г.: «Родной мой! Скоро пришлю фото Феликса [их трехлетний сын – Л.С.]. Сама что-то не хочу фотографироваться. Уж очень плохо получаюсь. Хуже чем на самом деле. Еще разлюбишь» ([Письмо Любви Зантович, 15.02.1942](#)).

Тяжелые материальные условия, изнуряющий физический труд, недосыпание и недоедание, отсутствие витаминов, дефицит гигиенических средств, приводили к преждевременному старению. Силы молодости не справлялись с систематическими перегрузками, внешность людей менялась, и это пугало, главным образом женщин – подруг, жен, матерей. Они откладывали поход к фотографу, ссылаясь на отсутствие удобного случая. На самом деле, расчет делался на то, что положение изменится, и они поправят свою внешность. Природа женщины негласно требовала показать себя любимому мужчине, если не во всей красе, то не хуже образа, который оставался в его сознании при расставании. Иногда перерыв в получении фото затягивался на продолжительный срок, который измерялся многими месяцами, и даже более года.

Фронтовики (мужчины и женщины) воспринимали отказ послать фото по-своему, иногда, как равнодушие и неуважение. Многие солдаты подчеркивали, что они «все понимают» и готовы на «любое» фото, но только скорее, поскольку терпение на пределе. Иногда это непонимание толкало к конфликту или предъявлению своего рода ультиматума: не получу фото – не буду писать. 12 мая 1942 г. Израиль Найштут писал жене Эстер в категорической форме: «Не будешь присылать фотокарточку <...>, так я не буду писать» ([Письмо Израйля Найштута, 12.05.1942](#)). 28 апреля 1945 г. Инна Фруг умоляла: «Мамуся! Дорогая! Пришли фотокарточку с себя. Умоляю. Иначе больше не буду писать вообще. ЯСНО? Как хочешь, но пришли в следующем письме» ([Письмо Инны Фруг, 28.04.1945](#)), а 22 мая 1945 г. настаивала: «Если не вышлешь немедленно, то я больше и писать не буду. Немедленно высылай! Жду с нетерпением» ([Письмо Инны Фруг, 22.05.1945](#)).

Людей, которые воевали, сидели в окопах, поднимались в атаку, шли бесконечными дорогами, ночевали в лесу, укрывались в воронках при артобстреле или воздушном налете,

¹ Младшая дочь, родившаяся в отсутствие Ваила.

² Эдуард Яковлевич Скульский родился в Кустанае 16 апреля 1942 г.

наружность волновала все меньше. Шкала приоритетов изменилась. Они узнали цену жизни, и главные помыслы были направлены на то, чтобы уцелеть и вернуться домой с победой. Вот почему, когда позволяли обстоятельства, фронтовики не задумываясь, слали родным свое фото, понимая, что такая возможность может повториться не скоро. При этом они не упускали случая напомнить еще раз, как сами ждут для себя фото из дома. 8 марта 1943 г. Абрам Лукашевский писал сестре Полине: «Мне сегодня удалось сфотографироваться, как выйдет, предвидеть не могу. Думаю, и ты будешь довольна получить какую-нибудь карточку, несмотря на мой арестантский вид – подстрижен, по плечам обгорел, нос красный. Дорогие, постарайтесь сфотографироваться и прислать» ([Письмо Абрама Лукашевского, 8.03.1943](#)).

Когда времени оставалось в обрез, то отправить фото просили сослуживцев. 10 февраля 1944 г. Анатолий Авин сообщал своей подруге: «Дорогая Беллочка! Я неожиданно получил назначение, и на сборы мне дали час времени, так что я не имел возможности попрощаться. Я оставил твой адрес и фотокарточку нашей телефонистке Оле Тополевой, и она обещала ее тебе переслать» ([Письмо Анатолия Авина, 10.02.1943](#)). 14 февраля 1944 г. Ольга Тополева написала: «Многоуважаемая Белла Давыдовна! По просьбе Анатолия Израилевича я пересылаю его фотографию и сообщаю, что он поехал вперед гнать ненавистного гада с нашей Родины. Его просьба к Вам не терять надежды, что он вернется, просил ждать его до последнего часа, беречь себя, не терять связь с его мамашей. Письма от него пока несколько времени не будет, об этом не беспокойтесь, дорога дальняя» ([Письмо Ольги Тополевой, 14.02.1943](#)).

Сохранить фото. Фотографии представляли большую ценность, как для тех, кто воевал, так и для тех, кто ждал их в тылу. Фото были своеобразным залогом того, что если человек не вернется с войны, память о нем не исчезнет, послужит напоминанием, каким был отец, который отдал жизнь за будущее детей. Это вселяло уверенность, что родители получают свое продолжение в детях, помогало сохранить душевное равновесие солдата. Сергей Дрейзин 1 января 1942 г. писал из танкового училища в Челябинске: «Милые, родные, любимые папочка, мамочка и Димунчик! Передо мной лежат ваши карточки. Какими близкими, и в тоже время какими далекими кажетесь вы мне. Мне так дороги эти фотографии, как бесценно дороги. Храню их как зеницу ока» ([Письмо Сергея Дрейзина, 1.01.1942](#)). 29 января 1942 г. Лев Нехамкин, служивший в редакции «За победу» 226-й стрелковой дивизии на Юго-Западном фронте, посылал жене Мэри фотографию, которая, по его словам, имела интересную историю: «Вернусь домой после уничтожения врага, расскажу. Интересная память об интересных, но тяжелых днях. Если эта фотография по какой-либо причине не дойдет, то у меня есть другая и даже негатив» ([Письмо Льва Нехамкина, 29.01.1942](#)). Соломон Канцедикас 31 декабря 1942 г. уточнял: «Шевинка! Ваши фотографии я берегу вместе с партбилетом у сердца, часто гляжу на родные, любимые черты. Как вы мне дороги, родные! Ваш образ я понесу с собой во все бои. Вы придаете силы и волю жить и бороться» ([Письмо Соломона Канцедикаса, 31.12.1942](#)).

Фото бережно хранили, они негласно получали статус «неприкосновенного запаса» и считались важным семейным достоянием. Образ родного человека, запечатленный на фотобумаге, будил воспоминания и размышления. Люба Зантович писала своему мужу Алесю Кучару 28 сентября 1941 г.: «Дорогой мой! Очень нравятся фотографии. Прямо комиссар. Смотрю я на них сегодня целый день, и невольно вспоминается вся наша прошлая жизнь. Много было в ней неправильное, но зато это горькое испытание послужит залогом прекрасного будущего, а что это так будет, я не хочу сомневаться. Помни только одно, тебя мы крепко любим, и мне не придется краснеть при встрече с тобой. Разве только от радости» ([БГАМЛИ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 247. Л. 7](#)).

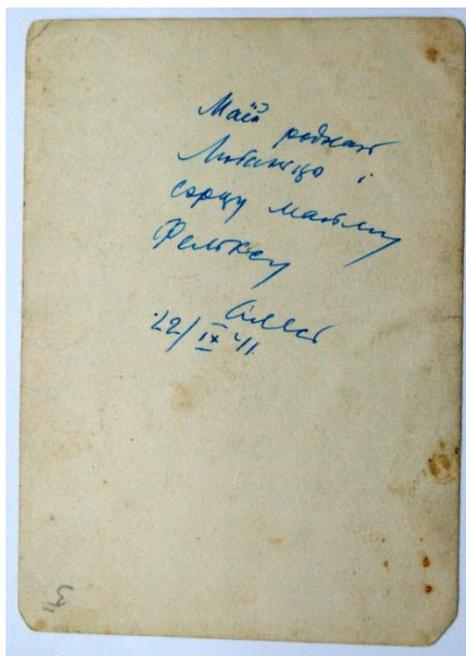

Рис. 7–8. Алесь (Айзик Евелевич) Кучар, 1941 г.

Карточки придирчиво изучались в поиске сходства отца с сыном, деда с внуком, дочери с матерью. Особенно это касалось детей, которые родились в отсутствии отцов, и никогда не видели «живого» папу». Фотографии мужчин и женщин в военной форме в детских глазах казались очень привлекательными, особенно когда они сопровождались рассказами (мамы, бабушек и дедушек) или написанием писем. Все это будило воображение, помогало закрепить в детском сознании облик человека, который, в свою очередь, передавал ребенку приветы издалека, обещал вернуться и привезти подарочки, или сладкое.

Пока солдат (муж, отец, брат, дядя) отсутствовал дома, его фотографию не выставляли для общего обозрения. Чаще всего их предпочитали хранить в укромном месте (иногда от сглаза). Участники переписки сообщали, что увидеть фото можно только с разрешения того, кому они были адресованы. В этом проявлялась своеобразная ревность супругов, стремление закрепить за собой исключительное право на внешний облик мужа или жены, возлюбленного и возлюбленной. Любовь Зантович писала своему мужу Алесю (Айзику) Кучару 26 марта 1942 г.: «Все твои письма, фото аккуратно сложены и закрыты в коробочке, и никто не смеет к ней прикоснуться. Часто вечерами мечтаю о том, как мы встретимся, как я крепко обниму тебя, милый ты мой хороший. Крепко, крепко целую» ([БГАМЛИ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 247. Л. 34](#)). Фотографию выставляли для всех без исключения только в случае, когда солдат вернулся домой или, наоборот, пришло извещение о его гибели (похоронка).

Фронтовики всегда интересовались, показывают ли фото их детям и насколько часто, справедливо беспокоясь, что когда война кончится, дети не узнают вернувшегося родителя-солдата. Наум Гузиков 27 февраля 1942 г. спрашивал у своей жены: «Что делает наш дорогой сын-черноглазик? Вспоминает ли папу? Ты, Билюсик, ему хоть мою фотографию чаще показывай, а то ведь малыши быстро лица забывают; когда вернусь домой, он еще меня и не узнает» ([Письмо Наума Гузикова, 27.02.1942](#)). Израиль Перлов обращался к своей дочери: «Дорогая Лерочка! Посылаю тебе и мамочке свою фотографию, чтоб вы знали, какой папа военный. Опознала ли ты меня среди всех военных, которые тут сфотографированы?» ([Письмо Израйля Перлова, 1942](#)). Элишева Канцедикас сообщала мужу Соломону, что их сын Алик все фотографии в газетах называл «папой». На это Соломон отвечал 4 февраля 1943 г.: «Родной мальчик, он еще увидит папу настоящего, живого. Почувствует он еще и отцовскую заботу, любовь. Но если судьба распорядится иначе, то пусть сын знает, что у него был любящий отец, который честно прожил свою жизнь и боролся за его счастье» ([Письмо Соломона Канцедикаса, 4.02.1943](#)).

Внешний облик. Вкладывая фотографию в конверт, люди всегда думали, как ее оценят. При взгляде на фото можно было догадаться, как человек себя чувствует, насколько имеет все необходимое для жизни и службы, уверен и владеет собой, насколько пользуется уважением, можно ли на него положиться. Михаил Абрамович делился со своей женой Евгенией 2 августа 1944 г.: «Суровый, лохматый вид моей физиономии как нельзя лучше отображает время, переживаемое нами» ([Письмо Михаила Абрамовича, 2.08.19](#)). Наум Кунин пояснял своей невесте Гене Кобриной 29 декабря 1944 г.: «Несколько дней назад я сфотографировался, правда, был плохо одет, ведь хорошо одеваться не приходится на фронте, вот так и сфотографировался, а вообще, это фото самое настоящее. Вышел я вроде ничего, лицо очень “похудевшее”. А вообще в натуре я, мне кажется, лучше..., возможно это мне только что кажется..., но говорят» ([Письмо Наума Кунина, 29.12.1944](#)).

Для бывшего гражданского человека, впервые надевшего воинскую форму, важно было услышать, как его родные и близкие оценивают внешний вид. Идет ли она ему к лицу, насколько солдат выглядит бравым, смелым и уверенным в себе. Любовь Зантович писала из эвакуации своему мужу Алесю Кучару 27 декабря 1941 г.: «На фото ты выглядишь чудно. Форма идет тебе. Бейте сильнее фашистов. Последние сообщения радио наполняют сердце радостью и уверенностью, что скоро будем вместе. Только бы почта ходила нормально» ([Письмо Любови Зантович, 27.12.1941](#)). Мария Ваганова 22 сентября 1943 г. так прокомментировала мужу полученную от него фотокарточку: «Твои усы! Что мне с тобой делать? Ладно, носи усы, все-таки теплей... тем более, дело к зиме идет. А снимки хороши. Рада, что у тебя есть товарищи, с которыми бывает легко» ([Письмо Марии Вагановой, 22.09.1943](#)).

Фотографии получались по-разному, одни признавались удачными, другие наоборот. Комментарии в письме, сопровождавшие фото, называли и второстепенные причины, повлиявшие на внешность при фотосъемке. Усталость, перенесенные стрессы, потеря товарищей, неустроенный быт, плохое питание, зависимое положение от старшего по званию, груз ответственности, тяжесть принятия решений – все это неизбежно отражалось на фотографии. Фронтовики, в свою очередь, оценивали фотографии родных, полученные из эвакуации. Часто выводы, к которым они приходили, оказывались неутешительными. Натан Воронов 7 июня 1944 г. комментировал фото из дома: «Многое можно сказать о карточке. Да, действительно постарели, дорогие мои. Ведь три года разделяют нас, да каких три года! Взгляд мамы заставляет уронить слезу. Я и не знаю даже, как писать, потому что, употреби слово “дорогая мамочка”, опять заставит покатиться струе слез из твоих глаз. А когда нет никого в комнате, я чувствую, как ты еще раз садишься за стол, достаем наши письма за месяц или более, и начинаешь перечитывать, и тогда начинают литься слезы целыми ручьями. Ох, нет! Это не дело. Сейчас наступает время, когда жизнь начнется так и только так, как каждому захочется» ([Письмо Натана Воронова, 7.06.1944](#)).

Рис. 9–10. Фотография Михаила Соломоновича Абрамовича, 1 октября 1944 г.

Имели место и случайные причины, которые оставили свой след на снимке – человек спешил, не успел переодеться, мешали плохое освещение, примитивная фототехника и некачественные фотореактивы, неумелый фотограф, о чем будет рассказано подробнее. Общим оставалось то, что условия подготовиться к посещению фотографа были далеко не у всех, как на фронте, так и в тылу. Порой люди не успевали переодеться, причесаться, собраться с мыслями, наконец, улыбнуться. И, конечно, редко оставалась возможность исправить неудачный вариант. Посылали так, как получалось, за исключением явного брака (закрыв глаза, зевнул, чихнул, моргнул). Мордехай Горелик, пытаясь оправдаться, писал своей жене 4 октября 1943 г.: «Не такой уж я строгий и злой, как вы меня видите на фотографии. Перед тем, как сесть на стул мне пришлось поволноваться, хотелось сделать веселое лицо – и не успел, он раньше щелкнул кнопкой, чем я это сделал, а поэтому и получился такой злой и сердитый. Хочу тебе сказать, что я, как прежде, был и остался хорошим. И если приеду, смогу предоставить столько удовольствия, как было до войны» ([Письмо Мордехая Горелика, 4.10.1943](#)). То же подтверждал и Шевах Лapidус 30 мая 1944 г.: «Снимался я наспех, еле успел отдышаться, бежал всю дорогу. Но, как бы то ни было, я могу заверить, что чувствую себя хорошо. Быстро передвигаюсь, о большой пояснице я даже забыл» ([Письмо Шеваха Лapidуса, 30.05.1944](#)).

В ответных письмах, направленных из тыла на фронт после получения солдатских фотографий, мы читаем, что их родные и близкие искали возможность надеть лучшее, что у них было. Они доставали сохранившиеся дорогие сердцу подарки, сделанные отцами и мужьями, отправившимися воевать. Это давало понять, что знаки внимания, оказанные в прежние времена, по-прежнему ценили, хотя трудные условия военного быта и жизни в эвакуации заставляли продавать или обменять самое необходимое, чтобы выжить. Рут Эпштейн писала 9 апреля 1944 г. своей подруге: «Сейчас мама хочет сфотографироваться со мной. Я надену папино кольцо, пусть видит, что еще его не продала. Вообще самое удивительное, что оно сохранилось. Когда Зорик [брат Рут – Л.С.] был здесь, то пришлось очень много продать. Ну да это ничего. А сейчас мама зовет на Елисейевские поля, так у нас называют барахолку» ([Письмо Рут Эпштейн, 9.04.1944](#)).

Сфотографироваться удавалось редко, поэтому в письмах можно было встретить пояснение о том, что порой посылались старые фото, а выглядел человек иначе. Юрий Попов писал Раисе Блашкевич 5 сентября 1943 г.: «Посылаю старую фотографию – старая во

всех отношениях, и физиономия на ней искрилась трагизмом, старая – это если забыть, что уже на носу 30 лет – старик. Медаль на левой стороне подрисуй сама – во всем блеске снимка еще нет. Все так быстро меняется, что не успеваю фотографироваться» ([Письмо Юрия Попова, 5.09.1943](#)).

В женских письмах больше встречается пояснений о нарядах, о той связи, которая существовала между внешним видом и тем, во что человек был одет, насколько оставался доволен. Инна Фруг сообщала своей матери 27 октября 1944 г.: «Вот сейчас пойду к портнихе, понесу ей шить гимнастерку, темно-синюю. Очень хорошенькая должна быть. Хожу сейчас в каракулевой серой кубанке. Одеваю набок, на глаз, а с другой стороны – чуб. Завтра пойдем фотографироваться к одному мадьяру. Не знаю, что получится. Сразу же пришлю, если выйдет» ([Письмо Инны Фруг, 27.10.1944](#)). А Рива Сосланд писала своему жениху Зяме 3 апреля 1945 г.: «Я хочу себе сделать платье из хорошей ткани и в этом платье сфотографироваться. Скоро ты увидишь меня, мой дорогой мальчик, очень нарядной, и главное в своем же собственном наряде» ([Письмо Ривы Сосланд, 3.04.1945](#)).

Отдельная тема – введение погон в Красной армии, что вызвало всеобщий интерес и стало поводом для фотографий. Эта перемена меняла облик не одного солдата или офицера, а всей армии в целом. Это свидетельствовало о возврате традиций и преемственности старой русской армии, новых воинских званий и знаков отличия. Особую роль погоны сыграли в 1944 г. при переходе государственной границы СССР, когда внешний облик армии должен был соответствовать представлениям о регулярной армии у народов Европы. Дмитрий Поляк спешил поделиться этой новостью со своими родителями, которым писал в Москву 15 декабря 1942 г.: «Фотографии на днях вышлю, когда выдадут погоны, то снимусь и пришлю еще» ([Письмо Дмитрия Поляка в Москву, 15.12.1945](#)). Николай Лазюк в письме домой жене и детям 17 февраля 1943 г. сообщал: «Скоро пришлю фотокарточки еще, уже буду с погонами» ([Письмо Николая Лазюка, 17.02.1943](#)). Михаил Печерский в письме к жене Анне (Хане) 29 марта 1943 г. привел подробное описание погон: «Так как у вас в Чернолучье¹ погон не увидеть, то я опишу тебе их. У нас фронтовые, поэтому они не золотые, а цвета хаки с бордовым кантиком. Поле погона прорезают две продольные красные полосы, между которыми серебряная звезда. У вершины погона – золотая пуговица, которой он прикреплен к гимнастерке» ([Письмо Михаила Печерского, 29.03.1943](#)).

Из писем, полученных с фронта, мы узнаем, как отцы оценивали перемены в детях за годы их отсутствия. Причиной взросления часто становились непомерные трудности, которые преждевременно свалились на маленькие плечи. Детская внешность изменилась под воздействием груза взрослой ответственности и переживаний. С другой стороны, отцы радовались, отмечая на фотографиях, что трудности преодолеваются, дети превращаются в подростков, а подростки в юношей и девушек, наливаются молодой силой, готовы заменить взрослых.

Яков Эпштейн писал с фронта своей дочери Рут 20 декабря 1942 г.: «Рутикен, милая ты моя рожица. Я получил твою карточку и с трудом удержался, чтобы ее не расцеловать. Неужели ты еще лучше, чем на карточке? Мама ее считает плохой. Ты прямо красавица. Я тебе пишу об этом, потому что знаю, что ты умница, а не пустая кокетливая барышня» ([Письмо Якова Эпштейна, 20.12.1942](#)). Отношения между отцом и дочерью все годы пребывания отца на фронте были доверительными и трогательными. 27 сентября 1944 г. Яков Абрамович писал Рут: «Милая моя, чудная дочурка, получил твоё славное письмецо с фото. Если ты своей карточкой не довольна, то какой же ты стала в действительности? Прямо кинозвезда. Знаешь, что самое лучшее в тебе, Рутка? Это то, что наряду с жизнестойким отношением к жизни, ты, умница, разбираешься в хорошем и красивом, и ненавидишь пошлости» ([Письмо Якова Эпштейна, 27.09.1944](#)).

За время отсутствия отцов дети подросли и тоже отправились воевать. Теперь уже их родители удивлялись, что дети стали их защитниками. Софья Рубинштейн получила письмо от своей подруги Фани 22 октября 1944 г., в котором рассказывала о своем сыне – награжден медалью «За оборону Севастополя», а по фотокарточке так возмужал, стал таким

¹ Чернолучье — село в Омском районе Омской области, расположено на берегу реки Иртыш в окружении лесов, в 55 км от Омска.

интересным, что она сама смотрела на него и думала, ее ли это сын? (Письмо Софье Рубинштейн, 22.10.1944).

Встречаются признания, что карточка и оригинал, конечно, не всегда совпадали. Элишева Канцедикас 18 июня 1944 г. просила своего мужа Соломона: «Дорогой, напиши, как ты выглядишь, пришли фото – хотя карточки часто врут. В жизни ты всегда лучше, чем на них. Я теперь часто себе тебя представляю, вспоминаю твои черты, мечтаю о тебе» (Письмо Элишевы Канцедикас, 18.06.1944). Соломон, откликаясь на это письмо, сообщал 8 июля 1944 г.: «Не подумай, что я такой серьезный, как на карточке, просто фотограф подвел. С тобой я буду всегда веселый и ласковый» (Письмо Соломона Канцедикаса, 8.07.1944). Зяма (Зиновий) Савиковский писал своей подруге Риве Сосланд 8 ноября 1944 г.: «Очень хочется, чтобы мы уже увидели друг друга не в копии, а в оригинале. Любая карточка, хорошая или плохая, только приблизительно отображает человека. В жизни можно быть некрасивым, а на карточке красивым, и наоборот» (Письмо Зиновия Савиковского, 8.11.1944).

В письме можно было найти приписку: не пугайтесь фото, я не такой старик, как кажусь на нем, а дальше шли напоминания о том, что солдат по-прежнему любит, верит и ждет встречи. Израиль Перлов 16 октября 1942 г. пытался шутить: «Я, видно, очень напугал тебя своими фотографиями. Но, ей-ей, виноваты фотографии, а не я. Не такой уж я старик, как кажусь на них. По секрету скажу тебе, что я даже нравлюсь еще молодым и хорошеньким девушкам. Беда только в том, что мне они не нравятся» (Письмо Израиля Перлова, 16.10.1942). Похожее мы читаем в письме Мордехая Горелика, который, обращаясь к своей семье 12 сентября 1943 г. писал: «Дорогая мамка, детки. Только сейчас получил фотографии. Может казаться, что я такой злой, как на фото, но это от волнения. Зато без прикрас – точно, как в жизни. Я знаю, когда будешь смотреть фото, скажешь, что крепко изменился, возмужал, много складок – ну, и еще чего ты увидишь на фото, это сплошные седые волосы. Два года войны, пережито немало! Когда не получаю писем, разные мысли в голову лезут. Скучаю, нет минуты, чтобы не думал о вас, мои родные, поэтому и крепко изменился. Но это все поправимо» (Письмо Мордехая Горелика, 12.09.1943). Ефим Фих коротко сообщал домой 21 октября 1944 г.: «Время проходит по-военному. Не думай, что я болею, так нет, фото обманывает, здоровье не хуже» (Письмо Ефима Фиха, 21.10.1944).

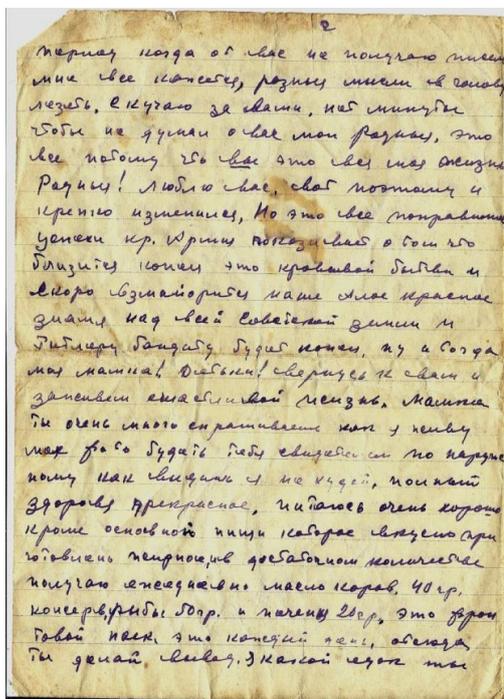
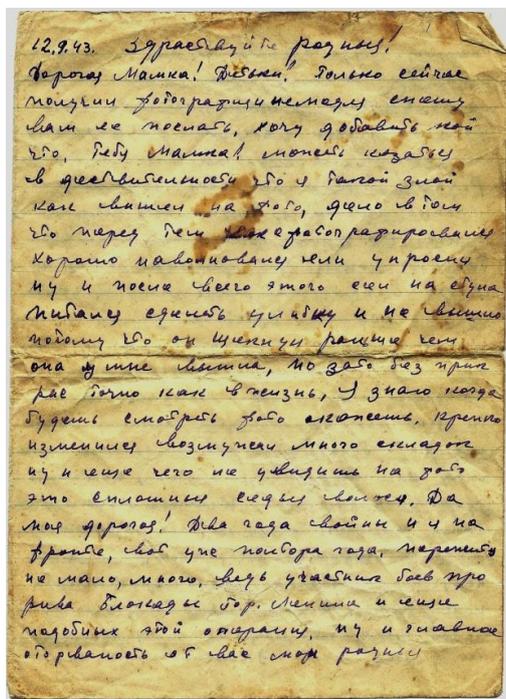

Рис. 11–12. Письмо Мордехая Абрамовича Горелика жене Фаине Анисимовне Горелик, 12 сентября 1943 г.

Юрий Лапин делился в письме со своей матерью 5 января 1943 г.: «Я смотрел старые карточки, которые все таскаю с собой и никак не соберусь отослать тебе. Три карточки – три вехи в жизни. Совсем малец, 18–20 лет и ту, что сделал недавно. Во всех, кроме последней, много сходства, если не портретного, то, во всяком случае, психологического, а в последней я действительно увидел того взрослого мужчину, о котором ты писала. Разница резкая и вряд ли в мирных условиях я бы изменился так даже в три года. Что говорить? Ты же сама все понимаешь» (Письмо Юрия Лапина, 5.01.1943).

Абрам Виленский сообщал 2 февраля 1943 г.: «Вчера среди писем я нашел пожелтевшую фотокарточку. Ты помнишь, как мы фотографировались в школе, на вечере 7 ноября? Я стою, одетый в хороший костюм, лицо мое сияло счастьем. Как я был тогда счастлив! Не мог я ценить тогда жизнь. А помнишь фотокарточку, которую я дал тебе в Семипалатинск? Ведь на этой фотокарточке стоит совсем другой человек, перенесший столько горя за один только год. И кто виноват в этом? Я лично виню Гитлера и его клику, ведь не начни они войну против СССР, я жил бы прежней, счастливой жизнью» (БГАМЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 409. Л. 19).

Шевах Лapidус отвечал своей жене Раисе 30 мая 1944 г.: «Ты пишешь, что я постарел. Безусловно, я постарел, ведь годы-то набавляются. Может быть, по фотокарточке ты установила, что я постарел больше, отчасти это так, ведь основания для этого имеются» (Письмо Шеваха Лapidуса, 30.05.1944). Яков Скульский 30 сентября 1944 г. объяснял своей жене Гене, которая упрекала его в недостатке внимания: «Если ты меня обвиняешь в сухости и недостаточно восторженном отзыве о фото, то ты не подумала хорошенько. Я сильно состарился. Под глазами морщинки, на щеках морщина от угла губ к носу, который стал еще солидней от возраста. Правда, волос еще растет на голове, и почти так же как в день выезда в 1941 г., но встречается золотой волосок. На лбу морщины стали глубже. Вот и портрет. Привлекательного мало. К сожалению, сфотографироваться негде. Сильно устал, а на душе тревога. Помоги мне, родная!» (Письмо Якова Скульского, 30.9.1944). Эти пояснения было вынужденной мерой, поскольку фото в любом случае приходилось отправлять, их настойчиво требовали. Следовало искать компромисс между тем, чтобы посылать фото, которое не нравилось, но при этом не испортить общее впечатление, избежать нежеланных выводов.

После вступления Красной армии в Европу в 1944 г., которую предстояло освободить от ига нацистской Германии, противник, оказывая ожесточенное сопротивление, терпел поражения и отступал. Война катилась к своему завершению, на фото чувствовались настроения победителей. Наум Бейлин писал 7 октября 1944 г. своей жене Гите: «Сломлено сопротивление Румынии. Мы обошли ее всю, мало городов есть в ней таких, в которых бы я не был. Нас встречали по-разному: со слезами радости и с тайной враждой и злобой; сейчас она осталась позади, теперь мы ломаем хребет венграм. Мадыяры — жуткий народ, много ужасов творят они, но скоро и их час пробьет. В этом письме я отправляю тебе мою фотографию. Снимок, отосланный в предыдущем письме, делался в том же городе. Этот город надолго останется в моей памяти. Во-первых, потому, что наш приход туда встречало все население, которое вышло поголовно все, одеты в лучшие платья. Нас буквально забросали цветами» (Письмо Наума Бейлина, 7.10.1944). Соломон Канцедикас 3 мая 1945 г. писал своей жене: «Смотрю на твою фотографию, мысленно горячо целую, обнимаю крепко, крепко. Ты ждала три года, на днях вернись навсегда» (Письмо Соломона Канцедикаса, 3.05.1945).

Порой на фотографиях можно было увидеть советских военнослужащих в форме не по уставу. В письмах это вызывало вопросы, на которые фронтовики давали разъяснения. Юрий Водовоз сообщал 21 ноября 1943 г. своей тете: «Разведчики впереди, а трофеи их. 6 ноября, выполняя задание, мы разбили крупный немецкий обоз – с разным добром и сластями, вещами (простите, может не скромно), ...форма на мне немецкая, хоть хорошая, но вражеская – так надо, придет время, то будем вспоминать эту серую форму и это серое государство» (Письмо Юрия Водовоза, 21.11.1943). Шевах Лapidус в письме к жене 7 июня 1944 г.: «Тебя удивляет, почему мы в разной одежде? Очень просто. При продвижении вперед мы захватываем большие трофеи и много пленных. Пользуемся этим и одеваемся. Вообще-то у нас есть своя форма и одежды хватает отечественной. Но на фронте, на передовой, одеваешь то, что удобнее» (Письмо Шеваха Лapidуса, 7.06.1944).

С начала войны отношение командования Красной армии к использованию трофеев было неодобрительным, поскольку ремонт трофейной техники и воинского имущества вносил еще большие трудности со снабжением. В 1942 г. появился приказ, в соответствии с которым личные ценные вещи, как-то: бинокли, фотоаппараты, часы, портсигары и тому подобные предметы, собранные войсками с убитых вражеских солдат и офицеров, а также захваченные в обозах, штабах и складах противника, требовалось сдавать по утвержденной описи на армейские склады трофейного вооружения и имущества. Они зачислялись в наградной фонд Военных советов армий. Виновных в присвоении личных ценных вещей следовало предавать суду военного трибунала (ЦАМО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 576–577). Однако, когда речь шла об обмундировании и обуви, не подходивших к категории ценных вещей, солдаты и командиры часто действовали, исходя из своих потребностей.

Внешний вид был неразрывно связан с внутренним миром человека, точно также как внешние переживания немедленно отражались на чертах лица. Но общим для большинства фотографий 1941–1945 гг. было то, что четыре года войны оставили глубокий след. Сказывались накопившаяся усталость и оторванность от дома, смерть товарищей, массовые разрушения, ненормированный рабочий день, психологические стрессы, неизвестность в будущем. Известны примеры, когда на фотографии человек выглядел здоровым, излучал оптимизм, а на самом деле война подточила его организм, лишила жизненных соков. Такие признания делали 1945 г., в самый канун победы, когда всем было ясно, что мир вот-вот наступит. Менаше Ваил писал домой 31 марта 1945 г.: «Кажется, что я молодо выгляжу (особенно на фотографиях). В действительности я физически очень постарел и часто-часто задумываюсь над тем, куда я буду годен после возвращения с фронта. Так что наше разочарование может стать взаимным. Вопрос в том, когда уже настанет долгожданный день возвращения домой. Придется еще немало испытаний перенести и мне, и тебе» (Письмо Менаше Ваила, 31.03.1945).

Литература

- 1418 дней, 1968 – 1418 дней. Альбом. М.: Советский художник, 1968. 220 с.
- Альперт, 1962 – Альперт М. Беспокойная профессия. М.: Искусство, 1962. 84 с.
- Антология советской фотографии, 1987 – Антология советской фотографии. В 3 т. Т. 2. 1941–1945. М.: «Планета», 1987. 264 с.
- Бальтерманц, 2005 – Бальтерманц Д. Каталог выставки. М.: МДФ, 2005. 176 с.
- БГАМЛИ – Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства
- В редакцию не вернулся, 1972 – В редакцию не вернулся... Статьи о военных фотокорреспондентах. Кн. 1, 2. М.: Политиздат, 1972. Кн. 1. 466 с. Кн. 2. 390 с.
- В редакцию не вернулся, 1973 – В редакцию не вернулся... Статьи о военных фотокорреспондентах. Кн. 3. М.: Политиздат, 1973. 318 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945, 1975 – Великая Отечественная война 1941–1945. В фотографиях и кинодокументах. В 5 т. Т. 4. М.: «Планета», 1975. 394 с.
- Великий подвиг, 1965 – Великий подвиг (фотоальбом). М.: «Политическая литература», 1965. 336 с.
- Волков-Ланнит, 1980 – Волков-Ланнит Л. История пишется объективом. М.: «Планета», 1980. 256 с.
- Дневник Михаила Печерского, 1943–1944 – Дневник Михаила Адольфовича Печерского 1941–1945 гг. Разрозненные записи 1943–1944 гг. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
- Дороги войны Анатолия Архипова, 2015 – Дороги войны Анатолия Архипова. М.: «Издательский дом Руденцовых», 2015. 295 с.
- Моя война, 2015 – Моя война. Великая Отечественная война в фотографиях В.И. Аркашева. Минск: «Звезда», 2015. 224 с.
- Нарциссов, Нарциссова, 2011 – Нарциссов А.С., Нарциссова М.И. Война крупным планом: фронтовые архивы Ивана Нарциссова. 2-е изд., испр и доп. Липецк: Творческий центр «Традиция», Неоновый город-Л, 2011. 143 с.
- Никитин, 1991 – Никитин В.А. Рассказы о фотографах и фотографиях. Л.: Лениздат, 1991. 222 с.

[Нямецкая прапагада на Беларусі 1941–1944, 1996](#) – Нямецкая прапагада на Беларусі 1941–1944. Канфрантацыя паміж прапагандай і рэчаіснасцю. Выдавец: Іаханес Шлоотц. Каталог выстаўкі. Свабодны ўніверсітэт Берліна – АДДЗЯЛЕННЕ ПАЛІТЫЧНЫХ НАВУК. Берлін: [Б.и.], 1996. 80 с.

[«Память, сложенная треугольником», 2018](#) – «Память, сложенная треугольником». О письмах военных лет // *Вечерний Минск*, 2018. 21 июня.

[Песков, 1960](#) – Песков В. Записки фоторепортера. М.: Искусство, 1960. 116 с.

[Письмо Абрама Лукашевского, 2.06.1942](#) – Письмо Абрама Иосифовича Лукашевского матери Басе Исааковне Лукашевской в г. Свердловск, 2.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Абрама Лукашевского, 8.03.1943](#) – Письмо Абрама Иосифовича Лукашевского сестре Полине Иосифовне Лукашевской в г. Караганду Казахской ССР, 8.03.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Анатолия Авина, 10.02.1943](#) – Письмо Анатолия Авина Белле Давыдовне Рубиновой в Ленинград, 10.02.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Бенциона Ваташского, 4.04.1942](#) – Письмо Бенциона Ваташского жене Бране Ароновне Ваташской в с. Золотуха Харабалинского района Сталинградской области, 4.04.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Веры Куфаевой, 11.04.1943](#) – Письмо Веры Куфаевой из действующей армии родителям в г. Калач Воронежской области, 11.04.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Георгия Павловского, 1.12.1942](#) – Письмо Георгия Павловского Аиде Рабинович, 1.12.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Давида Пинхасика, 31.12.1943](#) – Письмо Давида Шлемовича Пинхасика жене Марии Михайловне Вагановой в г. Казань, 31.12.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Дмитрия Поляка, 29.08.1941](#) – Письмо Дмитрия Поляка родителям Юлию Марковичу и Марии Мартыновне в г. Москву, 29.08.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ефима Фиха, 21.10.1944](#) – Письмо Ефима Борисовича Фиха жене Анне Вольковне (Хане) Фих в г. Рыбница Молдавской ССР, 21.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Зиновия Савиковского, 8.11.1944](#) – Письмо Зиновия Ильича Савиковского Риве Сосланд в г. Ташкент, 8.11.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Израиля Найштута, 12.05.1942](#) – Письмо Израиля Янкелевича Найштута жене Эстер Израилевне Найштут (Любчиц), 12.05.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Израиля Найштута, 24.06.1942](#) – Письмо Израиля Янкелевича Найштута жене Эстер Израилевне Найштут (Любчиц) в с. Яйпан Кагановичского района Ферганской области Узбекской ССР, 24.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Израиля Перлова, 16.10.1942](#) – Письмо Израиля Самуиловича Перлова жене Суламифь Лазаревне Вулих в г. Ташкент, 16.10.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Израиля Перлова, 1942](#) – Письмо Израиля Самуиловича Перлова жене Суламифь Лазаревне Вулих в г. Ташкент, 1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ильи Атта, 7.04.1944](#) – Письмо Ильи Самуиловича Атта жене Гите Берковне Пинской в г. Ташкент, 7.04.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Инны Фруг, 27.10.1944](#) – Письмо Инны Львовны Фруг матери Екатерине Осиповне Маневич в г. Москву, 27.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Инны Фруг, 28.04.1945](#) – Письмо Инны Львовны Фруг матери Екатерине Осиповне Маневич в г. Москву, 28.04.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Инны Фруг, 22.05.1945](#) – Письмо Инны Львовны Фруг матери Екатерине Осиповне Маневич в г. Москву, 22.05.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Леонида Мироша, 9.03.1945](#) – Письмо Леонида Андреевича Мироша своим родителям в г. Плисса Витебской области Белорусской ССР, 9.03.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Льва Бандаса, 22.06.1944](#) – Письмо Льва Липовича Бандаса жене Ляле, 22.06.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Льва Нехамкина, 29.01.1942](#) – Письмо Льва Шахновича Нехамкина Мэри Гилеровне Шифриной в пос. Екатериновку Саратовской области, 29.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 15.02.1942](#) – Письмо Любви Зантович мужу Алесю (Айзику) Кучару, 15.02.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 27.12.1941](#) – Письмо Любви Зантович мужу Алесю Кучару 27.12.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Марии Вагановой, 22.09.1943](#) – Письмо Марии Михайловны Вагановой мужу Давиду Шлемовичу Пинхасику из г. Казани, 22.09.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 12.03.1942](#) – Письмо Менаше Берковича Ваила жене Бэле Ваил-Новак в г. Бугуруслан Чкаловской области, 12.03.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 28.03.1942](#) – Письмо Менаше Берковича Ваила жене Бэле Шлемовне Ваил-Новак в г. Бугуруслан Чкаловской области, 28.03.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 10.08.1943](#) – Письмо Менаше Берковича Ваила жене Бэле Ваил-Новак в г. Бугуруслан Чкаловской области, 10.08.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 10.11.1943](#) – Письмо Менаше Берковича Ваила жене Бэле Шлемовне Ваил-Новак в г. Бугуруслан Чкаловской области, 10.11.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 22.11.1944](#) – Письмо Менаше Берковича Ваила жене Бэле Шлемовне Ваил-Новак в г. Бугуруслан Чкаловской области, 22.11.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 31.03.1945](#) – Письмо Менаше Берковича Ваила жене Бэле Шлемовне Ваил-Новак в г. Бугуруслан Чкаловской области, 31.03.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Абрамовича, 1.07.1944](#) – Письмо Михаила Соломоновича Абрамовича из действующей армии жене Евгении Яковлевне Тимянской в г. Ярославль, 1.07.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Абрамовича, 2.08.1944](#) – Михаил Соломоновича Абрамовича из действующей армии жене Евгении Яковлевне Тимянской в г. Ярославль, 1.07.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гратвола, 21.12.1941](#) – Письмо Михаила Моисеевича Гратвола Марии Эммануиловне Ерехимсон в г. Серов Свердловской области, 21.12.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Печерского, 29.03.1943](#) – Письмо Михаила Печерского Анне Ефимовне (Хане Хаимовне) Ханович, 29.03.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Мордехая Горелика, 12.09.1943](#) – Письмо Мордехая Абрамовича Горелика жене Фаине Анисимовне Горелик в г. Красноармейск Саратовской области, 12.09.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Мордехая Горелика, 14.09.1943](#) – Письмо Мордехая Абрамовича Горелика жене Фаине Анисимовне Горелик в г. Красноармейск Саратовской области, 14.09.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Мордехая Горелика, 4.10.1943](#) – Письмо Мордехая Абрамовича Горелика жене Фаине Анисимовне Горелик в г. Красноармейск Саратовской области, 4.10.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Натана Воронова, 12.05.1944](#) – Письмо Натана Моисеевича Воронова отцу Моисею Абрамовичу Воронову в г. Кострому Ярославской области, 12.05.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Натана Воронова, 7.06.1944](#) – Письмо Натана Воронова родителям в г. Кострому Ярославской области, 7.06.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 9.12.1941](#) – Письмо Наума Бейлина Гите Чарной в г. Омск, 9.12.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 9.01.1942](#) – Письмо Наума Бейлина Гите Чарной в г. Омск, 9.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 26.07.1944](#) – Письмо Наума Бейлина Гите Чарной в г. Омск, 26.07.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 7.10.1944](#) – Письмо Наума Бейлина Гите Чарной в г. Омск, 7.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Гузикова, 27.02.1942](#) – Письмо Наума Иосифовича Гузикова жене Асе Исаевне Гузиковой в с. Новая Краснянка Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области, 27.02.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Кунина, 29.12.1944](#) – Письмо Наума Григорьевича Кунина Гене Моисеевне Кобриной в Смоленскую область, 29.12.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Николая Лазюка, 17.02.1943](#) – Письмо Николая Демьяновича Лазюка жене Фаине Владимировне Лазюк в г. Магнитогорск Челябинской области, 17.02.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ольги Тополевой, 14.02.1943](#) – Письмо Ольги Тополевой Белле Давыдовне Рубиновой в г. Ленинград, 14.02.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо подруги Л., 21.01.1944](#) – Письмо подруги Л. Белле Давыдовне Рубиновой в Ленинград, 21.01.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ривы Сосланд, 3.04.1945](#) – Письмо Ривы Сосланд Зиновию Ильичу Савиковскому, 3.04.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Рут Эпштейн, 9.04.1944](#) – Письмо Рут Яковлевны Эпштейн из г. Фрунзе отцу Якову Абрамовичу Эпштейну, 9.04.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Сергея Дрейзина, 1.01.1942](#) – Письмо Сергея Михайловича Дрейзина, родителям Михаилу Николаевичу, Александре Ивановне Дрейзиным и брату Дмитрию, 1.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Сергея Дрейзина, 22.03.1942](#) – Письмо Сергея Михайловича Дрейзина родителям Михаилу Николаевичу, Александре Ивановне Дрейзиным и брату Дмитрию, 22.03.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Сергей Дрейзина, 28.04.1942](#) – Письмо Сергея Михайловича Дрейзина, матери Александре Ивановне Дрейзиной и брату Дмитрию, 28.04.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 31.12.1942](#) – Письмо Соломона Мейлоховича Канцедикаса жене Элишеве Яковлевне Канцедикас в г. Куйбышев, 31.12.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 4.02.1943](#) – Письмо Соломона Мейлоховича Канцедикаса жене Элишеве Яковлевне Канцедикас в г. Куйбышев, 4.02.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 21.04.1944](#) – Письмо Соломона Мейлоховича Канцедикаса жене Элишеве Яковлевне Канцедикас в г. Куйбышев, 21.04.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 29.04.1944](#) – Письмо Соломона Мейлоховича Канцедикаса жене Элишеве Яковлевне Канцедикас в г. Куйбышев, 29.04.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 8.07.1944](#) – Письмо Соломона Мейлоховича Канцедикаса жене Элишеве Яковлевне Канцедикас в г. Куйбышев, 8.07.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Софье Рубинштейн, 22.10.1944](#) – Письмо Софье Моисеевне Рубинштейн в г. Минск, 22.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 30.05.1944](#) – Письмо Шеваха Вульфовича Лapidуса жене Раисе Давидовне Баркач в г. Наманган Узбекской ССР, 30.05.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 6.06.1944](#) – Письмо Шеваха Вульфовича Лapidуса жене Раисе Давидовне Баркач в г. Наманган Узбекской ССР, 6.06.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 7.06.1944](#) – Письмо Шеваха Вульфовича Лapidуса жене Раисе Давидовне Баркач в г. Наманган Узбекской ССР, 7.06.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 22.07.1944](#) – Письмо Шеваха Вульфовича Лapidуса жене Раисе Давидовне Баркач в г. Наманган Узбекской ССР, 22.07.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 26.10.1944](#) – Письмо Шеваха Вульфовича Лapidуса жене Раисе Давидовне Баркач в г. Наманган Узбекской ССР, 26.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Элишевы Канцедикас, 18.06.1944](#) – Письмо Элишевы Яковлевны Канцедикас мужу Соломону Мейлоховичу Канцедикасу, 18.06.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юрия Водовоза, 21.11.1943](#) – Письмо Юрия Ефимовича Водовоза М.С. Циглер в Ташкент, 21.11.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юрия Лапина, 5.01.1943](#) – Письмо Юрия Аркадьевича Лапина матери Фане Борисовне Лапиной (Иофес) в с. Донское Таврического района Восточно-Казахстанской области Казахской ССР, 5.01.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юрия Попова, 5.09.1943](#) – Письмо Юрия Васильевича Попова Раисе Никифоровне Блашкевич в Москву, 5.09.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Городецкого, 2.08.1942](#) – Письмо Якова Самуиловича Городецкого Людмиле Иосифовне Гриншпунт в с. Осеевку Шадринского района Челябинской области, 2.08.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 6.11.1942](#) – Письмо Якова Моисеевича Скульского жене Гитель (Гене) Копелевне Брехман в г. Кустанай Казахской ССР, 6.11.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 5.11.1943](#) – Письмо Якова Моисеевича Скульского жене Гитель (Гене) Копелевне Брехман в г. Кустанай Казахской ССР, 5.11.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 26.03.1944](#) – Письмо Якова Моисеевича Скульского жене Гитель (Гене) Копелевне Брехман в г. Кустанай Казахской ССР, 26.03.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 16.04.1944](#) – Письмо Якова Моисеевича Скульского жене Гитель (Гене) Копелевне Брехман в г. Кустанай Казахской ССР, 16.04.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 30.09.1944](#) – Письмо Якова Моисеевича Скульского жене Гитель (Гене) Копелевне Брехман в г. Буйнакск Дагестанской АССР, 30.09.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Эпштейна, 1.06.1942](#) – Письмо Якова Эпштейна дочери Рут Эпштейн, 1.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Эпштейна, 20.12.1942](#) – Письмо Якова Эпштейна дочери Рут Эпштейн в г. Фрунзе, 20.12.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Эпштейна, 27.09.1944](#) – Письмо Якова Эпштейна дочери Рут Эпштейн в г. Ленинград, 27.09.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[По ту сторону, 2016](#) – По ту сторону: Неизвестные фотографии с оккупированной территории СССР и советско-германского фронта. 1941–1945 / Сост. Шепелев Г.А. Каталог выставки в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. М.: «Русский путь», 2016. 200 с.

[Северный флот в боях за Родину, 2005](#) – Северный флот в боях за Родину. Фотоальбом. М.: [Б.и.], 2005. 120 с.

[Симонов, 1971](#) – *Симонов К.* Записки молодого человека. Страницы о военных фотокорреспондентах М. Бернштейне, Г. Зельме, П. Трошкине, Е. Халдее и др. М.: Молодая гвардия, 1970. 335 с.

[Фотография в музее, 2015](#) – Фотография в музее. Сб. докладов конференции. 19–22 мая 2015 г. СПб.: РОСФОТО, 2015. 163 с.

[Фоторепортеры на войне, 2015](#) – Фоторепортеры на войне. Санкт-Петербург: Петербургская фотолетопись, 2015. 461 с.

[Фронтowymi дорогами, 1985](#) – Фронтowymi дорогами / Фотографии М.И. Савина. Минск: Беларусь, 1985. 157 с.

- [Халдей, 1979](#) – *Халдей Е.* От Мурманска до Берлина. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1979. 104 с.
- [ЦАМО РФ](#) – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
- [Шейнин, 1969](#) – *Шейнин Б.* В объективе – война. Симферополь: Крым, 1969. 176 с.
- [Ailsby, 2001](#) – *Ailsby C.* Images of Barbarossa. The German Invasion of Russia 1941. Editor Peter Darman. Dulles: Virginia, 2001. 224 p.
- [Baltermants, 1996](#) – *Baltermants D.* Faces of a Nation: The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917–1991. Colorado, Fulcrum Pub, 1996. 262 p.
- [Boll, 2003](#) – *Boll B.* Vom Album ins Archiv. Zur ubberlieferung privater Fotografien aus dem Zweiten Weltkrieg // Mit der Kamera bewaffnet. Krieg und Fotografie / A. Holzer (Hg.) Marburg: Jonas Verlag, 2003. 183 p.
- [Fowler, 2001](#) – *Fowler Will.* Eastern Front: The Unpublished Photographs 1941–1945. Minnesota: Brassey's (UK) Ltd. 2001. 223 p.
- [Hymel, 2006](#) – *Hymel K.M.* Patton's Photographs: War As He Saw It. Washington: Potomac Books, 2006. 158 p.
- [Merridale, 2006](#) – *Merridale C.* Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945. New York: Metropolitan Books, 2006. 462 p.
- [Smilovitsky, 2014](#) – *Smilovitsky L.* Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // *Русский архив.* 2014. № 4, pp. 236–252.
- [Struk, 2010](#) – *Struk J.* Photographing the Holocaust: Interpretations of the Evidence. London – New York: I.B. Tauris, 2004. 256 p.
- [Voss, 1994](#) – *Voss F.S.* Reporting the War. The journalistic coverage of World War II. Washington: Smithsonian, 1994. 208 p.
- [Wolf, Zhitomirsky, 2016](#) – *Wolf E., Zhitomirsky A.* Photomontage as a Weapon of World War II and the Cold War. Chicago: Art Institute of Chicago, 2016. 368 p.
- [World War II, 1999](#) – World War II. A Visual Encyclopedia / General ed. J. Keegan. New York: Collins & Brown, 1999. 512 p.
- [Zelizer, 1998](#) – *Zelizer B.* Remembering to Forget: Holocaust Memory through the Camera's Eye. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 292 p.

References

- [1418 dnei, 1968](#) – 1418 dnei (1968). [1418 days]. Album. Moscow: Sovetskij hudozhnik, 1968. 220 p. [in Russian]
- [Al'pert, 1962](#) – *Al'pert M.* (1962) *Bespokojnaya pprofessiya* [Restless Profession]. Moscow: Iskusstvo, 84 p. [in Russian]
- [Antologiya sovetskoj fotografii, 1987](#) – *Antologiya sovetskoj fotografii (1987)* [Anthology of Soviet photography]. In 3 vol. Vol. 2. 1941–1945. Moscow: Planeta, 264 p. [In Russian]
- [Bal'termanc, 2005](#) – *Bal'termanc D.* (2005) *Katalog vystavki* [Exhibition catalog]. Moscow: MDF (Moskovskij dom fotografii), 176 p. [In Russian]
- [BGAMLI](#) – Belorusskij gosudarstvennyj arhiv-muzej literatury .i iskusstva [Belarusian State Archives Museum of Literature and Art]
- [V redakciyu ne vernulsya, 1972](#) – *V redakciyu ne vepnulsya...* Stat'i o voennyh fotokoppespondentah (1972) [Has not returned to the editorial office... Articles on Soviet press photographers]. Moscow: Politizdat. Book 1, 466 p. Book 2, 390 p. [In Russian].
- [V redakciyu ne vernulsya, 1973](#) – *V redakciyu ne vepnulsya...* Stat'i o voennyh fotokoppespondentah (1973) [Has not returned to the editorial office of the newspaper... articles on Soviet press photographers.]. Book 3. Moscow: Politizdat, 318 p. [in Russian]
- [Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945, 1975](#) – *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945.* V fotografiyah i kinodokumentah (1975) [Great Patriotic War 1941–1945. In photography and film documents]. In 5 vol. Vol. 4. Moscow: Planeta, 394 p. [in Russian]
- [Velikij podvig, 1965](#) – *Velikij podvig (1965)* [Great feat]. Photoalbum. Moscow: Politicheskaya literatura, 336 p. [in Russian]
- [Volkov-Lannit, 1980](#) – *Volkov-Lannit L.* (1980) *Istopiya pishetsya ob"ektivom* [The story is written by the camera lens]. Moscow: Planeta, 256 p. [in Russian]

[Dnevnik Mihaila Adol'fovicha Pecherskogo, 1943–1944](#) – Dnevnik Mihaila Adol'fovicha Pecherskogo 1941–1945 gg. Razroznennyye zapisi 1943–1944 gg. [Diary of Michael Adolfovich Pechersky. Scattered records 1943–1944] // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo centra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [in Russian]

[Dorogi vojny Anatoliya Arhipova, 2015](#) – Dorogi vojny Anatoliya Arhipova (2015) [Roads of war Anatoly Arhipova]. Moscow: Izdatel'skij dom Rudencovyh, 295 p. [in Russian]

[Moya vojna, 2015](#) – Moya vojna. Velikaya Otechestvennaya vojna v fotografiyah V.I. Arkasheva (2015) [My war. Great Patriotic War in the photos V.I. Arkashev]. Minsk: Zvyazda, 2015. 224 p. [in Russian]

[Narcissov, Narcissova, 2011](#) – *Narcissov A.S., Narcissova M.I.* (2011) Vojna krupnym planom: frontovye arhivy Ivana Narcissova [War closeup. Front-end archives of Ivan Narcisov]. 2nd ed., rev. and upd. Lipeck: Tvorcheskij centr “Tradiciya”, Neonyy gorod-L, 143 p. [in Russian]

[Nikitin, 1991](#) – *Nikitin V.A.* (1991) Rasskazy o fotografah i fotografiyah [Stories about photographers and photos]. Leningrad: Lenizdat, 222 p. [in Russian]

[Nyameckaya prapaganda na Belarusi 1941–1944, 1996](#) – Nyameckaya prapagada na Belarusi 1941–1944. Kanfrantacyya pamizh prapagandaj i rehchajnasicyu (1996) [German propaganda in Belarus 1941–1944. The confrontation between propaganda and reality]. Publisher J. Shlots. Catalog of the exhibition. Free University of Berlin. Department of Political Science. Berlin [s.n.], 80 p. [in Belarusian]

[“Pamyat', slozhennaya treugol'nikom“, 2018](#) – “Pamyat', slozhennaya treugol'nikom“. O pis'mah voennykh let [“Memory, folded triangle“. About the letters of the war years] *Vechernij Minsk*, 2018. June 21 [in Russian]

[Peskov, 1960](#) – *Peskov V.* (1960) Zapiski fotopeoptepa [Photographer Notes]. Moscow: Iskusstvo, 116 p. [In Russian]

[Pis'mo Abrama Lukashevskogo, 2.06.1942](#) – Letter from Abram Iosifovich Lukashevsky to his mother Basa Isaakovna Lukashevskaya in Sverdlovsk, June 2, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Abrama Lukashevskogo, 8.03.1943](#) – Letter from Abram Iosifovich Lukashevsky to his sister Polina Iosifovna Lukashevskaya in Karaganda, Kazakh SSR, Marsh 8, 1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Anatoliya Avina, 10.02.1943](#) – Letter from Anatoly Avin to Bella Davydovna Rubinova in Leningrad, February 10, 1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Benciona Vatashskogo, 4.04.1942](#) – Letter from Benzion Vatashsky to his wife Brana Aronovskaya Vatashskaya in s. Zolotuha, Kharabalinsky district, Stalingrad Region, April, 4, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Very Kufaevoj, 11.04.1943](#) – Letter from Vera Kufayeva from the army to her parents in the Kalach, Voronezh Region, April, 11, 1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Georgiya Pavlovskogo, 1.12.1942](#) – Letter from George Pavlovsky to Aida Rabinovich, December 1, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Davida Pinhasika, 31.12.1943](#) – Letter from David Shlemovich Pinhasik's to his wife Maria Mikhailovna Vaganova in Kazan, December 12, 1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Dmitriya Polyaka, 29.08.1941](#) – Letter from Dmitry Polyak to his parents Yuly Markovich and Maria Martynovna in Moscow, August 29, 1941 // Arkhiv voennykh pisem

Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Efima Fiha, 21.10.1944](#) – Letter from Efim Borisovich Fih to his wife Anna Vol'kovna Fih to the city of Rybnitsa Moldova SSR, October 21, 1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Zinoviya Savikovskogo, 8.11.1944](#) – Letter from Zinovy Ilich Savikovskiy to Riva Sosland in Tashkent, November 8, 1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Izrailiya Najshtuta, 12.05.1942](#) – Letter from Israel Yankelevich Naystutut to wife of Esther Israel Naystut (Lyubchits), May 12, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Izrailiya Najshtuta, 24.06.1942](#) – Letter from Israel Yankelevich Naystutut wife Ester Israel Naystut (Lyubchits) in Yaypan Kaganovichsky district of the Fergana Region of the Uzbek SSR, June 24, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Izrailiya Perlova, 16.10.1942](#) – Letter from Israel Samuilovich Perlov to wife, Shulamith Lazarevna Vulih, in Tashkent, October 16, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Izrailiya Perlova, 1942](#) – Letter from Israel Samuilovich Perlov to wife, Shulamith Lazarevna Vulih, in Tashkent, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Il'i Atta, 7.04.1944](#) – Letter from Ilya Samuilovich Atta to his wife Gita Berkivna Pinskaya in Tashkent, April 7, 1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Inny Frug, 27.10.1944](#) – Letter from Inna Lvovna Frug to mother Ekaterina Osipovna Manevich in Moscow, October 27, 1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Inny Frug, 28.04.1945](#) – Letter from Inna Lvovna Frug to mother Ekaterina Osipovna Manevich in Moscow, April 28, 1945 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Inny Frug, 22.05.1945](#) – Letter from Inna Lvovna Frug to mother Ekaterina Osipovna Manevich in Moscow, May 22, 1945 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Leonida Mirosha, 9.03.1945](#) – Letter from Leonid Andreyevich Mirosh to his parents in the town of Plissa, Vitebsk Region, Byelorussian SSR, March 9, 1945 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo L'va Bandasa, 22.06.1944](#) – A letter from Lev Lipovich Bandas to his wife Lala, June 22, 1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo L'va Nekhamkina, 29.01.1942](#) – Letter of Lev Shakhnovich Nekhamkin to Mary Guillerne Schifrina in the village of Ekaterinovka Saratov region, January 29, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 15.02.1942](#) – Letter from Lyubov Zantovich to her husband Ales (Aizika) Kuchar, February 15, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 27.12.1941](#) – Letter from Lyubov Zantovich to her husband Ales Kuchar, December 27, 1941 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Marii Vaganovoj, 22.09.1943](#) – Letter from Maria Mikhailovna Vaganova to her husband David Shlemovich Pinkhasik from Kazan, September 22, 1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 12.03.1942](#) – Letter from Menashe Berkovich Vail to his wife Bela Vail-Novak in the city of Buguruslan of the Chkalov Region, March 12, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 28.03.1942](#) – Letter from Menashe Berkovich Vail to his wife Bela Vail-Novak in the city of Buguruslan of the Chkalov Region, March 28, 1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 10.08.1943](#) – Letter from Menashe Berkovich Vail to his wife Bela Vail-Novak in the city of Buguruslan of the Chkalov Region, August 10, 1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 10.11.1943](#) – Letter from Menashe Berkovich Vail to his wife Bela Vail-Novak in the city of Buguruslan of the Chkalov Region, November 10, 1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 22.11.1944](#) – Letter from Menashe Berkovich Vail to his wife Bela Vail-Novak in the city of Buguruslan of the Chkalov Region, November 22, 1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 31.03.1945](#) – Letter from Menashe Berkovich Vail to his wife Bela Vail-Novak in the city of Buguruslan of the Chkalov Region, March 31, 1945 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mihaila Abramovicha, 1.07.1944](#) – Letter from Mikhail Solomonovich Abramovich from the army to his wife Yevgenia Yakovlevna Tymyanskaya in Yaroslavl, July 1, 1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mihaila Abramovicha, 2.08.1944](#) – Letter from Mikhail Solomonovich Abramovich from the army to his wife Yevgenia Yakovlevna Tymyanskaya in Yaroslavl, August 2, 1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mihaila Gratvola, 21.12.1941](#) – Letter from Mikhail Moiseevich Gratvol Maria Emanuilovna Erehimson in the town of Serov, Sverdlovsk Region, 21.12.1941 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mihaila Pecherskogo, 29.03.1943](#) – Letter from Mikhail Pechersky to Anna Efimovna (Khane Haimovna) Khanovich, 29.03.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mordekhaya Gorelika, 12.09.1943](#) – Letter from Mordechai Abramovich Gorelik to his wife Faina Anisimovna Gorelik in the town of Krasnoarmeysk, Saratov Region, 12.09.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom

universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mordekhaya Gorelika, 14.09.1943](#) – Letter from Mordechai Abramovich Gorelik to his wife Faina Anisimovna Gorelik in the town of Krasnoarmeysk, Saratov Region, 14.09.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mordekhaya Gorelika, 4.10.1943](#) – Letter from Mordechai Abramovich Gorelik to his wife Faina Anisimovna Gorelik in the town of Krasnoarmeysk, Saratov Region, 4.10.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Natana Voronova, 12.05.1944](#) – Letter of Natan Moiseevich Voronov to Father Moses Abramovich Voronov in the city of Kostroma, Yaroslavl Region, 12.05.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Natana Voronova, 7.06.1944](#) – Letter from Natan Voronov to parents in the city of Kostroma, Yaroslavl Region, 7.06.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Bejlina, 9.12.1941](#) – Letter from Naum Beilin to Gita Charne in Omsk, 9.12.1941 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Bejlina, 9.01.1942](#) – Letter from Naum Beilin to Gita Charne in Omsk, 9.01.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Bejlina, 26.07.1944](#) – Letter from Naum Beilin to Gita Charne in Omsk, 26.07.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Bejlina, 7.10.1944](#) – Letter from Naum Beilin to Gita Charne in Omsk, 7.10.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Guzikova, 27.02.1942](#) – Letter from Naum Iosifovich Guzikov to wife Asa Isaevna Guzikova in s. New Krasnyanka Voroshilovgrad (now – Lugansk) Region, 27.02.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Kunina, 29.12.1944](#) – Letter from Naum Grigorievich Kunin to Gene Moiseevna Kobrina in the Smolensk Region, 29.12.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nikolaya Lazyuka, 17.02.1943](#) – Letter from Nikolai Demjanovich Lazyuk to his wife Faina Vladimirovna Lazyuk in the city of Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 17.02.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Ol'gi Topolevoj, 14.02.1943](#) – Letter from Olga Topolova to Bella Davydovna Rubinova in Leningrad, 14.02.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo podругi L., 21.01.1944](#) – Letter from L. Bella Davidovna Rubinova, a friend, to Leningrad, 21.01.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori

pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Rivy Sosland, 3.04.1945](#) – Letter from Riva Sosland to Zinovy Ilich Savikovskiy, 3.04.1945 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Rut Ehpshtejn, 9.04.1944](#) – Letter from Ruth Y. Epstein from Frunze to Father Yakov Abramovich Epstein, 9.04.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Sergeya Drejzina, 1.01.1942](#) – Letter from Sergei Mikhailovich Dreizin to parents of Mikhail Nikolaevich, Alexander Ivanovna Dreyzin and brother Dmitry, 1.01.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Sergeya Drejzina, 22.03.1942](#) – Letter from Sergei Mikhailovich Dreizin to parents of Mikhail Nikolaevich, Alexander Ivanovna Dreyzin and brother Dmitry, 22.03.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Sergej Drejzina, 28.04.1942](#) – Letter from Sergei Mikhailovich Dreizin to parents of Mikhail Nikolaevich, Alexander Ivanovna Dreyzin and brother Dmitry, 28.04.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kancedikasa, 31.12.1942](#) – Letter from Solomon Meylokhovich Kancedikas to his wife Elisheve Yakovlevna Kantsedikas in Kuybyshev, 31.12.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kancedikasa, 4.02.1943](#) – Letter from Solomon Meylokhovich Kancedikas to his wife Elisheve Yakovlevna Kantsedikas in Kuybyshev, 4.02.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kancedikasa, 21.04.1944](#) – Letter from Solomon Meylokhovich Kancedikas to his wife Elisheve Yakovlevna Kantsedikas in Kuybyshev, 21.04.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kancedikasa, 29.04.1944](#) – Letter from Solomon Meylokhovich Kancedikas to his wife Elisheve Yakovlevna Kantsedikas in Kuybyshev, 29.04.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kancedikasa, 8.07.1944](#) – Letter from Solomon Meylokhovich Kancedikas to his wife Elisheve Yakovlevna Kantsedikas in Kuybyshev, 8.07.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Sof'e Rubinshtejn, 22.10.1944](#) – Letter from Sofia Moiseevna Rubinstein in Minsk, 22.10.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shevaha Lapidusa, 30.05.1944](#) – Letter from Shevakh Volfovich Lapidus to his wife Raisa Davidovna Barkach in the city of Namangan of the Uzbek SSR, 30.05.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shevaha Lapidusa, 6.06.1944](#) – Letter from Shevakh Volfovich Lapidus to his wife Raisa Davidovna Barkach in the city of Namangan of the Uzbek SSR, 6.06.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shevaha Lapidusa, 7.06.1944](#) – Letter from Shevakh Volfovich Lapidus to his wife Raisa Davidovna Barkach in the city of Namangan of the Uzbek SSR, 7.06.1944 // Arkhiv

voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shevaha Lapidusa, 22.07.1944](#) – Letter from Shevakh Volfovich Lapidus to his wife Raisa Davidovna Barkach in the city of Namangan of the Uzbek SSR, 22.07.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shevaha Lapidusa, 26.10.1944](#) – Letter from Shevakh Volfovich Lapidus to his wife Raisa Davidovna Barkach in the city of Namangan of the Uzbek SSR, 26.10.1944// Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Ehlishyevy Kancedikas, 18.06.1944](#) – Letter from Elisheva Yakovlevna Kancedikas to her husband, Solomon Meilokhovich Kancedikas, 18.06.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yuriya Vodovoza, 21.11.1943](#) – Yuri Efimovich Vodovoz MS Ziegler to Tashkent, 21.11.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yuriya Lapina, 5.01.1943](#) – Letter from Yury Arkadyevich Lapin to mother Fane Borisovna Lapina (Iofes) in s. Donskoe Tavrichesky district of the East Kazakhstan Region of the Kazakh SSR, 5.01.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yuriya Popova, 5.09.1943](#) – Letter from Yuri Vasilyevich Popov Raise Nikiforovna Blashkevich to Moscow, 5.09.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Gorodeckogo, 2.08.1942](#) – Letter from Yakov Samuilovich Gorodetsky to Lyudmila Iosifovna Grinshpunt in s. Oseyevka Shadrinsky district of the Chelyabinsk Region, 2.08.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 6.11.1942](#) – Letter from Yakov Moiseevich Skulsky to his wife Gitel (Gene) Kopelevna Brohman in the town of Kustanai, Kazakh SSR, 6.11.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 5.11.1943](#) – Letter from Yakov Moiseevich Skulsky to his wife Gitel (Gene) Kopelevna Brohman in the town of Kustanai, Kazakh SSR, 5.11.1943 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 26.03.1944](#) – Letter from Yakov Moiseevich Skulsky to his wife Gitel (Gene) Kopelevna Brohman in the town of Kustanai, Kazakh SSR, 26.03.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 16.04.1944](#) – Letter from Yakov Moiseevich Skulsky to his wife Gitel (Gene) Kopelevna Brohman in the town of Kustanai, Kazakh SSR, 16.04.1944// Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 30.09.1944](#) – Letter from Jacob Moiseevich Skulsky to his wife Gitel (Gene) Kopelevna Brohman in the city of Buynaksk, Dagestan ASSR, 30.09.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Ehpshtejna, 1.06.1942](#) – Letter from Jacob Epstein to his daughter Ruth Epstein, 1.06.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Yakova Ehpshtejna, 20.12.1942 – Letter from Yakov Epstein to his daughter Ruth Epstein in Frunze, 20.12.1942 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Yakova Ehpshtejna, 27.09.1944 – Letter from Yakov Epstein to his daughter Ruth Epstein in Leningrad, 27.09.1944 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Po tu storonu, 2016 – Po tu storonu: Neizvestnye fotografii s okkupirovannoj territorii SSSR i sovetsko-germanskogo fronta. 1941–1945 (2016) [On the other side. Unknown photos from the occupied territory of the USSR and the Soviet-German front]. Comp. by G.A. Shepelev. Catalog of the exhibition in the House of Russian Abroad named A. Solzhenitsyn]. Moscow: Russkij put', 200 p. [in Russian]

Severnyj flot v boyah za Rodinu, 2005 – Severnyj flot v boyah za Rodinu (2005) [Northern Fleet in the battles for the motherland]. Photoalbum. Moscow: [s.n.], 120 p. [in Russian]

Simonov, 1971 – *Simonov K.* (1971) Zapiski molodogo cheloveka. Stranicy o voennykh fotokoppestantah M. Bepnshtejne, G. Zel'me, P. Troshkine, E. Haldee i dp. [Simonov K. Notes of a young man. Pages about war correspondents M. Bernstein, G. Zelma, P. Troshkin, E. Haldej and others]. Moscow: Molodaya gvapdiya, 335 p. [in Russian]

Fotografiya v muzee, 2015 – Fotografiya v muzee (2015) [Photo in the museum]. Collection of conference reports, May 19–22, 2015. St. Petersburg: ROSFOTO, 163 p. [in Russian]

Fotoreportery na vojne, 2015 – Fotoreportery na vojne (2015) [Photographers at the war]. St. Peterburg: Peterburgskaya Fotoletopis', 461 p. [in Russian]

Frontovymi dorogami, 1985 – Frontovymi dorogami (1985) [Front roads]. Photos of M.I. Savin. Minsk: Belarus', 157 p. [In Russian]

Haldej, 1979 – *Haldej E.* (1979) Ot Murmanska do Beplina [From Murmansk to Berlin]. Murmansk: Mupman book publishing house, 104 p. [in Russian]

CAMO – Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Shejnin, 1969 – *Shejnin B.* (1969) V ob"ektive – vojna [In the camera lens is war]. Simfepopol': Kpym, 176 p. [in Russian]

Ailsby, 2001 – Ailsby C. (2001) Images of Barbarossa. The German Invasion of Russia 1941 / Ed. P. Darman. Dulles: Virginia, 224 p. [in Russian]

Baltermants, 1996 – Baltermants D. (1996) Faces of a Nation: The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917–1991. Colorado, Fulcrum Pub, 262 p. [in English]

Boll, 2003 – *Boll B.* (2003) Vom Album ins Archiv. Zur ubberlieferung privater Fotografien aus dem Zweiten Weltkrieg // Mit der Kamera bewaffnet. Krieg und Fotografie / A. Holzer (Hg.) Marburg: Jonas Verlag, 183 p. [in German]

Fowler, 2001 – *Fowler W.* (2001) Eastern Front: The Unpublished Photographs 1941–1945. Minnesota: Brassey's (UK) Ltd, 223 p. [in English]

Hymel, 2006 – *Hymel K.M.* (2006) Patton's Photographs: War As He Saw It. Washington: Potomac Books, 158 p. [in English]

Merridale, 2006 – *Merridale C.* (2006) Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945. New York: Metropolitan Books, 462 p. [in English]

Smilovitsky, 2014 – *Smilovitsky L.* (2014) Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // *Pyckkuy apxue*, № 4, pp. 236–252 [in Russian]

Struk, 2004 – *Struk J.* (2004) Photographing the Holocaust: Interpretations of the Evidence. London – New York: I.B. Tauris, 256 p. [in English]

Voss, 1994 – *Voss F.S.* (1994) Reporting the War. The journalistic coverage of World War II. Washington: Smithsonian, 208 p. [in English]

Wolf, Zhitomirsky, 2016 – *Wolf E., Zhitomirsky A.* (2016) Photomontage as a Weapon of World War II and the Cold War. Chicago: Art Institute of Chicago, 368 p. [in English]

World War II, 1999 – World War II. A Visual Encyclopedia (1999) / General ed. J. Keegan. New York: Collins & Brown, 512 p. [in English]

Zelizer, 1998 – Zelizer B. (1998) Remembering to Forget: Holocaust Memory through the Camera's Eye. Chicago: University of Chicago Press, 292 p. [in English]

«Фото – самая большая радость...». Роль фотографии в переписке между фронтом и тылом. По страницам писем и дневников 1941–1945 гг.

Леонид Львович Смиловицкий^{a, *}

^a Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

Аннотация. Статья посвящена редкой теме изучения роли фотографии в переписке между фронтом и тылом как историческому источнику. Государство и гражданин по-разному оценивали свое отношение к фотографии. Фото на войне одновременно могло выступать не только в роли свидетеля, но и обвинителя. Солдаты и командиры и их семьи придавали фото исключительное значение. Фото дорожили больше, чем письмами и обязательно хранили. Фотографии брали в дорогу даже, когда не хватало времени на сборы, их место было рядом с документами, деньгами и скромным запасом вещей и провизии в ручной клади. Солдаты носили фото родных и близких в кармане гимнастерки у сердца или в вещмешке за спиной. Освещение обстоятельств, в которых солдаты и командиры Красной армии делали и посылали фото домой, родным, друзьям и соседям, товарищам по оружию рисуют правдивую картину военной повседневности, дают необходимые детали для понимания поведения человека на войне, раскрывают его внутренний мир. Статья написана на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в 2012–2017 гг. и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: евреи и Красная армия, Великая Отечественная война, вторая мировая война, фотография, военно-полевая почта, военная повседневность.

(Продолжение в следующем номере)

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(2): 190-201

DOI: 10.13187/rs.2018.2.190
www.ejournal15.com

Women's Camp in the Steppe as the Soviet Experiment in Kazakhstan

Arailym S. Mussagaliyeva ^{a, *}, Roza M. Mussabekova ^a, Ulbolsyn M. Sandybayeva ^a

^a Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Kazakhstan

Abstract

The article deals with the phenomenon of “women's camp” as a Soviet experiment in Kazakhstan on the example of the camp “ALZHIR” (the Akmola camp of the wives of the traitors). In the official documents, it was designated as ITL “R-N° 17” of the Karaganda correctional labor camp, which was a part of the Soviet GULAG. In this camp sat the wives of intellectuals, state and party leaders who were repressed during the “great terror” in 1937–1938. The article uses previously unknown regional archival materials, in particular, the documents of the State Archive of Akmola Region, the State Archive of Astana, as well as the district archives of Akmola region. The authors of the article found materials about one of the prisoners, whose name was later included in the “Wall of Memory” at the “ALZHIR” Museum of Political Repression. Through the memories and interviews of the prisoners of the camp “ALZHIR” the daily life and economical structure of the camp and the idea of the economical feasibility for the Soviet state were studied. Attention is paid to the use of professional experience and knowledge of women professionals, their contribution to the development of the region. Along with this, the first meeting of the former prisoners of the camp and their children was presented in 1989, in the day of the opening of the memorial to “ALZHIR” on the site of the former camp. Special attention is paid to the memoirs of the two chiefs of the camp, their assessment of the camp life, as well as the memories of the prisoners. The presented actors of memory, who were not victims, namely the wardens, demonstrate the concept of H. Arendt “banality of evil”. Today, “ALZHIR” has become a place of cultural trauma for Kazakhstan, and the Museum and memorial complex established on place of the camp, become a place of memory of the dramatic events of the Soviet past, the anti-human Soviet experiment in the steppe.

Keywords: ALZHIR, women's camp, prisoners, Akmolinsk, repression, women, archival documents, Soviet.

1. Введение

В середине XX в.в связи с гуманитарными катастрофами появился термин «преступления против человечества». К такой катастрофе можно отнести феномен женских лагерей в истории Советского государства. Глобальная память сегодня тяготеет к образам вины и несправедливости, и актуальным становится осмысление темы страдания и насилия. Между тем, тема женских лагерей до сих пор исследована в незначительной степени. Заметим, что о существовании подобных лагерей многие исследователи советского периода даже и не знали. Поэтому необходимо объективно исследовать все имеющиеся

* Corresponding author

E-mail addresses: arai0410@mail.ru (A.S. Mussagaliyeva)

свидетельства о трагических событиях недавнего прошлого и «быть внимательными к тому, чтобы вновь не оказались актуализированными практики тотального уничтожения» (Подорога, 2013: 174).

Тема женских лагерей в степях Казахстана, безусловно, связана с травматической памятью. Исследовательское поле травмы (Trauma Studies) многообразно. Это идеи, связанные с психоанализом, темой невыразимости и глобализации травмы, понимания социальных последствий тоталитаризма.

2. Материалы и методы

Обращаясь к теме женских лагерей в степях Казахстана в преддверии столетней годовщины установления большевистской власти, мы опирались на региональные архивные материалы, ранее не известные. В частности, это документы Государственного архива Акмолинской области (ГААО), Государственного архива города Астаны (ГАГА), а также районных архивов. Через воспоминания, интервью узниц лагеря «АЛЖИР» в статье воспроизводится повседневная жизнь и хозяйственный уклад лагеря, обосновывается идея его экономической целесообразности для Советского государства. Наряду с воспоминаниями узниц использовались и воспоминания начальников лагеря.

Источники по истории Акмолинского лагеря «жен изменников Родины» еще полностью не выявлены. Архив Карлага – Карагандинский филиал Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан – еще не рассекречен и многие документы до сих пор недоступны. Поэтому, труды по истории «АЛЖИРа» еще будут написаны. Всего в Акмолинском лагере жен «изменников Родины» между 1938–1953 гг. были заключены 18 тыс. женщин. Конечно, не в одно время, а за весь период, кто-то уходил, кого-то переводили в другие лагеря. Все это, конечно же, не в одно время – кто-то уходил, кого-то переводили в другие лагеря. В 2003 г. международное общество «Мемориал» опубликовало список из 8 тыс. женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага» в книге «Узницы «АЛЖИРа» (Узницы «АЛЖИРа», 2003). По информации музея политических репрессий «АЛЖИР» в Астане, с 2007 г. были дополнительно выявлены 50 имен узниц и внесены в список «Стены памяти» при музее. Поэтому работа по выявлению имен узниц должна найти свое продолжение.

Отметим, что авторами данной статьи в 2013 г. были обнаружены материалы об одной из узниц «АЛЖИРа». Это Ильясова Муслима, 1910 г.р., уроженка г. Петропавловска (все документы узницы М. Ильясовой были переданы ее дочерью в музей политических репрессий «АЛЖИР»). Она была женой Анаса Ильясова, директора Петропавловского педтехникума, которого арестовали 26 декабря 1937 г. Приговор был вынесен 9 марта 1938 г. на закрытом судебном заседании, в г. Алма-Ате. Его приговорили к расстрелу с конфискацией личного имущества в соответствии со статьями 58-2, 58-7, 58-8 и 58-11 Уголовного Кодекса (Каталог, 2012). В связи с арестом А. Ильясова, его жену Муслиму, учительницу средней школы № 1 г. Петропавловска, арестовали 6 марта 1938 г. На заседании Особого совещания при НКВД СССР 10 июня 1938 г. ее как «члена семьи изменника Родины» отправили в лагерь в Акмолинск, сроком на пять лет (Каталог, 2012). Но она сидела в тюрьме до конца войны, была реабилитирована только в 1957 г. Дочери – Ильясова Лайла, 1932 г.р., Ильясова Галия, 1936 г.р. – были отправлены в детские дома. Лайла умерла в 1939 г., Галия – в 1946 г. В 2013 г. Муслиму Ильясову как узницу Акмолинского лагеря жен «изменников Родины» представили на «Стене Памяти» при музее политических репрессий «АЛЖИР». Это – конкретный пример того, как обнаруживаются новые жертвы репрессий, и как они включаются в мемориальные практики. Собственно, «Стена Памяти» сама становится «местом памяти» в терминологии французского исследователя П. Нора (Нора, 1999).

Материалами для исследования послужили не только документы из региональных архивов, некоторые из которых впервые введены в оборот, но и мемуары, художественные произведения, интервью, фильмы. Репрезентация травм памяти в пространстве культуры в методологическом плане – очень важный аспект. Это сложная проблема взаимоотношения истории и памяти, эмоционального и рационального осмысления драматических событий. Поэтому наряду с принципами историзма и системности, использовался междисциплинарный подход. Считаем обоснованным и применение концепции

тоталитаризма к исследованию определенного периода истории СССР. На основании изученных источников женский лагерь в степи «АЛЖИР» рассматривается как советский эксперимент в Казахстане.

Тема женских лагерей была рассмотрена в знаменитой книге А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». В книге есть слова врача-гинеколога Н.И. Зубова о влиянии тюрем на психологию женщин: статистически женщина быстрее и ярче мужчины реагирует на арест и главный его результат – потерю семьи (Солженицын, 1991: 432). В начале 1990-х гг. были изданы документальные рассказы «О чем не говорили», посвященные истории политических репрессий. Среди них статья журналиста Виктора Дика «Карлаг. История и судьбы» (Дик, 1990: 84–97). Он первый назвал имена начальников «АЛЖИРа» и осужденных женщин. Но, как писал автор, тогда «к архивным документам, хранящимся в УВД¹ Карагандинской области, не удалось подойти на пушечный выстрел», и существовала «опасность, что по случайному недомыслию личные дела бывших карлаговцев могут исчезнуть в пламени костра». В 1997 г. вышла книга Д.А. и С.Ш. Шаймухановых (Шаймуханов, Шаймуханова, 1997: 175), посвященная истории Карагандинского исправительно-трудового лагеря (далее – Карлаг) и «АЛЖИРа». В 2001 г. историк А.Р. Кукушкина защитила диссертацию об «АЛЖИРе» и на ее основе монографию (Кукушкина, 2002). Автор рассматривает создание системы исправительно-трудовых лагерей как следствие тоталитарного режима, особенности функционирования «АЛЖИРа», но не раскрывает историю трудпоселка № 26.

3. Обсуждение и результаты

Женский лагерь в степи: предыстория.

С 1931 г. стал формироваться Карлаг в составе ГУЛАГа СССР. Основной хозяйственный массив Карлага находился на территории Карагандинской и Акмолинской областей (Шаймуханов, 1997: 175). Наряду с этим, Акмолинская область стала превращаться с 1930-х гг. в место пребывания спецпереселенцев. Здесь создавались трудовые поселки для расселения спецпереселенцев, представителей депортированных народов. Они располагались вблизи действующих предприятий. В Целиноградском районе Акмолинской области в 1930-х гг. было создано 7 трудовых поселков («точек»), в первое время не имевших названий, а только порядковые номера: №№ 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32 (Акмолинская область, 1996: 5). 7 трудпоселков находились в Акмолинской области, остальные 25 – на территории Карагандинской области. Если в Караганде трудпоселки строились рядом с шахтами, то в Акмолинской области они создавались в основном для освоения сельскохозяйственных земель.

Бывший руководитель лагеря «АЛЖИР» М. Юзипенко пишет: «Так и получилось, села-поселения, как их называли, “точки”, находились в окружении населенных пунктов, где жили и свободные граждане, местные жители, а также отнесенные к разряду “подноменклатурных спецпереселенцев”, а также промышленные стройки, где они работали. Например, все дети из семей репрессированных, содержащихся на 26-ой точке, т[ак] н[азываемого] “АЛЖИР”, были приписаны к школе нынешней Новоишимки (29 точка) и там сдавали все государственные экзамены» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 51. Л. 3). В воспоминаниях спецпереселенки Р.А. Костюковой-Чеховской, сохранившихся в ГААО, есть следующая запись: «Между нашим колхозом и Акмолинском были поселок № 26, где была зона заключенных, огромная, затем № 27, № 29, Муртук, с[ело] Максимовка, с[ело] Семеновка, район у нас был в поселке № 29, там было НКВД, средняя школа, между трудпоселком № 29–30 была река Ишим. Мы ходили в школу после 7 классов на 29 поселок. За поселком № 30 был поселок № 31, 32 и точки 10, 11, 12, там жили поляки» (ГААО. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 14. Л. 4).

В результате Целиноградский район Акмолинской области еще в 1930-е гг. превратился в отделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря. На пустых местах строили здания для жилья, служебные помещения, завозили туда людей, технику, оборудование, материалы. Каждое сельскохозяйственное отделение (совхоз) на отведенном участке осваивало целину, заседало большие площади зерновыми культурами (пшеницей,

¹ УВД – Управление внутренних дел.

ячменем, овсом, рожью, крупяным просом), разводило породистый скот. При центральных усадьбах создавали плотины, около них поливной огород площадью в 150–200 га, на котором выращивали картофель и все овощные культуры (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 51. Л. 3).

В 1933 г. в 35 км к юго-западу от города Акмолы на берегу озера Жаланашкол был создан овцеводческий колхоз № 26 (ГАЦР. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 1). Здесь также проживали в основном спецпереселенцы, которые строили трудпоселок. Овцеводческий колхоз постепенно превратился в трудпоселок спецпереселенцев. Во второй половине 1930-х гг. расположенный в селе Малиновка трудовой поселок № 26 стал центром Акмолинского отделения Карагандинского лагеря, являвшегося крупным производителем сельскохозяйственной продукции. Посев велся только сортовыми семенами, скот был только улучшенной породы. По разрешению вышестоящей инстанции отделение Карлага свой породистый скот обменивало на местные породы скота в некоторых колхозах и совхозах Акмолинской области (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7).

Открытие лагеря. На основании приказа НКВД СССР № 00 758 от 3 декабря 1937 г. и приказа по Управлению Карлага НКВД № 0043 от 16 декабря 1937 г. на базе 26-го поселка трудпоселений было образовано Акмолинское спецотделение Карлага НКВД (Кукушкина, 2003: 184). По воспоминаниям бывшего начальника Акмолинского специального отделения Карлага М.Т. Юзипенко, Акмолинское отделение (26-я «точка») находилось в 40 км от города Акмолинска по направлению к Кургальджино, до лагеря там уже существовал спецпоселок, жители которого были переселены в другие места (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7).

Акмолинский лагерь «жен изменников Родины» был самым крупным и известным сталинским лагерем в Северном Казахстане. В этом лагере находились жены представителей интеллигенции, государственных и партийных деятелей, которые были репрессированы в годы «Большого террора» в 1937–1938 гг. Юридической основой репрессий стал оперативный приказ народного комиссара внутренних дел № 00486 от 15 августа 1937 г. В нем говорилось: «...с получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников Родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года» (Сборник, 1993: 117). Данный приказ надолго определил дальнейшую судьбу жен и детей репрессированных.

Почему местом расположения Акмолинского лагеря «жен изменников Родины» было выбрано село Малиновка? Во-первых, совхоз № 26 был расположен близко к городу Акмолинску, вдоль линии железной дороги Караганда – Акмола – Петропавловск. Во-вторых, трудпоселок № 26 был самой дальней и наиболее развитой частью Акмолинского отделения Карлага. Он находился вблизи озера Жаланашколи и реки Ишим, что способствовало развитию полеводства и скотоводства. В-третьих, женщин удобно было держать подальше от всех. Поэтому длительное время родственники и близкие не знали о месте расположения женского лагеря.

«АЛЖИР» нередко также называют «точкой» № 26. Юридически Акмолинский лагерь «жен изменников Родины» являлся исправительно-трудовым лагерем (далее – ИТЛ) № Р-17. Карагандинского ИТЛ. Об этом написано в книге «Узницы АЛЖИРа»: «Акмолинское отделение в самом конце 1939 г. вошло окончательно в Карлаг (до того оно входило в структуру Карлага формально, в основном подчиняясь непосредственно ГУЛАГу) и было переименовано в 17-е отделение Карлага» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7). В биографических справках узников «АЛЖИРа» написано: «заключенные ИТЛ-17 (АЛЖИР)».

Фактически спецотделение в Акмолинске, входившее в структуру Карагандинского ИТЛ, открылось уже в начале 1938 г. С 10 января сюда стали приходить этапы. Акмолинское спецотделение быстро заполнялось, и уже через полгода руководство Карлага было вынуждено временно распределять очередные этапы осужденных женщин по другим лаготделениям. В конце 1939 г. Акмолинское спецпоселение окончательно вошло в Карлаг (Узницы «АЛЖИРа», 2003: 26–27). Александр Бредихин, бывший комендант спецпоселка, был назначен начальником вновь возникшего Акмолинского отделения Карлага (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7).

Бывшая узница Мариам Анцис в своих воспоминаниях так описала первый день пребывания в лагере: «Наступил первый день жизни в лагере. Трескучий мороз,

окаменевшие сугробы снега у бараков подсказывали, что первое спасение – раздобыть топливо. Это оказалось не так уж проблематично. На расстоянии одного километра находилось озеро Жаланаш, которое очень щедро сберегло запас камыша – единственный вид топлива в казахстанской степи. По распоряжению старост (таких же заключенных, как и мы), выстроились в колонны по 200 человек и направились, вооруженные серпами и лопатами, к озеру. Разбившись на бригады по 10 человек, получили задание – срезать камыш у корней и вязать по 40 снопов» (Малиновские вехи, 2003: 9). Еще одна бывшая узница «АЛЖИРа» Галина Колдомасова вспоминала: «В 26[-й] точке Акмолинского отделения Карлага, куда нас привезли, полтора года мы жили без права переписки. В лагерь мы приехали в начале мая. На пустыре стояли бараки на 300 человек каждый. Посередине бараков тянулись сплошные нары, один этаж над другим. В этом городке за колючей проволокой с четырьмя вышками по углам жили одни лишь «жены» – ведь это был «АЛЖИР». Он стоял на берегу большого озера, куда зимой мы ходили резать камыш, им отапливались бараки» (Узницы «АЛЖИРа», 2003: 22). Такие воспоминания можно встретить у всех узниц. Они изготавливали из камышей топливо и строили саманные дома.

Хозяйство лагеря. 1 января 1939 г. начальником лагеря стал С. Баринов. В интервью с журналистом Е. Кузнецовой он описывает лагерь таким образом: «Земельная площадь, принадлежащая отделению, составляла из 30 тысяч гектаров. Из них более 10 тысяч занято под пашню. Все производили сами, все продукты. Было большое хозяйство. Урожай собирали по нарядам Карлага и отправляли в Акмолинск сортовое зерно. Порядок был такой: элитное – для Акмолинска, он пользовался им для нужд колхозов и совхозов, а с нами расплачивался кормом для скота. Остальное оставляли себе. Все производили для себя сами: пекли, сажали, выращивали, готовили. И всем этим снабжали население – ведь вокруг-то люди жили. В отделении был большой огород – сажали картофель, капусту, морковь. Был большой фруктовый сад. Все угодья расположены на высокогорье между Нурой и Ишимом, вода была в дефиците, надо было до нее сорок метров бурить, чтобы добраться» (Кузнецова, 2001: 82–83).

Акмолинский лагерь имел юридический статус как административно-хозяйственная единица, соответственно, имелось штатное расписание работников аппарата по каждой части службы, расчетный счет в Акмолинском госбанке. Военизированная охрана находилась в подчинении начальника лагеря (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7). В 1939 г. лагерь перевели на хозрасчет, женщины стали работать сами. К этому времени здесь уже были построены руками узниц скотоводческие базы: молочные, коневодческие, свиноводческие фермы (ГАГА. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 14. Л. 4).

20 августа 1939 г. управление Карлага издало приказ, в котором говорилось: «Специалистов, осужденных до 5 лет, использовать по специальности, а осужденных больше 5 лет использовать только в общей охраняемой работе» (Кукушкина, 2003: 15). Об этом пишет в своих воспоминаниях Галина Степанова-Ключникова: «Ближе к весне по баракам пошли со списками. Выявляли нужных лагерю специалистов-строителей, сметчиков, агрономов, врачей. Так было сформировано наше конструкторское бюро «Шарашка». Нашему маленькому бюро предстояло запроектировать для лагеря швейную фабрику, кирпичный завод, электростанцию, котельную, баню, столовую с кухней и кинотеатр для вольнонаемных вне зоны лагеря. Начальницей конструкторского бюро была назначена Амалия Георгиевна Микаэлян-Кечек» (Степанова-Ключникова, 2003: 38). Тяжело приходилось женщинам с гуманитарным, музыкальным и другим не нужным лагерю образованием. Они месили голыми ногами глину с соломой, набивали этой массой деревянные формы, надрываясь, тащили их и вытряхивали сырые саманы на площадку для просушки. Из подсушенных саманов другие женщины – каменщики клали стены. Слабые женщины по 12–14 часов в день таскали двадцатикилограммовые саманы, поднимали их на подмости, укладывали в стены, другие женщины работали в поле. Как пишет Г. Колдомасова: «Я попала в бригаду саманщиц. Мы делали саманы – большие кирпичи из глины, соломы и навоза. Утром, выходя за зону, я радовалась, что работа поможет отвлечься от горя, и мои страдания теперь как-то переносятся в среде таких же женщин, как я» (Малиновские вехи, 2003: 19).

В Акмолинском женском лагере было много специалистов – плановиков, бухгалтеров, агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, медицинских врачей, инженеров,

строителей и других специальностей. Старшим агрономом была назначена А.А. Зайцева – прекрасный организатор и знающий специалист. Она сумела подобрать себе помощников и вместе с ними развернула огромную работу. Была создана опытная станция, на полях которой велась серьезная научная работа. Впоследствии за работу против эрозии почв в институте зернового хозяйства А. Зайцева, совместно с коллективом ученых во главе с директором института А. Бараевым, получила Ленинскую премию. А работу по борьбе с эрозией она начала еще в лагере. Вместе с освоением новых земель развивалось овощеводство. Построили парники, теплицы, выращивали морковь, свеклу, капусту (Малиновские вехи, 2003: 11).

После С. Барина начальником «АЛЖИРа» был М. Юзипенко. По его воспоминаниям, в 1939 г. Акмолинский лагерь выглядел так: «В связи с собравшимся большим людским контингентом для использования его в трудовом процессе специально был создан совхоз, в котором посевная площадь была 10 тысяч га только зерновых культур – пшеницы. Был и поливной огород – 210 га, на котором выращивались картофель, капуста, свекла, морковь, огурцы, помидоры, лук, бахчевые. Имелись две молочные фермы, около пятисот голов крупного рогатого скота, такое же количество лошадей. Кроме сельского хозяйства в лагере была организована швейно-вышивальная фабрика, где работало около 3 тысяч женщин. Все технологическое руководство, как в сельском хозяйстве, так и в швейно-вышивальном производстве осуществляли женщины-специалисты с большим опытом работы» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 52. Л. 4).

Для развития хозяйственной деятельности Акмолинскому отделению был выделен достаточный участок земельных угодий в сторону колхоза Ново-Ишимка (в западном направлении), протяженностью до 40 км. На этой территории было создано два сельхозучастка совхозов, на которых, для постоянного там содержания поголовья скота и проживания обслуживающего персонала из заключенных, были построены базы и жилые здания. На каждом участке содержалось поголовье крупного рогатого скота около 500 голов. В основном молочные коровы и молодняк (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 8). На этих участках засевали пшеницу, ячмень, овес, просо, в первые годы в пределах до 500 га. В последующие годы посевная площадь увеличивалась до 10 000 га. Кроме полеводства и животноводства в отделении был поливной огород более 200 га, на котором производилась посадка всех видов овощных культур: картофель, морковь, свекла, капуста, помидоры, огурцы, бахчевые. Впоследствии был заложен фруктовый сад – 25 га (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 51. Л. 2). Узница «АЛЖИРа» Н.Б. Воронкова-Богданец вспоминала: «Узницы, набрав несколько человек, попросились работать на кухню. Это случилось сразу по прибытию в лагерь. В это время в лагерной кухне работали уголовницы, готовившие такую пищу, что даже очень голодные были не в состоянии ею питаться. На инициативу начальник лагеря ответил согласием (ГАГА. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 3. Л. 8).

Для использования всего контингента решено было организовать швейную фабрику и вышивальное производство, где было занято более 2 тыс. человек. Швейная фабрика выполняла заказы на давальческом сырье¹ крупных организаций. Вышивальное производство изготовляло продукцию из сырья Наркомата торговли Казахской ССР, по его нарядам и указанию продукция отправлялась в другие области Казахстана. В период военного времени швейная фабрика выполняла заказы по пошиву обмундирования для военных ведомств. Для этого лагерь имел наряды и получал мануфактуру по нарядам из Иваново, Тейково, меланжевых комбинатов Барнаула, Ташкента (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 9). Об этом в воспоминаниях написала Г. Степнова-Ключникова: «Из малосильных, больных и старых был организован вышивальный цех. По рисункам художницы Ксении Шуко, родственницы известного архитектора, с раннего утра до позднего вечера, теряя зрение, вышивали “алжирки” – тончайшие купоны блузок, украинских сорочек, роскошные скатерти, салфетки. После войны я еще долго встречала в художественных салонах Москвы изделия, выполненные по знакомым рисункам 26 точки Карлага» (Степнова-Ключникова, 2003: 39). Н.Б. Воронкова-Богданец вспоминала: «Стала работать швейная фабрика. Работа в вышивальном цехе, рассчитанная на ослабленных женщин, оказалась непосильной, нормы

¹ Давальческое сырье предоставлялось заказчиком продукции непосредственно или по договору с третьей стороной изготовителю. Использовалось для контроля качества продукции.

выработки были очень высоки, ни одна ослабленная узница не была в состоянии выполнить их, а ведь от выработки зависел паек. Чтобы хоть как-то выжить, женщины, стремясь выполнить нормы, теряли зрение» (ГАГА. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 3. Л. 5). Директором швейной фабрики стала узница Мариям Лазаревна Анцис. О ней есть сведения в воспоминаниях Сауле Кожахметовой, дочери одной из узниц Гульбайрам Кожахметовой (Малиновские вехи, 2003: 10).

Акмолинское отделение Карлага стало крупным производителем сельскохозяйственной продукции в Акмолинской области (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 9). «АЛЖИР» расширялся, охватывая новые отрасли. Издалека были видны цветущие поля, окаймленные со всех сторон деревьями (Малиновские вехи, 2003: 11). Со дня своего основания «АЛЖИР» стал организацией, существование которой было выгодно для государства. Во-первых, заключенные женщины использовались как бесплатная рабочая сила. На их существование государство не тратило денег. Во-вторых, все опыты по скотоводству и полеводству проводили специалисты этого лагеря. Среди лагерного контингента было много женщин с высшим образованием, которые свои теоретические изыскания претворяли в жизнь на практике. Хозяйственной деятельностью руководили репрессированные женщины с большим опытом.

Актеры террора и заключенные: до и после лагеря. Чтобы понять феномен лагерей, должны быть представлены разные акторы памяти. Поэтому мы обратились к воспоминаниям начальников Акмолинского лагеря С.В. Баринова и М.Т. Юзипенко, а также воспоминаниям о них. Так, режиссер фильма «Изменницы» Евгения Головня в интервью газете «Великая эпоха» 5 ноября 2011 г. вспоминала о Баринове: «В 1990 г., когда мы со съемочной группой приехали на “26 точку Карлага” в поселок Долинку, я нашла его в полуразрушенном саманном домике, где он жил со своей женой. Он рассказал, что выполнял приказ как военнообязанный. “Меня поставили начальником лагеря, я работал. Когда я увидел этот муравейник из женщин, у меня волосы дыбом встали. А что делать? Вот и начал работать”» (Ким, 2011: 2–3). В интервью Головня также рассказала, что поехала к супругам Бариновым вместе с бывшей узницей «АЛЖИРа» Оксаной Козьминой, которая обнялась с бывшим начальником лагеря. Г. Степанова-Ключникова вспоминала: «Ждали весны, ждали прихода начальника лагеря Баринова и его заместителя Мишина. Когда он появился, женщины бросились к нему, прося, умоляя, требуя сообщить, где находятся их дети, что случилось с оставленными, часто грудными, детьми, больными родителями. Он оправдывался незнанием и раздавал листки бумаги для заявлений. И мы писали, вопили о справедливости. Адресовали их в Прокуратуру СССР, Калинин, Сталину и бог весть» (Степанова-Ключникова, 2003: 63).

Больше известно о М.Т. Юзипенко, который был начальником «АЛЖИРА» в 1940–1941-е гг. и заместителем начальника в 1941–1943 гг. (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–2). Позже он был персональным пенсионером республиканского значения. М.Т. Юзипенко сам просился на место начальника, а потом заместителя начальника лагеря «АЛЖИР». По его воспоминаниям, работать там было хорошо, отделение было далеко от управления Карлага, существовало самостоятельно. Но когда он перешел на должность заместителя, начались проблемы с начальством. Хотя они с Бариновым вначале сработались, позже тот отправил его обратно в Караганду (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 9). М. Юзипенко описывает «АЛЖИР» следующим образом: «Несмотря на режимное положение, Акмолинский лагерь – “АЛЖИР” – жил нормальной жизнью, как обычный населенный пункт. Жилье было барачного типа, с двухъярусными койками, печным отоплением» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 6–7). Образ М. Юзипенко – яркий пример человека, служившего тоталитарному режиму.

В 1988 г. появились первые публикации по истории Карагандинского ИТЛ. 2 июня 1988 г. в газете «Ленинская смена» вышла статья В.В. Комарова «Правда АЛЖИРа» (Комаров, 1988: 2). В ней были представлены мнения узниц З. Тналиной и И. Шубриковой о М. Юзипенко. Эти узницы сообщили, что Юзипенко направил женщинам письма с просьбой написать о нем положительные отзывы. Он хотел себя таким образом реабилитировать. 10 июня Юзипенко написал жалобу редактору газеты «Казахстанская правда» Ф. Игнатьеву с просьбой поручить Комарову срочно дать официальное опровержение, в противном случае обещал обратиться на него в суд за оскорбление чести и достоинства ветерана партии, труда

и комсомола (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 70. Л. 15). М. Юзипенко также написал письма партийным организациям Казахстана.

Среди публикаций, вышедших в период перестройки и гласности в 1988–1989 гг., выделялась статья В. Дика, опубликованная в «Казахстанской правде» и вызвавшая большой общественный резонанс (Дик, 1988). После ее выхода Юзипенко 10 августа 1988 г. написал еще одну жалобу редактору газеты Ф. Игнатьеву, отметив в ней, что «автор умалчивает о других начальниках отделений, которых в Карлаге было более 25 человек, тем самым неправомерно выпячивает фигуры Баринова и Юзипенко, подчеркивает их как бы особую роль, которой на самом деле не было» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–2).

6 декабря 1988 г. в газете «Ленинская смена» вышла еще одна статья журналиста В. Комарова об «АЛЖИРе». Бывшая узница К.И. Мальцева сказала в интервью журналисту В. Комарову: «Как относилось к нам лагерное начальство и охрана? По-разному. Юзипенко разговаривал с нами высокомерно, обращался к нам не иначе как “гражданки”. Другой начальник был помягче. Говорил нам: “девушки, женщины”. Интересовался, как нам живется, порой шел на уступки. Баринов производил впечатление незлого человека, однако и при нем лагерь “функционировал” исправно» (Комаров, 1988а: 2).

Статьи В. Комарова были «разгромными» для бывшего чекиста. Областной совет ветеранов войны и труда отстранил его от встречи с молодежью, от торжественных собраний. Его также не пригласили участвовать в праздновании 70-летия ВЛКСМ.

В 1989 г. в Малиновке был создан комплекс «Мемориал» в память о жертвах репрессий по инициативе И.И. Шарфа. Он вспоминал: «Еще одна наша инициатива – создание памятника жертвам политических репрессий. Созвали сход и общим собранием стали решать, что делать, чтобы сохранить память о женщинах, испытавших на себе действие сталинских репрессий. Решили на месте захоронения возвести курганы. Трудно было найти это место. Засекреченная информация. Здесь нам помогла семья врачей Горьковых. Особенно их сын Федор. Они подсказали» (Малиновские вехи, 2003: 78). В книге «Узницы АЛЖИРа», изданной при поддержке международного общества «Мемориал», сообщалось: «Памятник был установлен еще в 1989 г., когда во многих регионах СССР об этом и речь всерьез не шла» (Узницы «АЛЖИРа», 2003: 10). И.И. Шарф отмечал: «За это мероприятие ездил объясняться в Алматы. Ругали меня крепко. Но один крупный руководитель подбодрил: “Держись, постараюсь тебя защитить. Ты правильно поступил, справедливо, но время еще не пришло, поторопился ты”» (Малиновские вехи, 2003: 80).

Памятник представлял собой расколотую красную звезду, опоясанную колючей проволокой. По замыслу архитектора И.Н. Юрашевича, она символизировала разорванную человеческую душу. На открытии памятника бывшие узницы С.К. Таштитова, В. Майжолова-Куленова, К.И. Мальцева, А.Г. Енданова, Т.П. Афонина, М.И. Крутько, Е.Ф. Верещагина, а также дети узниц И.В. Шубрикова, И.Е. Шадрина, Е.Б. Товаровская, О.Г. Голубев, Е.Н. Корацио, Е.Н. Шафаренко, Г.С. Рачкова. Бывшие узницы «АЛЖИРа» рассказывали на митинге о жизни за колючей проволокой (Смагулов, 1989: 3). На митинге читала стихи Валентина Савельевна Шевченко – дочь узницы «АЛЖИРа» Мариам Лазаревны, приехавшая на встречу вместо матери, не дожившей до этих дней. Расколотая красная звезда стала вечным символом и историей села Малиновка.

18 октября 1989 г. М. Юзипенко пришел на встречу узниц «АЛЖИРа» в село Малиновку. В личном фонде М. Юзипенко в ГАГН сохранились его воспоминания об этой встрече, остро обсуждавшейся на страницах СМИ. Корреспондент «Ленинской смены» В. Комаров опубликовал в «Комсомольской правде» статью под названием «Пенсионер Архипелага». О М. Юзипенко в ней говорилось: «Он серый, сутулый, орудовал ложкой, не очень успешно пытался шутить. Когда Калерия Ивановна (бывшая заключенная, номер 256 097) увидела, что он (бывший начальник) кинулся к ней, отпрянула и неожиданно для себя закрыла лицо руками. Возможно, она вспомнила, как ее заставляли письменно отречься от мужа и забрали двоих маленьких детей. И он вспоминал, как “выбивал” для заключенных дополнительные пайки. Их уравнивали перед Историей, пригласив на вечер памяти, и подарив одинаковые подарки. Они пришли на встречу разными “дорогами” – узница и начальник «26-й точки» Михаил Терентьевич Юзипенко. На вечере его подчеркнуто не замечали. После той встречи М.Т. Юзипенко занемог, на него косо посматривали соседи, он получал оскорбительные письма» (Комаров, 1989: 2). М. Юзипенко

написал жалобу в Москву секретарю ЦК ВЛКСМ В.И. Мироненко на журналиста В. Комарова: «Статьи, как в “Комсомольской правде”, так и в “Ленинской смене” крайне необъективны, клеветнического характера. Работая в лагере, я не допускал никаких правонарушений к содержащимся там людям» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 70. Л. 1).

18 сентября 1990 г. в газете «Труд» было опубликовано интервью режиссера Е. Головня под заголовком «Изменницы». Она описывала М. Юзипенко таким образом: «Малограмотный человек, который хочет казаться лучше, чем есть. Он установил переписку со всеми бывшими заключенными – собирает досье на самого себя, каким он был хорошим. Он даже плачет у нас в кадре» (Изменницы, 1990: 2). После интервью М. Юзипенко написал редактору газеты «Труд» А. Потаповой, министру внутренних дел СССР В. Бакатину письмо с жалобой на Е. Головня. «Скажу только, что Головня подошла ко мне нечеловечно. Когда она в 1988 г. приезжала в г. Целиноград и производила киносьемки тех мест... Возили меня туда с собой, я старый и нездоровый человек, с трудом и с посторонней помощью поднимался по ступенькам на автобус» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 70. Л. 3). При этом он признавал, что был малограмотным, но говорил: «Однако те должности, которые занимал до Карлага и в Карлаге, зав[едующий] парткабинетом, инспектор политотдела, зам[еститель] начальника лаготделения и начальника – я им соответствовал» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 70. Л. 3).

Ситуации, связанные с данным актором памяти, в какой-то мере отсылают к ситуации, описанной Х. Арендт как «банальность зла» (Арендт, 2008). Речь идет о том, что действия, порождающие зло, воспринимаются как поддержание и охрана существующего порядка, как обычная работа, без осознания какой-либо ответственности. В деперсонализации личности и заключается радикальность зла тоталитаризма.

4. Заключение

Представленные материалы из региональных архивов, проанализированные воспоминания узниц «АЛЖИРА» и их надзирателей позволяют сделать вывод о женском лагере в степи как о советском эксперименте в Казахстане. «АЛЖИР» стал местом культурной травмы для Казахстана, а основанный на месте лагеря музейно-мемориальный комплекс – местом памяти о драматических событиях советского прошлого. Музей становится и инструментом памяти.

Необходимо продолжить междисциплинарные исследования по данной теме не только исходя из академических соображений, но и для того чтобы избежать в будущем разрушительное воздействия тоталитаризма во всех его проявлениях на личность и общество.

Литература

Акмолинская область, 1996 – Акмолинская область в цифрах и фактах прошлого. Справочник. Акмола: Акмолинское областное управление архивами и документацией, 1996. 38 с.

Арендт, 2008 – Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.

ГАГА – Государственный архив города Астаны

ГАО – Государственный архив Акмолинской области

ГАЦР – Государственный архив Целиноградского района Акмолинской области

Дик, 1988 – Дик В. Карлаг. История и судьбы // Казахстанская правда. 1988. № 24.

Дик, 1990 – Дик В. Карлаг. История и судьбы. О чем не говорили: документальные рассказы и очерки. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 84–97.

Изменницы, 1990 – Изменницы // Труд. 1990. 18 сентября.

Каталог, 2012 – Каталог коллекций фонда музея «АЛЖИР». Астана: «АЛЖИР», 2012. 365 с.

Ким, 2011 – Ким У. Режиссер Евгения Головня: пережитое вместе горе не так унижительно // Великая эпоха. 2011. 5 ноября.

Комаров, 1988 – Комаров В. Правда АЛЖИРа // Ленинская смена. 1988. 2 июня.

Комаров, 1988а – Комарова В. Интервью // Ленинская смена. 1988. 6 декабря.

- Комаров, 1989** – *Комаров В.* Пенсионер Архипелага // Ленинская смена. 1989. 29 ноября.
- Кукушкина, 2002** – *Кукушкина А.Р.* Акмолинский лагерь жен «изменников родины»: история и судьбы. Караганда: Болашақ-баспа, 2002. 184 с.
- Кузнецова, 2001** – *Кузнецова Е.* Карлаг по обе стороны «колючки». Сургут: Дефис, 2001. 257 с.
- Нора, 1999** – Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Малиновские вехи, 2003** – Малиновские вехи. Сборник публикаций и воспоминаний (от АЛЖИРа до современной Малиновки). Астана: Ассоциация жертв незаконных репрессий, 2003. 82 с.
- Сборник, 1993** – Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 245 с.
- Смагулова, 1989** – *Смагулова Г.* Обретение памяти // Призыв. 1989. 31 мая.
- Солженицын, 1991** – *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. В 4 т. Т. 2. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 432 с.
- Подорога, 2013** – *Подорога В.* Время после. Освенцим и ГУЛАГ. Мыслить абсолютное зло. М.: Логос, 2013. 174 с.
- Степнова-Ключникова, 2003** – *Степанова-Ключникова Г.* Казахстанский АЛЖИР. Астана: Ассоциация жертв незаконных репрессий, 2003. 63 с.
- Шаймуханов, 1997** – *Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Ш.* Карлаг. Караганда: Полиграфия, 1997. 175 с.
- Узницы «АЛЖИРа», 2003** – Узницы «АЛЖИРа». Список женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М.: «Звенья», 2003. 568 с.

References

- Akmolinskaya oblast', 1996** – Akmolinskaja oblast' v cifrah i faktah proshlogo (1996). [Akmola region in numbers and facts of the past]. Directory. Akmola: Akmola regional archives and documentation, 38 p. [in Russian]
- Arendt, 2008** – *Arendt H.* (2008). Banal'nost' zla. Jehhman v Ierusalime [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem]. Moscow: Evropa, 424 p. [in Russian]
- GAGA** – Gosudarstvennyj arhiv goroda Astany [State Archive of Astana].
- GAO** – Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti [State Archive of Akmola region].
- GACR** – Gosudarstvennyj arhiv Celinogradskogo rajona [State Archive of the Tselinograd District].
- Dik, 1988** – *Dik V.* (1988). Karlag. Istoriya i sud'by [Karlag. History and destiny] // *Kazahstanskaya pravda*, №24. [in Russian]
- Dik, 1990** – *Dik V.* (1990). Karlag. Istoriya i sud'by [Karlag. History and destiny] // O chem ne govorili: Dokumenty, rasskazy i ocherki [What did not say: documentary stories and essays]. Alma-Ata: Zhalyn, pp. 84–97. [in Russian]
- Izmennicy, 1990** – *Izmennicy* (1990). [Cheating women] // *Trud*, September 18. [in Russian]
- Katalog, 2012** – Katalog kolekcij fonda muzeya “ALZHIR” [Catalog of the collections of the museum “ALZHIR”]. Astana: “ALZHIR”, 2012. 365 p. [in Russian]
- Kim, 2011** – *Kim U.* (2011). Rezhisser Evgenija Golovnja: Perezhitoe vmeste gore ne tak unizitel'no [Producer Evgenia Golovnya: the grief experienced together is not so humiliating] // *Velikaja jepoha*, November 5. [in Russian]
- Komarov, 1988** – *Komarov V.* (1988). Pravda ALZhIRa [True ALZHIR] // *Leninskaja smena*, June 2. [in Russian]
- Komarov, 1988a** – *Komarov V.* (1988). Interv'ju [Interview] // *Leninskaja smena*. 6 dekabrja. [in Russian]
- Komarov, 1989** – *Komarov V.* (1989). Pensioner Arhipelaga [Pensioner of the Archipelago] // *Leninskaja smena*, November 29. [in Russian]
- Kukushkina, 2002** – *Kukushkina A.R.* (2002). Akmolinskij lager' zhen “izmennikov rodiny”: istorija i sud'by [Akmola camp of wives of “traitors to the motherland”: history and destinies]. Karaganda: Bolashaq-baspa. 184 p. [in Russian]

Kuznecova, 2001 – *Kuznecova E.* (2001). Karlag po obe storony “koljuchki” [Karlag on both sides of the “thorn”]. Surgut: Defis. 257 p. [in Russian]

Nora, 1999 – *Nora P.* (1999). Problematika mest pamyati [The problematics of places of memory]. // France – memory. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, pp. 17–50. [in Russian]

Malinovskie vekhi, 2003 – *Malinovskie vekhi.* Sbornik publikacij i vospominanij (ot ALZHIRa do sovremennoj Malinovki) (2003). [Malinovye milestones. Collection of publications and memoirs (from ALZHIR to modern Robin)]. Astana: Associaciya zhertv nezakonnyh repressij, 82 p. [in Russian]

Sbornik, 1993 – *Sbornik zakonodatel'nyh i normativnyh aktov o repressijah i reabilitacii zhertv politicheskikh repressij* (1993). [Collection of laws and regulations on repression and rehabilitation of victims of political repression]. Moscow: Respublika, 245 p. [in Russian]

Smagulova, 1989 – *Smagulova G.* (1989). Obretenie pamjati [Gaining memory] // *Prizyv*, May, 31. [in Russian]

Solzhenycin, 1991 – *Solzhenycin A.* (1991). Arhipelag GULAG [GULAG Archipelago]. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: INKOM NV, 432 p. [in Russian]

Podoroga, 2013 – *Podoroga V.* (2013). Vremja posle. Osvencim i GULAG. Myslit' absoljutnoe zlo [Time after. Auschwitz and the Gulag. Think absolute evil]. Moscow: Logos, 2013. 174 p. [in Russian]

Stepnova-Klyuchnikova, 2003 – *Stepanova-Klyuchnikova G.E.* (2003) Kazahstanskij Alzhir [Kazakhstan ALZHIR]. Astana: Associaciya zhertv nezakonnyh repressij, 64 p. [in Russian]

Shajmuhanov, 1997 – *Shajmuhanov D.A., Shajmuhanova S.S.* (1997) Karlag [Karlag]. Karaganda: Poligrafija, 175 p. [in Russian]

Uznicy “ALZHIRa”, 2003 – *Uznicy “ALZhIRa”.* Spisok zhenshhin – zakljuchennyh Akmolinskogo i drugih otdelenij Karlaga [Prisoners “ALZHIR”. List of women – prisoners of Akmola and other departments of Karlag]. Moscow: “Zven'ja”, 2003. 567 p. [in Russian]

Женский лагерь в степи как советский эксперимент в Казахстане

Арайлым Сабитовна Мусагалиева^{a, *}, Роза Мадениетовна Мусабекова^a,
Улболсын Майтановна Сандыбаева^a

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается феномен «женского лагеря» как советский эксперимент в Казахстане на примере лагеря «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). В официальных документах он обозначен как ИТЛ «Р-№17» Карагандинского исправительно-трудового лагеря, являющегося частью ГУЛАГА СССР. В этом лагере сидели жены интеллигенции, государственных и партийных деятелей, которые были репрессированы в годы «Большого террора» в 1937–1938 гг. В статье использованы ранее не известные региональные архивные материалы, в частности, документы Государственного архива Акмолинской области, Государственного архива города Астаны, а также районных архивов Акмолинской области. Авторами статьи были найдены материалы об одной из узниц, фамилия которой впоследствии была внесена в список узниц «Стены Памяти» при музее политических репрессий «АЛЖИР». Через воспоминания, а также интервью узниц лагеря «АЛЖИР» представляется повседневная жизнь и хозяйственный уклад лагеря, обосновывается идея его экономической целесообразности для советского государства. Акцентируется внимание на использовании профессионального опыта и знаний женщин-специалистов, их вкладе в развитие региона. Наряду с этим представлена и первая встреча бывших узниц лагеря и их детей в 1989 г., в день открытия мемориала «АЛЖИР» на месте бывшего лагеря. Особое внимание в статье уделено

*Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arai0410@mail.ru (А.С. Мусагалиева)

воспоминаниям двух начальников лагеря, их оценке лагерной жизни, а также воспоминаниям о них узниц. Представленные акторы памяти, не являющиеся жертвами, а именно, надзиратели, демонстрируют концепт Х. Арндта «банальность зла». Сегодня «АЛЖИР» стал местом культурной травмы для Казахстана, а основанный музейно-мемориальный комплекс на месте лагеря – местом памяти о драматических событиях советского прошлого, об антигуманном советском эксперименте в степи.

Ключевые слова: «АЛЖИР», женский лагерь, узницы, Акмолинск, репрессии, женщины, архивные документы, советы.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2018, 9(2): 202-217

DOI: 10.13187/rs.2018.2.202
www.ejournal15.com

The Traditional Culture of the Peoples of Russia

Ambivalent Status of Sacrum in Slavic Traditional Culture: Cemetery as Horrific and Holy Place

Maria A. Andrunina ^{a, *}

^a Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay
of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article discusses different compounds in the traditional notion of sacrum and typical relations between them on the example of cemetery concerned beliefs and ritual practices, using the data from Polesye region (Ukrainian, Belorussian, Western Russian data). The portrait of graveyard as holy place is formed from the religious symbols existing in it (churches, crosses, sanctification of the land for new cemetery); the regarding the dead ancestors as holy forefathers, who always assist their living relatives in all kinds of troubled situations and the consideration of the cemetery as improper place for unclean dead burial (mostly suicidal and others), who habitually were laid on graveyard boundaries. In the other hand, cemetery is the place in between the world of living and the world of dead, where different types of ghosts and demons can be viewed, where all kinds of black magic can be performed, which drives to the place witches and other dangerous persons. The danger of cemetery for people is reflected in great number of taboos and rules concerning the place: for instance, to ask in the gates the spirits for permission to enter, not to visit the place before or after sun, never take anything from the place and so on. So, presented material shows that the notion of sacrum in Slavic traditional culture consists of Christian and pre-Christian layers, contains the ideas of supernatural, death, miracle and horror; the relations between two poles of cognitive field “supernatural” – sacrum and demonic – are formed by the way of turning unholy and demonic place into holy by the means of placing there sacred religious symbols (building of churches, crosses, putting to it “holy” toponymy) and by symbolic exploration of land, which demands finding the center, considered to be sacred; lining the boundaries which divide it from surrounding wild, demonic and thus dangerous land. This structure of sacred is mirrored in the organization of cemetery: it has the central holy place, which is church or main cross with honorable graves of respected forefathers around, it has boundary places there unclean, dangerous, demonic dead are traditionally buried, it distinguished from surrounding lands defied from symbolical meaning.

Keywords: holy, sacred, cemetery, dead, demon, traditional culture, taboo, funeral, remembrance, Slavic, ethnolinguistic.

* Corresponding author
E-mail addresses: mary-andr@mail.ru (M.A. Andrunina)

1. Введение

Освоение пространства человеком традиционной культуры никогда не идет вне его аксиологической интерпретации, получающей свое выражение на всех уровнях и практически во всех жанрах культурных текстов, начиная от этиологических легенд, где элементы ландшафта становятся «положительными» (поля, равнины, леса и др.) и «отрицательными» (горы, овраги, болота и пр.) в зависимости от образа их изначального творца (Бога или черта), до топонимикона, закрепляющего оценку различных локусов через большое количество «святых» и «чертовых» названий (см. [Березович, 2000: 199–350](#); [Березович, 2002](#)).

2. Материалы и методы

Концепт «святости», «сакрального» часто привлекал к себе внимание ученых, исследовавших его различные стороны и проявления, отражения в культуре, мифологии, языке на материале практически всех традиций (см.: [Otto, 1917](#); [Durkheim, 1912](#); [Элиаде, 1994](#); [Топоров, 1987](#); [Левкиевская, 2009](#) и пр.). В данной работе мы затронем особую специфику понятия «сакрального» в традиционной культуре, а именно его амбивалентность, глубинную и часто нерасторжимую связь «святого» со своим противоположным полюсом — с «нечистым» и «страшным», а также сделаем попытку выявить типы существующих между ними связей на примере кладбища, локуса, ряд традиционных мифологических представлений о котором находится в обширной сфере мистического и сакрального. Исследование проводится на украинском, белорусском и западнорусском (полесском) материале, также привлечены сведения из приграничных регионов (например, вост. Польша). В качестве сравнения приводятся и другие, в том числе севернорусские данные.

3. Обсуждение и результаты

Кладбище — святое место. Святость кладбища и кладбищенской земли часто маркируется и закрепляется наличием на ней религиозных символов, воплощающих идею сакрального для сознания человека: церкви, крестов, других христианских культовых предметов; на кладбищах служились молебны и панихиды.

По традиционным представлениям, даже не находящаяся на кладбище церковь часто семантически сближается с кладбищем и «тем светом», оказывается локусом на границе между миром живых и усопших. Например, в подблюдных песнях церковь на горе иногда служит символом скорой смерти: «Стоит церковка да й на горочке, а кто йдеть туда — приклоняется». Эта песня к смерти. Уже загадано так, что человек умрёт» (рус. смол.) ([СМЭС, 1: 667](#)). В мифологических рассказах восточных и западных славян сам храм и пространство вокруг него оказываются местом сбора всех умерших по праздникам, часто вне зависимости от того, находилась данная церковь на кладбище, возле него или стояла отдельно. Изоморфизм церкви и кладбища как святых локусов, в которые не допускается нечистое, прослеживается в относящихся к этим местам запретах. Женщины во время месячных избегали посещения церкви и кладбища: «Як рубашка [месячные] и ў це ркву не йду т, на кладби ще не мо гли хо дить» ([Полесский архив: Боровое, Рокитновский район, Ровенская область](#)); «В це ркву не йдут, дете й не хре стить. Не мо жно на кла дбище йдэ , то ж ми сто свито й» ([Полесский архив: Ветлы, Любешовский район, Волынская область](#)); «На по хороны нильзя . Свя тое ме сто кла дбишчэ, нильзя » ([Полесский архив: Ласицк, Пинский район, Брестская область](#)); «Куда ж ана пайдэць такая грязная, па святых местах» ([Полевые материалы Андриуниной: Белая Дуброва, Костюковичский район, Могилевская область](#)).

Церковное освящение предназначенных для кладбищ участков земли автоматически вводило идею границы, отделяющей «священное» от окружающих его аксиологически не маркированных территорий: «Осветят это новое место [новое место под кладбище]» ([Полесский архив: Грабовка, Гомельский район, Гомельская область](#)). Эти представления универсальны и закреплены в языке на уровне терминологии, например, *fanum* (лат.) ‘освященная земля, святыня, храм’, *profanum* (лат.) — буквально находящийся за пределами святыни — ‘мирской, не инициированный в культ, нечистый, загрязненный, кощунственный’ ([OLD: 676, 1474](#)). На территории польско-белорусского пограничья

католическая церковь часто настаивала на огораживании кладбищ, таким образом подчеркивая их сакральный характер, их выделенность из всех окружающих пространств. Жители этих регионов комментировали это следующим образом: “Abharodili, kab skatina nie łaziła pa ludziach, pa duszach tych naszych” [Огородили, чтобы скот не лазил по людям, по душам наших [родных]] (Straczuk, 2006: 119). По сообщениям из Белоруссии, практика огораживать кладбища (с помощью забора или выкопанной вокруг канавки) была призвана оградить священное пространство и обитающие в нем души от нежелательных вторжений извне: «Ето была свяшчэнная, туда никто не хадили, только девять дней хадили, а так не хадили, штоб ани атдыхали, штоб их не тревожыць. Зачем их тревожыць?» (Полевые материалы Андрюниной: Теханичи, Костюковичский район, Могилевская область).

Во многих случаях церковь оказывалась центром кладбища, которое формировалось и группировалось вокруг нее, причем самых именитых и заслуженных людей могли погребать возле самой церкви. В некоторых случаях кладбища с церковью и без нее различались терминологически: в Житомирской, Черниговской, Брестской, Ровенской областях Полесья, помимо терминов *мо гилки*, *мо гылки*, *мо вилки*, *мо вылки*, *мо вилки*, *мо глица*, *моги лица*, *мо лица*, *кла дбишчэ*, *кладавё* (полес.) (Полесский архив), фиксируется термин *цви нтар*, *цвинта р*, *цви нтер*, *цвента р*, который обозначал либо обыкновенное кладбище, либо кладбище вокруг церкви, а иногда — церковный двор. В некоторых случаях *цвинтар* мог противопоставляться простому кладбищу и быть местом погребения только лиц духовного звания и членов их семей: «Цви нтар [церковный двор, на котором обычно хоронили попа и попадью]. Кэля цэ ркви цви нтар. На цви нтари мо вилки. Дэ цэ ркоў стой ть, тэ ми стья зовуть цви нтар. [В Сарнах на цвинтаре похоронены поп и попадьа. Рядом с цвинтаром кладбище]. Ма тушку на цви нтару похорони лы. На цви нтарэ кла дбишчэ звэ цца. [Сейчас на цвинтаре] всих хоро нять, а колы сь — ба тюшку, ма тушку. [В соседнем же селе Каменном кладбище отдельно от церкви]: цви нтар е, а кла дбишчэ з бо ку, далэ ко. То мо вилки одэ льно у йих» (Полесский архив: Чудель, Сарненский район, Ровенская область).

Субститутом церкви и другим вариантом главного святого локуса кладбища мог быть общий крест, часто воспринимающийся носителями традиционной культуры как центр и начало погоста. Возле него молились и совершали молебны во время массовых посещений кладбища, особенно в весенне-летний период; на него вешали полотенца и фартуки: «Ўот раньшэ у нас на кладбишчэ был адин бальшы крест, самый главный, крест такий быў, так он абгарожэн, высокий, вышэ ўсех, када начинали токо на кладбишчэ людей лажыць. Кроме яго, пака малитву не прачытаеш, таку запаливали лампаду, запаливаеш, ўсе станавились, Богу малились» (Полевые материалы Андрюниной: Новые Самотевичи, Костюковичский район, Могилевская область).

Представления о «святости» кладбища коррелируют с распространенными на исследуемой территории убеждениями в святости предков, лежащих в кладбищенской земле: «Ну, канешна! Гэта ж сьвятое места. Гэта ж нашы там продкі» (бел.) (Лобач, 2013: 403). О могиле говорили: «ета холмик сьвятой» (Полевые материалы Андрюниной: Белая Дуброва, Костюковичский район, Могилевская область). Термин «святой» широко распространен в отношении душ предков, почитаемых родными и поминаемых в предназначенные для этого сроки: «Звычайно называ ють просто поко йныкамы, чы святы е ду шы» (Полесский архив: Спорово, Березовский район, Брестская область); «Дз'еды [деды], родственники, святыя духи, святыя» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область); «На дзеды [домашние календарные поминки] ложаць лишние ложки, бо святыя придуць и будуць йёсць» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область); «На Па ску е Ра дуница, но сяць на мо гилки и гари лку, ка жуць, хай святыя да пьюць. Ка жуць, святыя выла зиюць» (Полесский архив: Жаховичи, Мозырский район, Гомельская область); «У Кра сну субо ту, и у ка жну субо ту, у понэ дилок нэльзя пудбэ лўать [белить печь]. У чэтўэ р стараюцца. Путому что субо та, она назывўа еца пэ рўы дэнь. На тым сўи ти поко йники тоби о чы заллю ть тым поби лом. Это чога -то с тым сўи том лиша ют. Сўаты е тоби о чы заллю ть тым поби лом. [Покойники или святыя? — Покойники, святыя — это одно и то же]» (Полесский архив: Ласицк, Пинский район, Брестская область). Та же терминология относительно

мертвых фиксируется и в заговорной традиции, например: «Маладзі́ к, маладзі́ к, / Ты быў на тым све́ те, / Ты ба́ чиў святы́ х, / Ты баля́ ть у йіх зу́ бы, / Ты шчима́ ть?» (Полесский архив: Золотуха, Калинковичский район, Гомельская область).

Святость кладбища и похороненных на нем предков навязывала живым определенные правила при его посещении, например, при входе на него следовало поздороваться с душами, а одежду на себе иметь чистую и опрятную: «Вот када мы шли, жэншчыны ети гаварят, вот яна гаварит: “Я не переадела спадницу”. А я гаварю: “А чаго”? – “А таго, что, — гаварит, — пакойнікі смотруюць, ў якой адежде ідём, так нада на кладбишчэ чысто адевацца”» (Полевые материалы Андриюниной: Белая Дуброва, Костюковичский район, Могилевская область).

Возможность получить на кладбище помощь и благословение от обитающих на нем своих святых предков также делало его особенным, асиологически положительно выделенным пространством. Широко распространены рассказы о том, что на могилы родственников приходили за решением самых разных житейских проблем: нуждающиеся в совете и больные, отчаявшиеся получить помощь в трудной ситуации и тоскующие по родителям. В любом случае былички рассказывают о скорой и чудодейственной помощи мертвых: «Ну, Валя наша рассказывала. Конь у яе уцек. Малако нада сабираць... Мо трох лавали таго каня. Пришла, каже́, у кладоў, пастаяла, гаварит: “Бра́ тко, ты малады́, памажы, ўстань, мне каня злавіць. Ну, так и ты ж, бацька, што ты ляжыш?” И той, — кажэ́, — конь стаў и стаіць, я падашла, забрала, павяла» (Полевые материалы Андриюниной: Прусы, Стародорожский район, Минская область); «[У одной дочке мать умерла. Пошла она на кладбище, плачет: мать, помоги лен полоть, приходи ко мне. И вот пошла от полоть лён, видит — на другом конце поля мать полет. Звала та дочка потом туда других людей, показывала, что лен выполот]» (Полесский архив: Ветлы, Любешовский район, Волынская область).

На кладбище шли поговорить с умершими родственниками: «Эта ж там вроде пакойнікі выходюць, трэ́ тьга мая <...>. Ну я пашла, мае бацькі тут пахароненны, пашла к своим, к им, пагаворила там з ими» (Полевые материалы Андриюниной: Тераполь, Слуцкий район, Минская область). Старые люди просили ранее умерших забрать их с собой (рус. смол.) (СМЭС, 2: 116). В Белоруссии верили, что тому, кто раньше всех придет на кладбище на Радуницу, родители расскажут, как найти клад (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 106). В Заонежье на кладбище ходили перед разлукой с родными местами, перед всеми крупными событиями жизни, в горе и в радости, т.к. считали, что умершие должны быть в курсе всех событий (Логинов, 1993: 206–207).

Широко распространены поверья, что взятые на кладбище предметы помогают исцелиться: в Белоруссии верили, что земля с могилы знахаря или тезки нуждающегося человека помогает в лечении разных болезней, такое же свойство приписывалось мху с могил (Лобач, 2013: 422–423). «Як зу́ бы болять, [нужно] бра́ ты мох [или] пэсо́ к на кла́ дбышчэ, ў зу́ бы накла́ да ты. Трэ́ ба нэ отзыва́ тыся як туда́ [на кладбище] и дэ́ ш и як на́ за д. Мох трэ́ ба бра́ ты з дэ́рэва нн[ого] кры́ жыка (на́ руб з дэ́рэва, на ё́м мох нара́ста э́ й ё́го́ на зу́б накла́дываюць)» (Полесский архив: Бельск, Кобринский район, Брестская область); «Ўра́сла у ми́нэ гу́ла [жесткая опухоль, нарост] в зде́сь [на запястье] — хо́ды ла́ на кла́ дбишчэ́ к захо́ ду со́ нца... там крэ́сты йе́ поў́а лены, и тим кресто́ м почи́ула [подавила], и прошло» (Полесский архив: Онисковичи, Кобринский район, Брестская область); «Вот с кладбища приносят земля в узялок, только это верующий человек должен взять, и она может и от хвори лечить, и там есть каке-то слова на то, чтоб мужик твой не пил. Вот да, брали, брали. А особенно какой покойник только вот умер, и с той могилки берут» (рус. ульянов.) (Карвалейру, Матлин, 2010: 26). Чтобы обеспечить фертильность домашнего скота, следовало напоить корову специальной травой, растущей только на кладбище: «А як не “погуля́ ё” [останется яловой], у нас хо́дзи́ ли на кла́ дбишчэ́, а там росце́ зе́лень специа́ льная, оно́ ни́где́ не росце́т, то́ лки на кла́ дбишчэ́ — шы́шки называ́ ёцца. Оны́ и цвиту́ ць. И рву́ ць дзе́ вяць штука́ э́ тых шы́шочок на кла́ дбишчэ́ и их па́ раць и ту во́ ду даю́ ць пиць [корове]» (Полесский архив: Велута, Лунинецкий район, Брестская область).

Святость кладбищенской земли и лежащих в ней предков часто была причиной запрета хоронить в ней «заложных» покойников¹, т.к. аксиологический статус таких умерших традиционно расценивался как негативный, они считались нечистыми, опасными и принадлежащими сатане: «Чи пови сицца, чи ўто плянык — э то ўжэ шчита ецца, што смэрць ўжэ сатани нска» (Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровненская область); «Хто пови сывся нэ хова лы на мо гылках, ка жуть шчо до ньо го дья вол прыступы л» (Полесский архив: Забужье, Любомльский район, Волынская область); «А повэ шэного нэльза посэрэди нэ [на кладбище]. То смэрць нэ така я, яка я на да, то пудговоры ла нэчы ста сы ла» (Полесский архив: Ласицк, Пинский район, Брестская область); «Потопленники, ризанники, удавленники — йих жожаць збоку, мисто йим е радом [т.е. рядом с кладбищем] и поп ўже к ним не йде. Як основывалса свет, Бог и чорт делили людзей. Бог не даваў чорту людзей, а чорт каже: “Ты мне дай тых людзей, котры умываюцца, да не ўтираюцца”. А Бог подумаў: То таких богато е, и не даў таких. “Тобе, — каже, — такие людзи, яки ўтопяцца, яки зарижуцца и повисяцца”. То ето йим уделяласа такая доля» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область); «Зна хора не мо но донести до кла дбишча — така тя жесьць. Ка жуць ўсе черты на него се ли» (Полесский архив: Боровое, Рокитновский район, Ровенская область).

Для «нечистых» покойников отводилось специальное место за оградой кладбища, там, где кончалось святое место; либо их могли погребать на границе и окраинных частях погоста (чаще всего для этого избирались углы кладбища, кладбищенский ров, места с внешней или внутренней стороны ограды, имеющие наименее ценный в аксиологическом отношении статус по сравнению с родовыми захоронениями предков). Иногда, по сообщениям информантов, такие места все же семантически включались в сферу кладбища, хотя они уже и не принадлежали священной земле погоста, что четко отражалось в мотивировках: «[Их хоронили] на кладо х, но за платом. Коли сь жёрдками абгаро жывали кладбишчэ, так жожаць збоку» (Полевые материалы Андрюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область); «За cmentarzem, za muram. <...> jak skacinu [bydło] nie mierkujuczy» [За кладбищем, за стеной; как скотину без разбора] (бел.-пол. пограничье) (Straczuk, 2006: 119). В Львовской области висельников хоронили на границе кладбища таким образом, чтобы их ноги выходили за ограду: «би ноги выходили за пліт, а голова на цвинтарі» (Левкович, 2010: 81). По народным представлениям, последствия нарушения запрета хоронить на кладбище «нечистых» покойников могут быть самыми разнообразными, от атмосферных катаклизмов до загадочных смертей в округе (чрезмерное обилие дождей, засуха, сильные ветры, увеличение количества самоубийц в селе и пр.).

О ритуальной и пространственной отделенности «чистых» умерших от «нечистых» также свидетельствуют народные представления о том, что даже похороненных вопреки традиции на общем кладбище «заложных» покойников не принимают на «том свете», а на погосте они причиняют беспокойство всем остальным умершим: «Харо нят ў ку чу, на мо гылках, а на до отде льно: некрэшчо ных детей и ве шальникоў. Нико го не прима ють [на небе]» (Полесский архив: Золотуха, Калинковичский район, Гомельская область); «Ве шальныка за того нэ хова ют [на кладбище], шо вон нэ дае мэ ртвым споко ю, бу дэ ходы т да бу дэ бушова т там [т.е. на том свете]» (Полесский архив: Журба, Овручский район, Житомирская область). В Обонежском крае считали, что «нечистые» покойники на общем кладбище держатся обособленно, «живут своими компаниями» и не могут никогда встретиться с умершими естественной смертью (Логинов, 1993: 166).

Однако, как говорилось выше, границы группы «нечистых» покойников в народном сознании не были жесткими и непроницаемыми, отношение к некоторым представителям этой группы могло варьироваться от «невинный», «нечаянно умерший» до «святой» и «спасенный». При помощи той же логики решался вопрос о допущении того или иного

¹ К «нечистым», а по терминологии Д.К. Зеленина, «заложным» покойникам (Зеленин, 1994) традиционно причисляли утопленников, висельников, самоубийц, некрещеных детей, иноверцев; убитых (в т.ч. громом), ведьм и опойц; в польской традиции еще женщин, умерших от родов, и землемеров, устанавливавших неправильные границы при составлении кадастров сельскохозяйственных земель (о ритуальной и мифологической стороне похорон «заложных» см.: Андрюнина, 2011; Андрюнина, 2014; Andrunina, 2015).

умершего на святую землю кладбища: «Уто́ пленикам було́ прости́тельно, бо нэхто́ нэ зна ў, по свойий во́ли була смэ́рць, чы не» (Полесский архив: Онисковичи, Кобринский район, Брестская область); «няхрышчаных дзяцей хавалі на могілках разам з усімі, бо яны, у адрозненне ад самазабойцаў, ні ў чым не вінаватыя, ніякога грэха не ўчынілі» (Гавораць чарнобыльцы, 1994: 210); «Гру́м у́бье́ чэлове́ка, то́ свято́й чэлове́к. И то, што на войне́ уби́е, то́ жэ́ ему́ прашча́е госпо́д» (Полесский архив: Замошье, Лельчицкий район, Гомельская область); «Што́ гром у́бье́ — на мо́ глицях хоро́ нят, то хоро́ ший чэлове́к, то пра́ведный чэлове́к» (Полесский архив: Замошье, Лельчицкий район, Гомельская область); «Гром у́бье́ и же́нщина от родо́у умре́ — святы́е — э́то на стра́шный суд не ста́не» (Полесский архив: Стодоличи, Лельчицкий район, Гомельская область); «Мо́ глицы открыва́ ют то́ пленником, бо вун свято́й» (Стодоличи, Лельчицкий район, Гомельская область) (Седакова, 1983: 259).

Кладбище — опасное и демоническое место. Как не раз доказывалось ранее, представления о «святом» неизменно включают в себе идею «страшного»; священное, подавляющее своим могуществом и превосходством, вызывает «чувство ужаса» (см.: Otto, 1917; Элиаде, 1994). Эти выводы подтверждаются анализом мифологических представлений, относящихся к кладбищу. Представления о погосте как о «страшном» месте в первую очередь определяются его мифологическим значением как промежуточного пункта между мирами живых и мертвых и места обитания душ самых разных умерших: от предков до «заложных» покойников, иногда также находящихся свой приют на общем кладбище. Кладбище — выделенная из обычного, мирского пространства чужая область, территория мертвых, могущая быть частью мифического потустороннего мира или входом в него, которым пользуются сверхъестественные силы (о кладбище как части потустороннего мира см. Андрунина, 2013).

На кладбище легко встретить призраков умерших: «Едэм ми́мо мо́ гыл. Ви́ жу дви́ дзі вчинкі такэ́ малы́ [50–70 см] в платы́шка х, фартушэ́ чках бэ́ лэньких. Нэ́ бэгу́ т, а по во́здуху волна́ ми подска́ кываю́т. Я ма́ ти ка́ жу на́ йих, а во́ на нэ́ ба́ чит. А то́ и, як до́ конца́ мо́ гыл доби́ гли — йи́ х нэ́ ста́ ло. Яки́ е умыра́ ют, такэ́ и во́ лосы́» (с. Новоселье) (Полесский архив: Олтуш, Малоритский район, Брестская область); «На кла́ дбишчэ́ хто́ иде́ ть, го́ ница́ мертвя́ к, у́ бе́ лам бяжы́ ть» (Полесский архив: Присно, Ветковский район, Гомельская область). Распространены рассказы о встречах на кладбище и возле него с русалками, душами умершей молодежи: «[Нашего деда сестра шла пешком в Камено. Слышит — гомон какой-то, она и подумала: там кто коров пасет. Это было утречком, солнце ещё не взошло. Подходит она к кладбищу, а через изгородь двое детей перепрыгнули, покрутились — и прыгнули обратно. Говорят, то русалки были]» (Полесский архив: Ветлы, Любешовский район, Волынская область); «[Женщинам надо было пройти мимо кладбища днем]. Им трэ́ ба́ итти, а те, руса́ лки, на мо́ гилках лепата́ ют, во́ ны [русалки] на мо́ гилках начи́ тарахте́ лками тарахти́ ть чи́ звонка́ ми, и те́ збежа́ ли» (Полесский архив: Олбин, Козелецкий район, Черниговская область); «Руса́ ўки ко́ лис' бы́ ли, каза́ ли, на Тро́ йцу́ яны́, така́ я́ як де́ ўка́ з до́ ўгимы́ ко́ сымы́, до́ ўти́ волосы́. Ле́ кладо́ ў́ ба́ чат, ле́ кла́ дбищ» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область).

Особенно опасным считалось встретить на кладбище и возле него тень недавно похороненного человека, имеющую вид стоящего столбом тумана, фосфоресцирующего испарения, повторяющего облик человеческой фигуры либо женщины в белом одеянии. Такое явление в Полесье называли: *пар, па́ ра, о́ пар, поспаре́ нье, спарэ́ нье воздуха, па́ ра стоўпо́ м, во́ здух, ветер, тен; сто́ лб, як чэлове́ к; бе́ лый стоўб — як те́ нь; бе́ ла, як те́ нь; толпа́ ды́ ма́ тако́ го поды́ ма́ еца, як туча; фо́ сфор; тле́ э́ над ма́ ги́ лой; о́ гняный сто́ лп* (Полесский архив): «Як захова́ юць на дру́ ги дзе́ нь з мо́ ги́ лы́ толпа́ ды́ ма́ тако́ го поды́ ма́ еца, як туча. Дошла до́ пло́ та, разби́ лась и не ста́ ло. То ка́ жуць — душа́ вы́шла» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область); «Як ты́ хо, [закопа́ ют се́ годня́] и ў́ вэ́ чори́ бу́ дэ́ ш иды́ — бе́ ла, як те́ нь, бу́ дэ́ стоя́ т ра́ дом с то́е ў́ мо́ ги́ лой. Як лю́ ды на́ стои́т. Во́ здух та́ ки́ й» (д. Деревцы) (Полесский архив: Журба, Овручский район, Житомирская область). Такая встреча грозила мгновенной смертью или смертельной болезнью: «Як от умрэ́ чо́лови́ к, то ка́ жу́ть, вы́хо́ дить з ё́го́ така́ па́ ра стоўпо́ м и от стои́ ть над мо́ гилкой. А́ як хто́ идэ́ до́ во́ здух потэ́ чнэ́,

то вонэ́ й ўбы́ ты мо́ жэ, чоловэ́ ка, як на чолови́ ка на́ йдэ» (Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровненская область); «[В полночь, если идешь возле кладбища, можно встретить ходячий столб, который идет навстречу. Убегать от него нельзя – догонит и убьет. Если идти ему навстречу, тоже убьет. Надо “схо́ дить убо́ к”. Тогда этот столб разнесет ветром. И этот ветер потом может отнять у какого-нибудь человека руку, ногу, может залететь в любую хату, “у ко́ жнаю шчэ́ лачку мо́ жа папа́сть”]» (Полесский архив: Оброво, Ивацевичский район, Брестская область); «А иногда бува́ е, шо вот говоря́ ты: нэ́ иди́ ты бли́зко к кла́ дбишч. Да́ жэ сэре́ дь дня тако́ е и́ ли ранэ́ нько, то говоря́ ты, шо это́ воспора́ ецца тело́ это са́ мое кото́ рое зако́ пано и вот воно́ вро́ де, э́ то са́ мое душа́ исхо́ дить, таке́ й па́ р идэ́ ў́ гору, вро́ де чолове́ чэский, вро́ де той вид́ чолове́ ка. И говоря́ ты, што́ е́ сли бы́ это затро́ нул, так оно́ зра́ зу, э́ то са́ мое па́ р, убива́ ет чолове́ ка» (Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровненская область).

В связи с этим кладбище становилось опасным для живых местом, где следовало соблюдать ряд правил и запретов, чтобы уберечься от вредного влияния «зоны смерти». Например, посещать его следовало только в специально отведенное для этого время, в воротах просить у душ разрешения войти, не брать с кладбища просто так никаких предметов и не приносить туда лишних и пр.: «Як идеш на кладбишчэ, каб тебе ничаго не зрабилась, як падойдеш на клады, скланяй голаву, перакрэстися и скажы: “Добры́й день, змарны́я душачки, не ўморны́я, ўсим па́ корны́я, от мяне па́ клон пры́ мице, а мне здра́ овья надели́ це”. И тры́ разы́ пера́ гавары, перакрэстися и нико́ ли табе́ от кладо́ ў ничаго́ не зра́ бицца» (Полевые материалы Андриюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область).

В неурочное время (не в поминальные дни, вечером, ночью, в полдень и пр.) нельзя ходить на кладбище: обитающие там души будут пугать и выгонять нарушителя: «На мо́ глыци́ у по́ удэ́ нь нэ́ ходы́ лы и як со́ нцэ́ за́ йдэ́ – нэ́ мо́ на – мо́ жэ втро́ йты́ сь [что-то показаться]» (Полесский архив: Любязь, Любешовский район, Волынская область); «гаваряць, што́ нельзя́, гаваряць, што́ тада́ пако́ йники́ йим чу́ дяцца, што́ ў́ белам, ўо́ т адна, разга́ вор бы́ ў, пришла́, а там ў́ белам стаи́ ць, ну хто́ памё́ р, пако́ йник» (Полевые материалы Андриюниной: Белая Дуброва, Костюковичский район, Могилевская область); «Ка́ жуць, е́ тако́ ме́ сто, спужа́ е те́ бя ў́ час дня, так жэ́ и ў́ час но́ чи. [А́ потом] ў́ жэ́ таго́ пужа́ йла́ не бу́ де. У нас тут адна́ жэ́ нщина́ шла́ по-с кла́ дбишча́ ў́ канто́ ру де́ ньги́ палуча́ ты, а тут у́ нас калхо́ с пасе́ яў́ жы́ та. И так со́ нцэ́, так видно́́, так хара́ шэ́, и ў́ хо́ дит та́ ки саў́ да т, матро́ с [с] кла́ дбишча́, маладо́ й та́ ки й. <...> Па́ шла́ на то́ ме́ ста – ни́ где́ и ни́ чаго́ нет. Ника́ го́ и не́ чаго́. А е́ та ж што́-та́ тако́́ було́́» (Полесский архив: Золотуха, Калинковичский район, Гомельская область).

Души умерших являются на кладбище в виде вихря и выгоняют неурочных посетителей (рус. смол.) (СМЭС, 2: 88): «Поднялся ветер, даже хрясты, думается, выворачиваются, настолько поднялось всё. Не в указанное время нельзя ходить, особенно в 12 часов — сдаётся всё» (рус. псков.) (Ивлева, 2004: 227). Проходя мимо кладбища в неподходящее время, нельзя было заглядывать в сторону могил и останавливаться, прислушиваться к звукам: «Мне ж хади́ ць поздна́. И что́-та́ вон с дуба́ и на кла́ дбишчэ́ так, а меся́ чно́ бу́ ло: ля́ п, ля́ п, ля́ п, ля́ п, и я́ куды́ по ста́ рана́ м <...> как да́ йду, ду́ маю́ да ма́ гази́ на, так та́ ды у́ жэ́ на кла́ дбишчэ́ па́ гляжу, се́ йчас гла́ дець ня́ буду́, да́ бегла́, а та́ ды у́ жэ́ да кла́ дбишча́: ну́ хто́ ж та́ м ля́ пае́ т, что́ ж та́ кое? Ну́, пришла́, па́ гляде́ ла, нико́ га́ не на́ гледе́ ла, па́ шла́ пра́ мо. Ля́ гла́ спа́ ты, мне́ во́ сне́ сни́ ца, ба́ цька: “Ма́ я да́ чушэ́ чка, ты́ поздна́ хо́ дишь, ни́ ка́ да не́ прислу́ хайса́, хто́ где́ сту́ кае́ ць, хто́ где́ ля́ пае́ ць, ты́ шла́ как сва́ им хо́ дам, так и́ иди́ пра́ мо и не́ огла́ дайся́ да́ жэ́”. Вот а́ но́ что́-та́ е́ сь» (Полевые материалы Андриюниной: Журбин, Костюковичский район, Могилевская область). Иногда наоборот, проходя ночью мимо кладбища, нужно было подать голос, «што́ бы́ родзи́ цели́ почу́ ли́ и не́ пужа́ ли́» (Стодоличчи, Лельчицкий район, Гомельская область) (Седакова, 1983: 259).

Широко распространены представления о том, что все, находящееся на кладбище, принадлежит душам умерших. По этой причине было запрещено собирать там грибы и ягоды, рвать цветы и ломать ветки деревьев, приносить домой какие-либо предметы и остатки поминальной еды: «Всё, что на могилах растёт, — для них, для покойников. <...> Если ты ягоду срываешь — у них вроде как украд. Они являются тебе будут, ругать» (рус.

владим.) (Добровольская, 2010: 27); «Ничего с кладбища нельзя брать, ни цветов, ни пищу какую, ни веток. Вон у нас одна взяла да веников нарвала для бани. А потом, гляди, она вся перегнулась. Я говорю: вот ничего нельзя брать. Здесь мёртвая земля, можно заболеть» (рус. ульянов.) (Карвалейру, Матлин, 2010: 26).

Особые правила поведения следовало соблюдать вблизи находящихся на окраинных частях кладбища могил «заложных» покойников, где могут показываться и пугать прохожих их неприкаянные души, представляющие опасность для живых. Согласно полесской быличке, на кладбище бродит и пугает прохожих душа похороненного там утопленника: «Оды н утопи ўса. <...> А оно там бро дить, брахосты ть [шумит] на тых кла дбишчах <...>. Гдэ там могы ла его . <...> Так на его , на мо глицах брахо стело. Пра мо от вода бро хае. Пра мо як вин брахосте л в э тым о зере, так са мо и там. Пра мо: брах, брах, брах» (Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровненская область). Души некрещеных младенцев плачут и кричат, просят окрестить их: «Иду по кладбищу. Плачуць деци маленькіе. Нэ хрищенныя плачуць, щоб на зву йим дали какую. Надзовэш йих Иван, абы Катя, абы Сэргей – Бог тэбэ щасьцье дае, а они затихнуць» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область). На польско-белорусском пограничье такие места воспринимались как дикие, страшные и опасные для прохожих (Straczuk, 2006: 64); возле них боялись проходить: «Може душа и выходиць, такой вот страхам каким-нибудь, где пахароненныя, и кажуць, пере йдешь, ну да дванаццати ходиць етый страх. В дванаццатц прапел певень – ужэ тада иди куды хочэш. Тебе ужэ страх этый не спужае» (Полевые материалы Андрюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область).

Чтобы откупиться от нечистой силы, способной преследовать пугника, проходящего возле таких захоронений, нужно было кинуть какой-нибудь предмет из кармана в сторону могил самоубийц: «Ну када праходиш лесом и крик [слышишь], ну там сава кричыць <...>. Ну и тады, што ў кармане есць кидали. Мима кладбишча, где самаубийцы, каторыя дабравольна ушли из жызни. <...> ну, у каждага жэ што-та есць, што лежит ў кармане: ци семечки, ци арех, кинул и пашол» (Полевые материалы Андрюниной: Теханичи, Костюковичский район, Могилевская область); «Аткупицца, ат етай, як ана называлась, ти дьявальская ета душа, ти як што <...>. Ну что-нибудь, што было ў кармане у челавека [бросить], можэ канфетка якая, якая капейка можэ, ешчэ што-нибудь. <...> [Если не бросить, проклятая душа прицепится к прохожему]. Ну, ўот я помню разговор быў, можэць, што, я бягу – за мной бягиць, я бягу – за мной хто-та бягиць, хто-та, душа якая-та бягиць» (Полевые материалы Андрюниной: Белая Дуброва, Костюковичский район, Могилевская область); «Дру ги ка юць, як идэш на могилки тай пужа цябе тось такэ , то ка юць, трэ ки нуць шось с себе , ци ху сточку, ци шо» (Полесский архив: Стодоличи, Лельчицкий район, Гомельская область); «Ади н дя дька шоў па кла дбишчу – шо-то сле дом идэ , чэлаве к ме ртвый, бе лый. Взяў с наги сапо г, кинуў яму , йон паку ль грыз – йон атышо ў. Пато м идёт. Йон други й сапо г ки нуў. Ўсу адэ жу паздыва л, паку ль не дашо ў да свуёй ха ты, пато м то лька за квo ртачку [калитку] успе л забэ шч, той, шо шоў – ў двэ ри стукнуўся так, шо ў варо т шу лы затрешча лы» (Полесский архив: Присно, Ветковский район, Гомельская область).

Как показано выше, в народных представлениях кладбище осмысливается как место на границе между этим и потусторонним миром, соответственно, через него в мир людей могут попадать различные потусторонние сущности, с кладбища выходят или появляются на нем представители нечистой силы (черт, оборотень, полуденный бес, огненный змей и пр.): «Касма тый, стра шный, вы шеў с кла дбишча. Ко ни ста ли. Хазя ин сказа л тры ра за: “Христо с васкрес”, и ко ни пашли . Чорт кричи ть: “Дагада ўся, дагадаўся, дагадаўся” – и пабэг на кла дбишче, на адно й назе падпры гнет, на друго й» (Полесский архив: Присно, Ветковский район, Гомельская область); «Сэрэ д но чи ляка е. Йи хала до Ко брина [рассказчица], и ста ла коро ва на доро ги и кюнь назад обэрну ўси, и нэ можно пэрэйи хать – то ни коро ва була. И ста ла [рассказчица] говори ти моли тву, провэлы [коня мимо этой коровы], и кюнь дропону л, а тая коро ва пушла на мо гилки – то нас ляка ло» (Полесский архив: Бельск, Кобринский район, Брестская область); «Есь вуўкола ка. Ба чу ўу лицэю иде – пове рне так голову – све ить, пове рне так – све тить. Иду я. одной рукой держу са за частокол, поба чыла ужэ , што не члове к иде . Коли

ближэ́ й да ближэ́ й, ўо́н ужэ́ повороча́е. Ко́ли сь я гля́ нула – у яго ж хвост меж нога́ ми! Аж йо́н по ца́ лых кла́ дбишчах ходи́ ў, то у одного ўо́дна све́ чка на голове́ гори́ ть, а у е́ того – дьве. То я ужэ́ ба́ чила на свае́ ўочы. [Кто это был?] Ну, вуўко́ла ка́ ишоў» (Полесский архив: Стодоличы, Лельчицкий район, Гомельская область). На кладбище показывается полуденный бес: «Это полу́ денный бес. Пушла́ моя́ ба́ бушка на горо́ д и зайшлы́ на кла́ дбишчэ. Де́ вочка про сы́ть: “Ходи́ м побачы́ть ди́ да”. Побачы́лы и пушлы́ стэ́ жкою. Де́ вочка оглянү́ лася́ и ка́ жэ: “Ба́ бо, дид идэ́ за на́ мы”. А ба́ ба ка́ жэ: “Як бы дид, то, ка́ жэ, руко́ ю маха́ в бы до на́ с”. А вин дава́й маха́ты. Тогди́ йих взеў́ страх и оны́ дава́ й хуче́ й иды́ . Ото́ було́ в полу́ дэнь. Это́ бул полу́ денный бес» (Полесский архив: Олтуш, Малоритский район, Брестская область). В Ровненской области записано редкое поверье об обитании на кладбище огненного змея: «Вида́ ли стары́ люди. Лети́ ть, кры́ лей нима́ , к вдо́ вам, к колдуна́ м прилета́ ли. Ко́ ло колдуна́ на кла́ дбище хорони́ лись под кресто́ м» (Полесский архив: Боровое, Рокитновский район, Ровненская область).

Пограничное положение кладбища между миром жизни и смерти делало его привлекательным местом для колдунов и ведьм; нередки сюжеты о встречах с ними на кладбище, которое было прекрасным местом для наведения порч и другого вредоносного колдовства. «Кали́ сь мой брата́ льник пае́ хал на начле́ г. Еду́ я из начле́ гу, ка́ жэ, даезжа́ ю, ка́ жэ, да мо́ гилок – маи́ ко́ ни на храпом, на храпом. Стрека́ю – жэ́ ншчына́ иде́ – як её наради́ ла ма́ ть, иде́ го́ лая <...>. Да ка́ жэт: “Бра́ тко мой, голу́ бчик мо́ й, ўо́т иду́ я, иду́ , мне́ так пало́ жэно, я обяза́ тельна́ далжна́ ити́ . Я научи́ лась, уме́ ю [колдовать], мне́ на́ да аяза́ тельна́ ити́ , я ни на каго́ ни йду́ , я пайду́ на ду́ бку, на карге́ завею́ [сделаю́ залом – порчу] – засо́ хне, да и усё́, пайду́ на ле́ с”. Ана́ заку́ рить лес, той́ иссо́ хне» (Полесский архив: Ручаевка, Лоевский район, Гомельская область); «У на́ с бы́ ла кла́ дбищи, а яго́ те́ сьць о́ кала́ жы́ л. Шо́ л ат няво́ . А кусо́ к кла́ дбищи прихва́ тываи́ ть сте́ шка. Он иде́ ть, а яму́ яви́ лась жо́ лтая саба́ чька. Он с не́ й буро́ вился да полсве́ та. А питушки́ закрича́ ли, ана́ исче́ зла. Ве́ дьма бы́ ла» (Полесский архив: Доброводье, Севский район, Брянская область).

Опасные, «нечистые» свойства кладбищенской земли и предметов широко использовались в обрядах вредоносной магии. С их помощью наводили порчу, песок с могилы колдуны «вара́ ть на зло́ » (Спорово, Березовский район, Брестская область) (Седакова, 1983: 253). Чтобы отправить на тот свет врагов и злоумышленников, в могилу бросали или закапывали песок из следа человека: «Пяску́ во гроб ло́ жаць со сле́ да того́ , на кого́ сярдзи́ ты – ура́ к [порча] того́ ўро́ дзе» (Полесский архив: Махновичи, Мозырский район, Гомельская область); «След из живо́ го во́ зьме́ и несе́ и зако́ пывает, где мертве́ ц: ё́н умре́ , и тот помре́ . Зна́ хор, коўду́ н – чела́ ве́ к заболе́ ет» (Полесский архив: Золотуха, Калинковичский район, Гомельская область). Для той же цели на похоронах в гроб подкладывали фотографию недруга: «А вот ё́сь харо́нюць, картачку паложу́ць, есьли́ на тебе́ зло, ў́ гроб; пака́ та картачка не сгни́е, буде́ мучы́цца» (Полевые материалы Андруниной: Новые Сомотевичи, Костюковичский район, Могилевская область). В Польше туда могли класть также пепел и уголь с пожарища, желая смерти поджигателя (пол.) (Fischer, 1921: 185).

4. Заключение

Как видно из приведенного материала, в традиционной культуре кладбище осмыслялось как святое место из-за присутствия в нем атрибутов религиозной святости и захоронения чтимых предков, именуемых в народной традиции «святыми». С другой стороны, кладбище было также точкой соприкосновения потустороннего мира с миром людей, локусом сверхъестественных существ и явлений, местом захоронения «нечистых» и опасных покойников, могущих после смерти стать демоническими персонажами. Являясь территорией смерти в мире живых, кладбище и предметы с него могли негативно влиять на окружающее пространство и людей, что требовало особой осторожности при контакте с этим местом и предметами с него; с другой стороны, кладбищенские предметы использовались для лечения. Таким образом, в представлениях носителей традиционной культуры кладбище оказывается амбивалентным, святым, связанным с религиозным культом

и почитанием предков местом, владением смерти, потусторонним, страшным, принадлежащим демонам и потому опасным локусом, выделенным из всех окружающих пространств.

Святость кладбищ, как и многих других культовых комплексов, складывается из разных, иногда противоположных, а иногда накладывающихся друг на друга и взаимно перекрывающих представлений о святости. *Религиозная святость*, связанная с атрибутами православия и осмысляемая в его традициях, вводит понятие греха при нарушении установленных норм («[Висельников на кладбище не хоронят. Но иногда обманывают священника, говорят, что человек умер сам. Это – большой грех, который падает и на детей обманщика]» (Полесский архив: Спорово, Березовский район, Брестская область)); запрещает хоронить на кладбище некрещеных детей и других «заложных» покойников, находящихся вне юрисдикции церкви, которых другие покойники не принимают к себе («По зно жэншчына чэраз кла дбишче шла и слышыт – на лу ляце, на вярэваце, як на рэли калышуть: “Лу лячка, лу лячка, калышы нас ве льми. А мы де тачки нехри шчаны, то нас не принима ют хри шчаны”» (Полесский архив: Присно, Ветковский район, Гомельская область)); предварительно освящает землю, предназначенную под погост, поэтому женщине, имеющей месячные, запрещено ходить на кладбище и в церковь: «До це ркви не пи де, ме сто то свещёное. Колы сь ба тюшка не разрешал шоб на кла дбище таки жи нка ходила» (Полесский архив: Ветлы, Любешовский район, Волынская область).

Святость, несущая в себе *дохристианские* черты, именует предков рода «святыми», надеется на их помощь и заступничество в мирских делах, образуя культ мертвых. «Ну, гэ то ужэ поко йныкам святы лы вэ рбу, са дят на кла дбишчэ. [Зачем?] – Нэха й она , посвя тэна, так нэха й ужэ коло святы х ро стэ, на мо глицах» (с. Лопатин) (Полесский архив: Ласицк, Пинский район, Брестская область). Иногда такая номинация умерших прямо мотивировалась тем, что они лежат в земле, которая наделалась в народном сознании атрибутами святости и не допускала в себя ничего «нечистого»: «Они счыта юца святы е, мёртвые. То мёртвые, бо вони посвэ тэны, ў зэмлі » (Полесский архив: Ласицк, Пинский район, Брестская область). О святости «матери сырой-земли» многократно писали исследователи (см. напр.: Зеленин, 1994: 266–267). Полесский материал подтверждает наличие и сохранность этих мифологических представлений. Например, чтобы обезопасить себя от вихря, следовало прибегнуть к защите матери-земли: «Як ба чышь ви хор, то крэсти сь и па дай до землі , на свя ту зе млю; свя та, ка же, мать-земля тебе укро е» (записано в 1984 г.) (Полесский архив: Нобель, Заречнянский район, Ровненская область). В Польше также верили, что святая земля не принимает похороненных на кладбище нечестных землемеров — они вынуждены скитаться по свету, пока не найдут то место, где при жизни неверно установили границы, и только там укладываются на покой (Fischer, 1921: 367).

Святостью того же качества народная культура наделяет также некоторых птиц, пчел, ряд растений, например, лен: «Гово рять, шо лён святы й, э то когда -то так говоры ли: лён святы й. Вин цвйтёт, в его сы ний-сы ний цвит. Гово рать, шчо че рти в лён нэ пойду ть з вы храми» (Полесский архив: Нобель, Заречнянский район, Ровненская область); «Это Бо жьи варабе й – ла стачка. Нельзя ла стачек убива ть. И никто их не есть – бу дьто-бы ла стачки – светы е. Як убьёш ла стачку – бу дьто-бы пажа р бу де. Гнезды не разара ють. И яи чки не беру ть. Боя цца – гре шно, наказа ние бу де. Шоб пажа ра не буўо » (Полесский архив: Грабовка, Гомельский район, Гомельская область); «Ка жуть шчо душа , вона як го лубь пта шка, то святы й з чэрво нымы нога мы» (Полесский архив: Забужье, Любомльский район, Волынская область); «О пчелах ра ныше нэ гавари ли “падо хли”, ра ньчэ то льки “умэ рли” – пчо лы бы ли святы е» (Полесский архив: Хоробичи, Городнянский район, Черниговская область).

Семантическое поле «святого» также включает в себе идею *смерти*, что отражено в «святой» номинации умерших, в восприятии кладбищ как святых мест, находит свое подтверждение в практике сакрализации «забудущих родителей», «странных святых», чей культ характерен для севернорусских областей (напр., Новгородчины) (см.: Панченко, 2012). Такие культы характеризуются почти полным отсутствием информации о жизни усопшего, удивительным обретением тела (гробы оказываются на поверхности земли, их приносит река и пр.) и чудесами (равно как и наказаниями при нарушении обрядовых норм),

происходящими от него. Можно сказать, что главным свершением такого святого и главной чертой культа является сама смерть персонажа, причем такая, которую народное сознание скорее определило бы как нечистую, а самого покойника как опасного «заложного». Например, Иоанн и Иаков Менюшские — убийство и случайное самоубийство, Иаков Боровицкий и Артемий Веркольский убиты громом¹, Кирилл Вельский и Иоанн Яренгский — утопленники, Афанасий Наволоцкий — умер в дороге от болезни и лежал непогребенным, Василий Мангазейский — умер под пытками по навету и пр. (см.: [Панченко, 2012](#)).

Помимо идеи смерти, можно также говорить о включенности в категорию святости идеи *чудесного*, сверхъестественного, что также отражено в представлениях о волшебной помощи святых родителей своим потомкам на кладбище, чудесами и исцелениями от «необычных святых», в почитании которых смерть с последующим чудотворением была основополагающим фактом для начала формирования локального культа. О том, что «смерти» приписываются целительные свойства, выраженные в ее способности «останавливать», «умертвлять» болезнь, свидетельствуют такие приемы народной медицины, как например: «Заговор от зубной боли: по́йде на кладби́ще [и скажи, взявши́сь за крест]: “Як хрест неме́й, так шоб и зу́ бы заняме́ ли”. Падыржа́лася за хрест да и пашла́» ([Полесский архив: Присно, Ветковский район, Гомельская область](#)).

Через идею чудесного, сверхъестественного, потустороннего между собой оказываются связанными противоположные понятия «святого» и «демонического», «нечистого». В данном случае «святое» и «страшное» являются разными оценочными полюсами одного и того же семантического поля, в целом характеризующегося как потустороннее, мистическое (святость ← потустороннее явление → нечистота). Это подводит нас к важной черте, характерной для восприятия святого в культуре, — его амбивалентности, наличия возможности толкования одних и тех же фактов в одном случае как нечистых, как проявления демонических сил, в другом — как святых божественных сил. Например: «[Кто такой Иуда?] — Я слы́ха ла, он то́же свято́й» ([Архив лаборатории фольклористики РГГУ: Тихманьга, Каргопольский район, Архангельская область](#)); «Осина — прокля́тая дереви́на, все листики дрожат [и когда ветра нет]. Вроде, каких-то святых на осине убивали» ([Архив лаборатории фольклористики РГГУ: Тихманьга, Каргопольский район, Архангельская область](#)). Такие амбивалентные представления ярко проявляются в рассказах о встречах со сверхъестественным: «А мой муж второ́й з го́рода ишо́ л, с це́ркиви. Идѣ́т напро́тив кла́дби́шча. И сиды́ть же́ ншчы́на на доро́ги, ў жы́ту, на мэ́жэ́. Он говори́т: “До́брый вэ́чэр”, — а она́: “Тэ́бэ́ до́брый, а мне́ недо́брый”, — и че́шэт во́лосы. Та́ки во́лосы, ка́жэ, дли́нные, роспу́шчэны. И он ка́жэ: “А отку́да ты?” И сказа́ла вона́ — с тако́й дере́вни, што́ нигде́́ здесь не́ту. А пото́м зашуме́ло-зашуме́ло, закрути́ло ви́хрэм — и она́ исче́зла. То, зна́чить, нечи́стый бы́ў» ([Полесский архив: Заболотье, Брестский район, Брестская область](#)); «Шла́ же́ншчы́на на поезд. А ето́ была́ осе́нью, поздна́ ужо́ была́. И ана́ иде́ ока́ла кла́дби́шч. И види́т: раз! На доро́ге большу́шчая и́кона Бо́жьей Матери́. И голас: “Цалу́й!” И ана́ перакрэ́стилася, и всё́ прапало́-исчезло́. Проста́ пугае́. Проста́ нечы́стая пугае́. Ани́ могу́т что́ угодна́ паказа́ць» ([Полевые материалы Андрюниной: Старые Дороги, Стародорожский район, Минская область](#)).

Связь между демоническим и святым могла осуществляться с помощью изменения негативного аксиологического статуса какого-либо места через приложение к нему «святых» топонимов и/или освящение этого локуса посредством атрибутов религии: нечистый, опасный локус → «святой» топоним, постройка крестов, часовни и пр. → освоение, безопасность пространства (см. напр.: [Щепанская, 1995](#)). Таким образом, нечистые и опасные места вводились в хозяйственный оборот, бывающие там люди оказывались защищенными от действия демонических сил посредством религиозных символов. Такая практика часто встречается в материалах с Русского севера, например: «Вот за рекой на

¹ Смерть от удара молнии расценивалась в народной культуре противоречиво: наряду с восприятием таких умерших как «святых» и «спасенных» («Кого́ гро́м убье́ и хто́ на Па́ску умре́, то светы́ и лю́ди» ([Полесский архив: Великая Весь, Репкинский район, Черниговская область](#))), находится не меньше фактов, говорящих об их «нечистоте» и «проклятости», что в свою очередь основано на мифологических представлениях о том, что гром поражает спрятавшихся чертей: «Кажу́ть, Бог покара́л его́» ([Полесский архив: Замошье, Лельчицкий район, Гомельская область](#)).

Щелье на этой <...> много тонуло народу. И вот сделана была часовенка, и поставлен был крест. Поставлена она была для охранения Пинежья. Внутри был хороший крест. Потом его сбросили, и опять стал тонуть народ» (Кеврола, Пинежский район, Архангельская область) (Калуцков, 2008: 148–149); скала *Святой Нос* — «там все карбаса бились, бесово место. Крест поставили — бат, пронесет» (Кимжа, Мезенский район, Архангельская область), ручей *Святой Порог* — «там опасный порог, страшный, вот и Святой» (Шола, Белозерский район, Вологодская область), озеро *Святное* — «там дно провалилось, черти живут» (Чарозеро, Кирилловский район, Вологодская область), *Святное* озеро — страшное, «говорят, лешачиха живет» (Кочинок, Котласский район, Архангельская область) (Березович, 2000: 228). Подобные приемы фиксировались и в Полесье: в селе Нобель записан рассказ о том, что тело утопленника захоронили в Пинске, а на берегу озера, в котором он утопился, поставили крест: «Там душе выходить да ужэ на крыжу садить. Усэ шось гука е у вэчор. У ночи. У о́зере» (Полесский архив: Нобель, Заречнянский район, Ровненская область). Таким же образом поступали с иноэтническими святынями для их освоения в качестве уже собственных святых мест (см. напр.: Калуцков, 2008: 146–147).

Еще одним вариантом изменения статуса пространства было его аксиологическое освоение, характерное для традиционной культуры. Ценностная разметка территорий предполагала придание пространству особой структуры, посредством чего было возможно выделить освоенную, безопасную часть мира и разграничить ее с потенциально опасными землями. Освоенные пространства оказывались мировым центром, который тут же получал сакральный статус. Далее от него расходились концентрические круги более или менее обжитых территорий, характеризовавшиеся нарастанием признака неосвоенности, размытости, деструктурированности и опасности при движении к периферии. Дальние окраины освоенных человеческим сообществом земель осмыслялись как владения нечистой силы (ср.: «в доме люди живут, на просторе черти гуляют» (вологод.) (ЭМТЭ)). Та же структура «сакрального» (центр) и «нечистого» (периферия) проявляется и в аксиологическом портрете кладбища: в ряде случаев оно имеет выраженный «святой» центральный локус — церковь, общий крест, поделенную на родовые захоронения «среднюю» часть и окраинную зону возле ограды либо сразу за ней, характеризующуюся резким понижением аксиологической ценности данного места, в котором традиционно хоронили «нечистых» покойников.

С точки зрения традиционной культуры, кладбище сосредотачивает в себе ряд признаков, наделяющих данный локус значением «сверхъестественного», реализующегося одновременно в областях «страшного» и «святого», в народной идее которого тесно сходятся и переплетаются семантические поля «страшное», «божественное», «чудо», «смерть», «связь с религиозным культом», «центр» и «граница». Эти же амбивалентные значения подтверждаются данными языка: латинское слово *sacer* означает «посвященный, предназначенный, священный, святой, внушающий благоговейное уважение, великий, обреченный подземным богам, то есть преданный проклятию, проклятый, гнусный, магический, таинственный» (Дворецкий, 1976: 891).

Литература

Архив лаборатории фольклористики РГГУ — Архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета, рукопись, Москва.

Андрюнина, 2011 — Андрюнина М.А. «Заложные» покойники — локусы тела и локусы души // Славянский и балканский фольклор. Виноградье. К юбилею Л.Н. Виноградовой / ред. О.В. Белова, А.В. Гура, С.М. Толстая, М.: Индрик, 2011. С. 99–108.

Андрюнина, 2013 — Андрюнина М.А. «Посольство» иного мира на земле — символика кладбища в народной культуре // *Славяноведение*. 2013. № 6. С. 43–51.

Андрюнина, 2014 — Андрюнина М.А. Места захоронений — «хорошие» и «плохие» (по материалам Полесского архива) // *Традиционная культура*. 2014. № 2(54). С. 123–133.

Березович, 2000 — Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2000. 529 с.

Березович, 2002 — *Березович Е.Л.* Демонический топос в призме русской народной языковой традиции // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2002. С. 103–127.

Гавораць чарнобыльцы, 1994 — Гавораць чарнобыльцы (з мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі). Мінск: ЦНБ АН РБ, 1994. 210 с.

Дворецкий, 1976 — Латинско-русский словарь под ред. И.Х. Дворецкого. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

Добровольская 2010 — *Добровольская В.Е.* «От мертвых с погосту гостинца не носят...» // *Живая старина*. 2010. № 1. С. 27–30.

Зеленин, 1994 — *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. 400 с.

Ивлева, 2004 — Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л.М. Ивлевой / сост., подгот. текстов и справ. аппарат В.Д. Кен. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 438 с.

Калуцков, 2008 — *Калуцков В.* Святые места в культурном ландшафте Пинежья // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей / отв. ред. О.В. Белова. М.: Сэфэр, 2008. С. 145–154.

Карвалейру, Матлин 2010 — *Карвалейру А.М., Матлин М.Г.* Современные кладбища Ульяновской области // *Живая старина*. 2010. № 1. С. 23–26.

Левкиевская, 2009 — *Левкиевская Е.Е.* Сакральный // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 534–538.

Левкович, 2010 — *Левкович Н.* Народна демонологія Бойківщини (Турківський р-н Львівської області) // *Міфологія і фольклор* [Загальноукраїнський науково-освітній журнал]. 2010. № 1(5). С. 71–87.

Лобач, 2013 — *Лобач У.А.* Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве. Мінск: Тэхналогія, 2013. 510 с.

Логинов, 1993 — *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 228 с.

Панченко, 2012 — *Панченко А.А.* Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 442 с.

Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986 — Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А.С. Фядосик. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 614 с.

Полевые материалы Андрюниной — Полевые материалы Андрюниной М.А., рукопись, Москва.

Полесский архив — Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.

Седакова, 1983 — *Седакова О.А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда // *Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования*. М.: Наука, 1983. С. 246–262.

СМЭС, 1 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни / отв. ред. О.А. Пашина. М.: Индрик, 2003. 753 с.

СМЭС, 2 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. 548 с.

Топоров, 1987 — *Топоров В.Н.* Об одном архаическом индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре *svęť- // *Языки культуры и проблемы переводимости*. М.: Наука, 1987. С. 184–252.

Щепанская, 1995 — *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // *Русский Север: К проблеме локальных групп*. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 110–176.

Элиаде, 1994 — *Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с фр., предисловие и комментарии Н.К. Гарбовского. М.: Издательство Московского университета, 1994. 143 с.

ЭМТЭ — Картотека фольклорных и этнографических материалов ТЭ УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ), рукопись, Екатеринбург.

- [Andrunina, 2015](#) – *Andrunina M.A.* Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements // *Русская старина*. 2015. Т. 16. №4. С. 232–241.
- [Durkheim, 1912](#) – *Durkheim E.* Les Formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie. Paris: Librairie Félix Alcan, 1912. 647 p.
- [Fischer, 1921](#) – *Fischer A.* Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. 439 s.
- [OLD](#) – Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.
- [Otto, 1917](#) – *Otto R.* Das Heilige. Breslau: Trewendt & Granier, 1917. 192 s.
- [Straczuk, 2006](#) – *Straczuk J.* Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006. 266 s.

References

- [Arkhiv laboratorii fol'kloristiki RGGU](#) – Arkhiv laboratorii fol'kloristiki RGGU [Archive of folkloristic laboratory of the Russian State University for the Humanities], manuscript, Moscow.
- [Andryunina, 2011](#) – *Andryunina M.A.* (2011). “Zalozhnye” pokoiniki – lokusy tela i lokusy dushi [“Cursed” dead – the places for body the places for soul] // *Slavyanskii i balkanskii fol'klor*. Vinograd'e. K yubileyu L.N. Vinogradovoi [Slavic and Balkan Folklore. Anniversary of L.N. Vinogradova] / Ed. by O.V. Belova, A.V. Gura, S.M. Tolstaya. Moscow: Indrik. 2011, pp. 99–108 [in Russian]
- [Andryunina, 2013](#) – *Andryunina M.A.* (2013) “Posol'stvo” inogo mira na zemle – simbolika kladbishcha v narodnoi kul'ture [“Embassy” of the other world on earth – the symbolism of cemetery in traditional culture] // *Slavyanovedeniye*. № 6, pp. 43–51. [in Russian]
- [Andryunina, 2014](#) – *Andryunina M.A.* (2014). Mesta zakhoronenii – “khoroshie” i “plokhie” (po materialam Polesskogo arkhiva) [The places of burial – “good” ones and “bad” ones (on the data from Polesye archive)] // *Traditsionnaya kul'tura*. № 2(54), pp. 123–133. [in Russian]
- [Berezovich, 2000](#) – *Berezovich E.L.* (2000). Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte [Ethnolinguistic aspect of Russian toponymy]. Yekaterinburg: Ural University Publishers. 529 p. [in Russian]
- [Berezovich, 2002](#) – *Berezovich E.L.* (2002). Demonicheskii topos v prizme russkoi narodnoi yazykovoi traditsii [Demonic topos in focus of folk Russian language tradition] // *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [Cultural sign landscape] / Ed. by S.M. Tolstaya. Moscow: Indrik, pp. 103–127. [in Russian]
- [Gavorats charnobylytsy, 1994](#) – Gavorats Gavorats' charnobyly'tsy (z myastsovykh gavorak charnobyly'skai zony ũ Belarusi) [Chernobyl's folk is saying (something from local dialects of Chernobyl zone in Belorussia)]. Minsk: CSL AS BR, 1994, 210 p. [in Belorussian]
- [Dvoret'skiy, 1976](#) – *Latinsko-russkii slovar' pod red. I.Kh. Dvoret'skogo* [Latin-Russian dictionary ed. by I.C. Dvoret'ski]. 2nd revised and completed edition. Moscow: Russkiy yazyk. 1976, 1096 p. [in Russian]
- [Dobrovolskaya, 2010](#) – *Dobrovolskaya V.E.* (2010). “Ot mertvykh s pogostu gostintsa ne nosyat...” [“There is no bringing gifts from dead and cemetery...”] // *Zhivaya starina*. № 1, pp. 27–30. [in Russian]
- [Zelenin, 1994](#) – *Zelenin D.K.* (1994). Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoi kul'ture 1901–1913 [Selected works. Papers on spiritual culture 1901-1913] Moscow: Indrik, 400 p. [in Russian]
- [Ivleva, 2004](#) – *Predstavleniya vostochnykh slavyan o nechistoi sile i kontaktakh s nei* [Eastern Slavic beliefs of demonic powers and contacts with them]. The data from field and archive collection of L.M. Ivleva / Comp., preparing of texts and explanatory notes by V.D. Ken. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2004, 438 p. [in Russian]
- [Kalut'skov, 2008](#) – *Kalut'skov V.* (2008). Svyatyie mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya [Sacred places in cultural landscape of Pinegye] // *Sakral'naya geografiya v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Sacred geography in Slavic and Jewish cultural tradition]. Collection of papers / ed. O.V. Belova. Moscow: Sefer, pp. 145–154. [in Russian]
- [Karvaleyru, Matlin, 2010](#) – *Karvaleyru A.M., Matlin M.G.* (2010). Sovremennye kladbishcha Ulyanovskoi oblasti [Contemporary graveyards of Ulyanovsk province] // *Zhivaya starina*. № 1, pp. 23–26. [in Russian]
- [Levkiyevskaya, 2009](#) – *Levkiyevskaya E.E.* (2009). Sakral'nyi [The Sacred] // *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] / gen. ed. by

N.I. Tolstoy. Vol. 4. P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, pp. 534–538. [in Russian]

Levkovich, 2010 – *Levkovich N.* (2010). Narodna demonologiya Boikivshchiny (Turkivs'kii r-n L'vivs'koï oblasti) [Folk demonology of Boyko Region (Turka region of Lviv province)] // *Mifologiya i folklor* [All-Ukrainian scientific and educational magazine]. № 1(5), pp. 71–87. [in Ukrainian]

Lobach, 2013 – *Lobach U.A.* (2013). Mif. Prastora. Chalavek: tradytsyiny kul'turny landshaft belarusaŭ u semiyatychnai perspektyve [Myth. Space. Man: Belorussian traditional cultural landscape in semantic perspective]. Minsk: Tekhnalogiya, 510 p. [in Belorussian]

Loginov, 1993 – *Loginov K.K.* (1993). Semeinye obryady i verovaniya russkikh Zaonezh'ya. [Family customs and beliefs of Russians in Zaonezhyie region]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS, 228 p. [in Russian]

Panchenko, 2012 – *Panchenko A.A.* (2012). Ivan i Yakov – neobychnye svyatye iz bolotistoi mestnosti: “Krest'yanskaya agiologiya” i religioznye praktiki v Rossii Novogo vremeni [Ivan and Jacob – strange saints from swamp region. “Peasant agiology” and religious practices in new time Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 442 p. [in Russian]

Pakhavanni. Paminki. Galashenni, 1986 – *Pakhavanni. Paminki. Galashenni* [Funeral. Remembrance. Keens] / chief ed. A.S. Fyadosik. Minsk: Navuka i tekhnika, 1986, 614 p. [in Belorussian]

Polevye materialy Andryuninoi – Polevye materialy Andryuninoi M.A. [Field data of Andrunina M.A.], manuscript, Moscow.

Polesskii arkhiv – Polesskii arkhiv sektora etnolingvistiki i fol'klora Instituta slavyanovedeniya RAN [Archive of Polesye data of Department of ethnolinguistic and folklore of Institute of Slavic Studies of RAS], manuscript, Moscow.

Sedakova, 1983 – *Sedakova O.A.* (1983). Materialy k opisaniyu polesskogo pogrebal'nogo obryada [Data for description of Polesye funeral ritual] // *Polesskii etnolingvisticheskiy sbornik: Materialy i issledovaniya* [Polesye ethnolinguistic collection: Data and researches]. Moscow: Nauka, pp. 246–262. [in Russian]

SMES, 1 – Smolenskii muzykal'no-etnograficheskii sbornik [Musical-ethnographical collection of Smolensk]. Vol. 1. Kalendarnyye obryady i pesni [Calendar rites and songs] / Ed. O.A. Pashina. Moscow: Indrik, 2003, 753 p. [in Russian]

SMES, 2 – Smolenskii muzykal'no-etnograficheskii sbornik [Musical-ethnographical collection of Smolensk]. Vol. 2. Pokhoronnyy obryad. Plachi i pominalnyye stikhi [Funeral rite. Keens and remembrance poetry] / Ed. O.A. Pashina, M.A. Engovatova. Moscow: Indrik, 2003, 548 p. [in Russian]

Toporov, 1987 – *Toporov V.N.* (1987). Ob odnom arkhaiskom indoevropeskom elemente v drevnerusskoi dukhovnoi kul'ture *svet- [On one archaic Indo-European element in ancient Russian spiritual culture *svet] // *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [The languages of culture and the translation problems]. Moscow: Nauka, pp. 184–252 [in Russian]

Shchepanskaya, 1995 – *Shchepanskaya T.B.* (1995). Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoeniya prostranstva) [The crisis net (traditions of spiritual exploration of space)] // *Russkii Sever: K probleme lokalnykh grupp* [The Russian North. On the problem of local groups]. St. Petersburg: MAE RAS, pp. 110–176. [in Russian]

Eliade, 1994 – *Eliade M.* (1994). Svyashchennoe i mirskoe [The sacred and profanum]. Translate from French, foreword and commentaries by N.K. Garbovsky. Moscow: Moscow University Publishers, 143 p. [in Russian]

EMTE – Kartoteka fol'klornykh i etnograficheskikh materialov TE UrGU (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrGU) [Archive of folklore and ethnographic materials TE UrSU (department of Russian language and general linguistics)], manuscript, Yekaterinburg.

Andrunina, 2015 – *Andrunina M.A.* (2015). Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements // *Russkaya starina*. Vol. 16. №4, pp. 232–241. [in Russian]

Durkheim, 1912 – *Durkheim E.* (1912). Les Formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie [Elemental forms of religious life. Totemic system in Australia] Paris: Librairie Félix Alcan, 647 p. [in French]

Fischer, 1921 – Fischer A. (1921). Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego [Funerary customs of the Polish people]. Lviv: National Institute Ossoliński, 439 p. [in Polish]

OLD – Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968, 2126 p. [in English]

Otto, 1917 – Otto R. (1917). Das Heilige [The Sacred]. Breslau: Trewendt & Granier, 192 p. [in German]

Straczuk, 2006 – Straczuk J. (2006). Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi [The cemetery and the table. Orthodox-Catholic boundary in Poland and in Belorussia]. Wrocław: Scientific Publisher of the Nicolaus Copernicus University, 266 p. [in Polish]

Амбивалентность сакрального в славянской традиционной культуре: кладбище как «святое» и «страшное» место

Мария Александровна Андриянина ^{a, *}

^a Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена народному представлению о сакральном в славянской культуре: основным формирующим его компонентам и их отношениям между собой на примере связанных с кладбищем мифологических представлений и практикуемых там обрядов. В работе использован собранный на территории Полесья и в его окрестностях материал. Народные представления о кладбище как о святом месте диктуются наличием на нем храмов и крестов; культом похороненных на земле погоста «святых» умерших предков, к которым живые потомки обращаются за помощью и неизменно ее получают; недопущением на кладбища всего, традиционно воспринимаемого как «нечистое», в первую очередь не подлежащих юрисдикции церкви «заложных» покойников, недостойных лежать в освященной земле рядом с благочестивыми христианами. С другой стороны, кладбище является местом, находящимся на границе между миром живых и миром усопших, где можно встретить как призраков умерших, так и всевозможных демонов, что требовало от людей особой осторожности при посещении кладбищ. Например, в воротах следовало поздороваться мертвыми, посещать могилы только днем, нельзя забирать с собой никаких предметов и пр. Положение кладбища на границе между мирами делало его излюбленным местом посещения для ведьм и колдунов, локусом наведения всевозможных порч; с другой стороны, «мертвящая» сила смерти и помощь предков помогала при лечении множества болезней. Представленный в статье материал показывает, что в славянских народных представлениях о святом сочетаются христианские и дохристианские воззрения; идеи «сверхъестественного», «смерти», «чудесного» и «ужасного». Отношения между двумя разными полюсами понятия «сверхъестественное» — «демоническим» и «святым» — формируются в том числе посредством сакрализации нечистых локусов с помощью помещения в них культовых символов и таким образом изменением аксиологического статуса этих мест с отрицательного на положительный, а также путем символического освоения пространства, которое предполагает освящение центральной точки и проведение границ, отделяющих святое от остальных «профанных», диких, нечистых, демонических и потому опасных территорий. Подобная структура святого места отражена и в аксиологическом портрете кладбища: оно имеет центральный святой локус (церковь, общий крест), вокруг которого располагаются захоронения чтимых предков, периферийную территорию, в которой погребены недостойные и «нечистые» покойники, границу, отделяющую могильник от остальных земель.

Ключевые слова: святой, нечистый, кладбище, призрак, умершие, предки, традиционная культура, запреты, славянский, погребение, поминание, демонология, этнолингвистика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mary-andr@mail.ru (М.А. Андриянина)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(2): 218-228

DOI: 10.13187/rs.2018.2.218
www.ejournal15.com

Proverbs and Sayings about the Great Patriotic War, Recorded by F.V. Tumilevich

Tatyana E. Grevtsova ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the collection of personal documents of the Tumilevich family there is a manuscript with proverbs and sayings about the Great Patriotic War written by the Don folklorist F.V. Tumilevich. This article discusses the sources and characteristics of these paremias, as well as the chronological and territorial framework of their existence. During this period, the replenishment of military proverbs and sayings occurred in two ways. First, the old russian paremian fund became actual: traditional russian proverbs and sayings were revived, their text was reworked to reflect the new historical realities, new expressions were created following the patterns of the old ones. Secondly, there was an active interaction of the folk creative process and various forms of the book culture. Various forms of the soviet propaganda (posters, TASS windows, inscriptions on postcards, calendars, etc.) had a significant influence on the emergence of the paremias about the Great Patriotic War.

Keywords: proverb, saying, Great Patriotic War, personal archive, F.V. Tumilevich, agitation, folklore.

1. Введение

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. произошел значительный всплеск народного творчества, который подкреплялся различными формами советской пропаганды, художественной литературой и существующей фольклорной традицией. Н.И. Бондарь говорит о насыщенности знаково-символического поля Великой Отечественной войны и о том, что в его формировании использовались запоминающиеся и понятные символы, во многом связанные с традиционными и даже архетипическими представлениями (Бондарь, 2015: 8–9). Фольклористы-фронтовики достаточно подробно описали живое бытование различных поэтических и прозаических жанров во время войны. Большое внимание они уделяли пословицам и поговоркам. Так, А.М. Жигулев отмечал, что меткие выражения бытовали на фронте с первых дней войны (Жигулев, 1948: 51). Это был активный творческий процесс: паремии возникали в большом количестве, многие из них быстро забывались, но часть из них сохранилась, как писал П.Ф. Лебедев, «благодаря счастливой случайности» (Лебедев, 1962: 8).

Интерес представляют не только форма и содержание произведений массового творчества советского времени, но и особенности работы над ними профессиональных

* Corresponding author
 E-mail addresses: tanyar_2@mail.ru (T.E. Grevtsova)

фольклористов (обстоятельства записи и обработки, роль личных предпочтений и взглядов собирателя и т.д.). В этом смысле неопределимую роль играют личные коллекции документов ученых, проливающие свет на эти процессы.

2. Материалы и методы

В Южном научном центре Российской академии наук (ЮНЦ РАН) хранится научный архив семьи донских фольклористов Федора Викторовича Тумилевича и Тамары Ивановны Тумилевич, посвятивших значительную часть своей жизни собиранию произведений устного народного творчества донских казаков и казаков-некрасовцев. В этой коллекции документов имеется рукопись пословиц и поговорок о Великой Отечественной войне, собранных Ф.В. Тумилевичем, без атрибуции места фиксации и информанта, с указанием лишь годов записи (с 1942 по 1946 гг.), которая содержит около 350 единиц (*Рукопись, б.г.*). Эта рукопись интересна и ценна тем, что известно не так много собраний пословиц и поговорок на тему войны 1941–1945 гг. Наиболее крупным изданием стал сборник, составленный П.Ф. Лебедевым (*Лебедев, 1962*). Паремии о Великой Отечественной войне входили и в другие издания русских пословиц и поговорок и произведений массового творчества советского периода (*Шахнович, 1945; За край свой насмерть стой, 1974; Сидельников, 1977* и др.). Целью данного исследования стал анализ хронологических и географических рамок записи материала из рукописи Ф.В. Тумилевича, определение его источников и характерных черт.

3. Обсуждение и результаты

Возле каждой паремии в документе Ф.В. Тумилевич в скобках указывал год записи, что помогает определить хронологические рамки бытования данного материала. В рукопись включены несколько пословиц на темы труда, колхозов, партии и ее заветов, которые были записаны собирателем до и после Великой Отечественной войны (отмечены 1930, 1935, 1938, 1939, 1959 гг.). Это свидетельствует о том, что интерес Федора Викторовича к советским паремиям возник задолго до начала войны и даже до организаций первых экспедиций под его руководством по сбору фольклорного материала (первая такая экспедиция состоялась в 1938 г.) (*Отчет, 2017: 100*). В 1930 г., которым датированы две пословицы, будущий фольклорист еще проходил обучение в Самарском государственном педагогическом институте (*Автобиография, 1955*). Позже в 1950–1960-х гг. в методических указаниях для студентов по сбору материала в экспедициях Ф.В. Тумилевич указывал на необходимость записи советского фольклора, в том числе пословиц и поговорок. Фиксация паремий о Великой Отечественной войне была начата им еще в 1941 г. Таким образом, хронологические рамки материала, представленного в документе, можно очертить гораздо шире, чем обозначено фольклористом: 1930–1959 гг. Временные границы пословиц о Великой Отечественной войне ограничены 1941–1945 гг., поскольку 1946 г., указанный на титульном листе, не отмечен ни для одной паремии. Большая часть из них зафиксирована в 1942 и 1943 гг.

Трудно точно очертить и территорию бытования пословиц и поговорок, собранных Ф.В. Тумилевичем, поскольку эта информация в рукописи отсутствует, а многие из них встречаются и в других сборниках советских паремий. Обозначим некоторые биографические сведения о Федоре Викторовиче в период с 1941 по 1945 гг., которые могут пролить свет на обстоятельства сбора данного материала. В 1941–1942 гг. фольклорист находился в Ростове-на-Дону, по-видимому, совмещая преподавательские должности в Ростовском государственном педагогическом институте и Ростовском государственном университете. С 1942 по 1944 гг. Ф.В. Тумилевич вместе с университетом находился в эвакуации в городе Ош Киргизской ССР (*Автобиография, 1955; Как университет увозили от фашистов, 2018*). После возвращения в Ростов-на-Дону уже в 1944 г. Федор Викторович организует экспедицию к казакам-некрасовцам в Приморско-Ахтарский район Краснодарского края. Еще две экспедиции к этой группе казаков были проведены в 1945 г. (*Отчет, 2017: 100*). Полевые дневники записей данных экспедиций в коллекции, хранящейся в ЮНЦ РАН, отсутствуют, однако в обработанных материалах экспедиций тех лет нигде не упоминается о собранных фольклористами советских пословицах и поговорках. Для сравнения – в них встречаются отрывочные сведения о традиционных паремиях

казаков-некрасовцев, а также о фольклоре о Великой Отечественной войне, который был затем издан Ф.В. Тумилевичем в двух сборниках: «Меч правды. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне» (1945) и «Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне» (1947). Поэтому напрашивается вывод о том, что Федор Викторович, интересуясь современными фольклорными формами, прежде всего просоветскими, записывал услышанные пословицы и поговорки не в экспедиционных, а в городских условиях (в Ростове-на-Дону и в эвакуации в Киргизской ССР).

Следует отметить, что во время Великой Отечественной войны возможности для записи военных пословиц, поговорок и крылатых выражений были широкими. Фольклористы-фронтовики отмечали массовое распространение паремий на фронте в этот период. Меткие и запоминающиеся выражения становились средством убеждения в речах командиров и политработников, на страницах газет, плакатов, листовок. Оставленные в самых разных местах надписи (на бутылках с горючей смесью, транспарантах, танках, стенах зданий) выражали чувства простых солдат (Жигулев, 1948; Пушкарев, 1995). В тылу хлесткие речевые обороты появлялись в печати, на плакатах, открытках, в отрывных календарях, переписывались и передавались устно. Чуткий к любым проявлениям фольклорности, Ф.В. Тумилевич, по-видимому, фиксировал услышанные или прочитанные пословицы, поговорки и устойчивые выражения в черновом виде, а затем систематизировал их по темам и переписал в тетрадь, сохранившуюся в собрании его документов.

Принцип распределения материала в рукописи – тематический. Собирателем разделены представленные в рукописи паремии на категории, которые дают предварительную содержательную характеристику этого собрания: «О советском Доне», «Военные», «О Родине», «О врагах родины (немцах)», «О Сталинграде – Москве – Ленинграде», «О Вождях», «О Партизанах». Еще два раздела «О труде» и «О колхозах» содержат несколько паремий на другие темы. Также исследователем записаны две загадки о Великой Отечественной войне: «Не солнце, а сияет, не мина, а врага уничтожает (Советский штык)»; «Что самое поганое из всего, что начинается на букву Г (Гитлер)»¹.

Основными темами собранных в документе пословиц и поговорок о Великой Отечественной войне становились отвага и смелость советских солдат, партизан и казаков, уверенность в победе Красной армии и русского оружия, прославление воинского подвига, труд в тылу, любовь к родине, сатира на врага. Рукопись Ф.В. Тумилевича свидетельствует о том, что во время Великой Отечественной войны возрождались и получали новый смысл старые пословицы о храбрости и воинском долге: «За правое дело – стой смело», «Смелый приступ – половина победы», «Умирай в поле, а не в яме», «Не стой за волосок, так бороды не будет», «Сам погибай, а товарища выручай» и др. (Даль, 1879, т. 1: 320; Русские пословицы и поговорки, 1988: 222, 279, 288).

Как и другие тексты советского времени, пословицы и поговорки о Великой Отечественной войне активно использовали «инвентарь традиционного фольклора» (Богданов, 2009: 17). Они появлялись за счет дополнения текста старой паремии: «Язык до Киева, а штык до Берлина доведет», «Видно птицу по полету, а фашистских стервятников по разбойничьим повадкам», «Был конь, да изъездился; была у немцев армия – да истоцилась». В новых выражениях происходило переосмысление русских пословиц и поговорок: «С миру по нитке – фашисту веревка», «Советская смелость – города берет», «На воре и немецкая шапка горит», «Пуганный немец – куста боится», «Геббельс лает, радио носит», «Месяц – партизанское солнышко», «Кому Дон – тих, а немцу он – лих» (из пословицы «Кому Дон тих, а кому – лих»). Такой «переделке» подвергались не обязательно традиционные изречения о войне, но и выражения на другие темы. Переосмысление доходило вплоть до отрицания изначального смысла: «Красноармеец – один в поле воин», «Все яйца в одно лукошко, все пули в одну цель». Основной паремией о Великой Отечественной войне становились не только народные пословицы и поговорки, но и выражения литературного происхождения: «Видит Москву фашистское око, да зуб неймет», «Дым отечества лучше, чем огонь на чужбине», «Остался бандит Бенито у разбитого корыта».

¹ Орфография и пунктуация автора рукописи, включая использование строчных и прописных букв, сохранены.

Новые паремии о войне создавались по образцам старых: «Самолеты бить – не рыбу удить», «Не тот зенитчик, что стреляет, а тот, что вражьи самолеты сбивает». Такие пословицы и поговорки сохраняют композиционные приемы и средства создания художественной образности русской паремии. Запоминаемость достигается за счет рифм, определенной ритмической организации с элементами силлабо-тонической системы стиха, ассонанса и аллитерации («Хороший стрелок – всей роте впрок», «Снайперский счет немца сечет»). Наглядность и художественную выразительность им придают традиционные для русских пословиц и поговорок образные средства: метафора («Горше немецкой чумы ничего не видали мы»), развернутое сравнение («Страшен волку капкан, а немцу партизан»), метонимия («Где гвардейское ура – там немцев гора»), синекдоха («Пришел немец – выворачивай карманы»), олицетворение («Сталинград – Ленинграду брат»), антитеза («Зенитчиком быть – не по воробьям бить»), ирония («В брюхе у фрица – солома да водица»), приемы тавтологии («Немцев за Прут – казаки прут»), употребление собственных имен («У снайпера Тараса не без запаса»). Созвучность новых пословиц о войне с известными русскими паремиями приводила к их запоминаемости и, следовательно, массовому распространению.

Другим значимым источником устойчивых выражений на военную тематику стали различные формы советской пропаганды: газетные и журнальные статьи, открытки, плакаты, календари. Емкие, общепонятные, зачастую рифмованные плакатные лозунги, подкрепленные запоминающимся изображением, становились крылатыми. В рукопись Ф.В. Тумилевича вошли и такие языковые конструкции: «Наши клещи – немецких хлеще» (1943) (плакат «Советские клещи немецких хлеще», Б.Н. Ефимов, 1942); «К Москве хох, от Москвы ох» (1941) (плакат «На Москву! Хох! От Москвы: ох!», В.Н. Дени, 1941–1942 (Рисунок 1)) (Плакаты войны и победы, 2005: 65, 66).

Рис. 1. Плакат «На Москву! Хох! От Москвы: ох!» (худ. В.Н. Дени, 1941–1942 гг.) (Плакаты войны и победы, 2005: 66)

Тексты некоторых советских плакатов перекликаются с выражениями о войне, записанными Ф.В. Тумилевичем. Так, слова плаката «Чего Гитлер хочет и что он получит»

(М. Черемных, 1941) о том, что Гитлер «хочет землю усеять гробами», «хочет свободных сделать рабами» (Рисунок 2), могли повлиять на возникновение выражения «Гитлер украшает землю гробами – свободных делает рабами» (1941). Известный плакат Кукрыниксов «Бьемся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева» (1941) созвучен с поговоркой «На то мы внуки Суворова, чтобы бить фашиста здорово» (1943) (вариант «На то мы и внуки Суворова – чтобы сражаться здорово» (1943)) (Плакаты войны и победы, 2005: 11, 14).

Рис. 2. Плакат «Чего Гитлер хочет и что он получит» (худ. М. Черемных, Окно ТАСС № 5, 1941 г.) (Плакаты войны и победы, 2005: 14)

Наиболее популярные надписи плакатов появлялись и в других собраниях пословиц и поговорок о Великой Отечественной войне. Так, в сборники военных пословиц и поговорок М.И. Шахновича включены многие из приведенных паремий, а также выражения «Всё для фронта, всё для победы» (плакат «Всё для фронта, всё для победы», Л.М. Лисицкий, 1942) «Чем крепче тыл, тем крепче фронт» (плакат «Чем крепче тыл – тем крепче фронт! Женщины, изучайте производство, заменяйте рабочих, ушедших на фронт!», О. Эйгес, 1941), «Врет как сивый Геббельс» (Окно ТАСС «Геббельс врет как сивый мерин»

В. Гальба, 1941). (Плакаты войны и победы, 2005: 68; Советские плакаты, 2018; Шахнович, 1945: 108, 136).

Источниками пополнения пословиц и поговорок на тему войны становились также открытки и бланки полевых писем. Например, на бланке письма полевой почты была помещена надпись «Казак на запад держит путь, казак не хочет отдохнуть!», источником которой стала строфа из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» «Казак на север держит путь, казак не хочет отдохнуть» (Письмо, 2018). В рукописи Ф.В. Тумилевича, а также в сборнике военных пословиц и поговорок М. Шахновича она выглядит так: «Казак не хочет отдохнуть, казак на запад держит путь» (Шахнович, 1945: 119). На почтовых карточках военного времени, посвященных празднику 1 Мая, размещали лозунг «Наша великая сила – в братстве фронта и тыла» (Пантюхин, 2009: 169). В собрании Ф.В. Тумилевича и других публикациях военных паремий отмечен его вариант «Великая сила – братство фронта и тыла» (Шахнович, 1945: 137, За край свой насмерть стой, 1974). Текст сатирической открытки «Наполеону было холодно в России, а Гитлеру будет жарко!» (Ляндрес, 1941), уменьшенной копии одного из первых плакатов Великой Отечественной войны, который был создан 30 июня 1941 г. (Гдалин, Иванова, 2009: 17) (Рисунок 3), в рукописи Ф.В. Тумилевича звучит «В России французам было холодно, а немцу будет жарко».

Рис. 3. Открытка «Наполеону было холодно в России, а Гитлеру будет жарко!» (худ. Э. Ляндрес, 1941 г.) (Гдалин, Иванова, 2009: 17)

На каламбуре, основанном на противопоставлении немецкого и русского языков, построено выражение «У фашистов дело швах – получили блицкрах», которое отсылает к публицистике военного времени. «Блиц криг» или «блиц крах» – название статьи советского писателя и журналиста Алексея Николаевича Толстого в газете «Правда» № 194, от 15 июля 1941 г. Заметка была посвящена подписанию советско-английского соглашения о совместных действиях против Германии и ее союзников 12 июля 1941 г., что послужило началом формирования антигитлеровской коалиции. Статья оканчивается словами: «Союз Англии с Советским Союзом означает, что Гитлер вместе с национал-социализмом будет уничтожен и выметен в мусорную яму истории. Нацистская Германия начала “блиц криг”, эта война кончится для нее “блиц крахом”» (Толстой, 1941).

В рукопись Ф.В. Тумилевича помещено большое количество выражений, которые имеют больше сходства с советскими агитационными текстами, чем с традиционными русскими паремиями («Эшелон под уклон, паровоз под откос», «Поможем фронту трудом и рублем», «За слезы матерей – немца убей», «Хочешь счастья для рабочих и крестьян – иди в отряды партизан» и др.). Для большинства их пока не удалось обнаружить связей с конкретными источниками, хотя варианты некоторых из них зафиксированы в других сборниках и, следовательно, они были распространены (За край свой насмерть стой, 1974; Лебедев, 1962: 71; Шахнович, 1945: 127, 128). Это может быть обусловлено, с одной стороны, особыми обстоятельствами их бытования (суровой военной действительностью, слабой сохранностью фронтовых газет, стремительностью «рождения» и «смерти» пословиц и поговорок), а с другой – использованием готовых речевых клише, которые «витали в воздухе», для создания новых устойчивых выражений.

Рис. 4. Карикатура «Продукт механизированного фрицеводства» (худ. Б. Ефимов, 1942 г.) (Карикатуры, 2018)

Представляется, что взаимодействие форм советской агитации и народного творчества было сложнее, чем просто заимствование текстов. По-видимому, какие-то выражения, существовавшие в то время в народной среде, могли становиться источником вдохновения для авторов плакатов. Например, на карикатуре Б. Ефимова «Продукт механизированного фрицеводства» (1942) (Рисунок 4), намекающей на «промывание мозгов» в германских войсках, под сатирическим изображением немецкого солдата помещены слова «автомат с автоматом», (Карикатуры, 2018). Пословица «Немецкий солдат – автомат с автоматом» была записана Ф.В. Тумилевичем в 1941 г., т.е. раньше появления карикатуры. Она также вошла в сборник военных паремий М.И. Шахновича (Шахнович, 1945: 109).

Пословицы «Свято выполни присягу, – назад не отступай ни шагу!» «Не теряй отвагу, – в бою назад ни шагу» (обе датированы фольклористом 1941 г.) вызывают ассоциации с приказом Наркома обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», больше известном как «Ни шагу назад!», хотя были записаны до его выхода. Этот лозунг поддерживается пословицей «С Советской земли – хоть умри, а не сходи» (1941), отсылающей к сборнику пословиц и поговорок В.И. Даля («С родной (родительской) земли – умри, не сходи!») (Даль, 1879, т. 1: 403). В 1942 г. Ф.В. Тумилевичем записана пословица «Стоять насмерть до конца – таков наказ бойца», на появление которой мог оказать влияние приказ № 227.

4. Заключение

Итак, не претендуя на исчерпывающую информацию о происхождении и территории бытования каждого из записанных Ф.В. Тумилевичем выражений, мы очертили лишь основные особенности, источники и пути развития паремий о Великой Отечественной войне. В это время пополнение пословиц и поговорок о войне происходило двумя путями. Во-первых, актуализировался старый русский паремийный фонд: возрождались традиционные русские пословицы и поговорки, их текст подвергался переработке с учетом новых исторических реалий, новые выражения создавались по образцам старых. Во-вторых, происходило активное взаимодействие народного творческого процесса и различных форм книжной культуры, в первую очередь пропагандистских. Думается, что взаимовлияние советской пропаганды и произведений массовой культуры – тема, которая заслуживает отдельного исследования.

Записанные Ф.В. Тумилевичем пословицы и поговорки обладают отдельными признаками фольклорности: вариативностью, традицией бытования в народе. При этом у них отсутствует такое важное свойство традиционных паремий, как универсальность, т.е. способность применяться в различных ситуациях. Хотя многие из данных выражений обнаруживают сходство с традиционными «образцами» в использовании композиционных приемов и художественных средств, тем не менее, их стиль ближе к языку советской пропаганды, чем к народному. Как и многие другие паремии о конкретных исторических событиях (например, «Петр со славой дрался под Полтавой», «Бонапарту не до пляски, растерял свои подвязки», «Отогрелся в Москве, да замерз на Березине» (Даль, 1979, т. 1: 43; Шахнович, 1945: 70–71)), после окончания Великой Отечественной войны они потеряли свою актуальность и ушли из активного паремиологического запаса русского народа.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г. «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации», № госрегистрации проекта АААА-А16-116012610049-3.

Литература

Автобиография, 1955 – Автобиография Ф.В. Тумилевича. Рукопись. 3 с. Хранится в ЮНЦ РАН.

Богданов, 2009 – Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: НЛО, 2009. 368 с.

Бондарь, 2015 – Бондарь Н.И. Антропология конфликта и мира: три символа Великой Отечественной войны // Антропология конфликта и мира: Великая Отечественная война в

исторической памяти и культуре народов юга России: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред., сост. О.В. Матвеев, А.И. Зудин. Краснодар: Книга, 2015. С. 6–15.

Гдалин, Иванова, 2009 – *Гдалин А.Д., Иванова М.Р.* Оружием сатиры // *Художественный журнал «ЖУК»*. 2009. №02–03 (21–22). С. 14–23.

Даль, 1879 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.–СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. Т. I. LXIII. 685 с. Т. 2. VI. 638 с.

Жигулев, 1948 – *Жигулев А.М.* Пословицы на фронте // *Советская этнография*. 1948. № 3. С. 50–55.

За край свой насмерть стой, 1974 – За край свой насмерть стой. Сборник пословиц и поговорок / сост. А.М. Жигулев, Н.П. Кузнецов. М.: Воениздат, 1974. 304 с. URL: <https://www.rulit.me/books/za-kraj-svoj-nasmert-stoj-posloviy-i-pogovorki-narodov-sssr-read-121234-61.html> (дата обращения: 04.10.2018).

Как университет увозили от фашистов, 2018 – Как университет увозили от фашистов // Официальный сайт Института математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета. URL: <http://www.math.rsu.ru/history/greatpatrioticwar/rescueuniversity.html> (дата обращения: 05.10.2018).

Карикатуры, 2018 – Карикатуры времен ВОВ. Борис Ефимов // Сайт «Антикварная графика». URL: http://agitplakat.blogspot.com/2012/11/blog-post_8.html (дата обращения: 11.10.2018).

Лебедев, 1962 – Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны / сост. П.Ф. Лебедев. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1962. 208 с.

Отчет, 2017 – *Власкина Н.А., Власкина Т.Ю., Гревцова Т.Е.* Экспедиционные материалы архива семьи Тумилевич и их содержательная характеристика // Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации: отчет о НИР (промежуточный) / Южный научный центр РАН; рук. Кринко Е.Ф. Ростов н/Д, 2017. С. 96–115. № ГР АААА-А16-116012610049-3.

Пантюхин, 2009 – *Пантюхин В.* Почтовые карточки Великой Отечественной войны. Издания 1941–1945 гг.: иллюстрированный каталог односторонних почтовых карточек СССР. М.: Деловой ритм, 2009. 160 с.

Письмо, 2018 – Казак на запад держит путь, казак не хочет отдохнуть! (фронтовое письмо-открытка). [Электронный ресурс]. URL: http://www.antik1941.ru/new_catalog/?mode=descr&item_id=29466 (дата обращения: 09.10.2018).

Плакаты войны и победы, 2005 – Плакаты войны и победы. 1941–1945. М.: Контакт-культура, 2005. 240 с.

Пушкарев, 1995 – *Пушкарев Л.Н.* По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М.: ИРИ РАН, 1995. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=265> (дата обращения: 10.10.2018).

Рукопись, б.г. – Пословицы и поговорки периода Великой Отечественной войны, собранные Ф.В. Тумилевичем. Рукопись. [Б.г.]. Хранится в ЮНЦ РАН.

Русские пословицы и поговорки, 1988 – Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.

Сидельников, 1977 – *Сидельников В.М.* Советский фольклор. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1977. 176 с.

Советские плакаты, 2018 – Советские плакаты (1917–1991). URL: <http://sovietposters.ru/> (дата обращения: 10.01.2018).

Толстой, 1941 – *Толстой А.Н.* «Блиц криг» или «блиц крах» // *Правда*. №194. 15 июля 1941 г.

Шахнович, 1945 – Военные пословицы русского народа. Сборник пословиц и крылатых слов / сост. М. Шахнович. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1945. 148 с.

References

Avtobiografiya, 1955 – *Avtobiografiya F.V. Tumilevicha* [Autobiography of F.V. Tumilevich]. Manuscript. 3 p. Stored in SSC RAS [in Russian]

Bogdanov, 2009 – *Bogdanov K.A.* (2009). Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetsoi kul'tury [Vox populi: Folklore genres of the Soviet culture]. Moscow: NLO. 368 p. [in Russian]

Bondar', 2015 – *Bondar' N.I.* (2015). Antropologiya konflikta i mira: tri simvola Velikoi Otechestvennoi voiny [Anthropology of Conflict and Peace: the three symbols of the Great Patriotic War] // Antropologiya konflikta i mira: Velikaya Otechestvennaya voina v istoricheskoi pamyati i kul'ture narodov yuga Rossii [Anthropology of Conflict and Peace: The Great Patriotic War in the historical memory and culture of the peoples of the South of Russia]. Materials of III All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. by O.V. Matveev, A.I. Zudin. Krasnodar: Kniga. pp. 6–15. [in Russian]

Gdalin, Ivanova, 2009 – *Gdalin A.D., Ivanova M.R.* (2009). Oruzhiem satiry [By the arms of satire] // *Art magazine «ZhUK»*. № 02–03 (21–22). pp. 14–23 [in Russian]

Dal', 1879 – *Dal' V.I.* (1879). Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russians]. Vols. I–II. Moscow; Saint-Petersburg: Edition of bookseller and printer M.O. Vol'f. Vol. I. LXIII. 685 p. Vol. 2. VI. 638 p. [in Russian]

Zhigulev, 1948 – *Zhigulev A.M.* (1948). Poslovitsy na fronte [Proverbs at the front] // *Sovetskaya etnografiya*. № 3. pp. 50–55 [in Russian]

Za kraj svoi nasmert' stoi, 1974 – *Za kraj svoi nasmert' stoi. Sbornik poslovits i pogovorok* [For your land fight to the bitter end. Collection of proverbs and sayings] / Comp. A.M. Zhigulev, N.P. Kuznetsov. Moscow: Voenizdat, 1974. 304 p. URL: <https://www.rulit.me/books/za-kraj-svojnasmert-stoj-poslovicy-i-pogovorki-narodov-sssr-read-121234-61.html> (accessed on: October 4, 2018) [in Russian].

Kak universitet uvozili ot fashistov, 2018 – *Kak universitet uvozili ot fashistov* [How the university were taken away from the fascists] // Ofitsial'nyi sait Instituta matematiki, mekhaniki i komp'yuternykh nauk Yuzhnogo federal'nogo universiteta [Official website of the Institute for Mathematics, Mechanics, and Computer Science in the name of the Southern Federal University]. [Electronic resource]. URL: <http://www.math.rsu.ru/history/greatpatrioticwar/rescueuniversity.html> (accessed on: October 5, 2018) [in Russian]

Karikatury, 2018 – *Karikatury vremen VOV. Boris Efimov* [Caricatures of the WWII. Boris Efimov] // Website “Antikvarnaya grafika”. URL: http://agitplakat.blogspot.com/2012/11/blog-post_8.html (accessed on: October 11, 2018) [in Russian]

Lebedev, 1962 – *Poslovitsy i pogovorki Velikoi Otechestvennoi voiny* [Proverbs and sayings of the Great Patriotic War] / Comp. P.F. Lebedev. M.: Military Publishing House of the Ministry of Defence of the USSR, 1962. 208 p. [in Russian]

Otchet, 2017 – *Vlaskina N.A., Vlaskina T.Yu., Grevtsova T.E.* (2017). Ekspeditsionnye materialy arkhiva sem'i Tumilevich i ikh sodержatel'naya kharakteristika [Expeditionary materials of the archive of family Tumilevich and its' content characteristics] // *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Yuga Rossii v usloviyakh modernizatsii* [Historical and cultural heritage of the peoples of the South of Russia in the conditions of modernization]. Research report (intermediate) / Southern Scientific Centre of RAS; Coordinator Krinko E.F. Rostov-on-Don. pp. 96–115. № GR AAAA-A16-116012610049-3 [in Russian]

Pantyukhin, 2009 – *Pantyukhin V.* (2009). Pochtovye kartochki Velikoi Otechestvennoi voiny. Izdaniya 1941–1945 gg.: illyustrirovannyi katalog odnostoronnikh pochtovykh kartochek SSSR [Postcards of the Great Patriotic War. Editions of 1941–1945: Illustrated catalog of the unilateral postal cards of the USSR]. Moscow: Delovoi ritm. 160 p. [in Russian]

Pis'mo, 2018 – *Kazak na zapad derzhit put', kazak ne khochet otdokhnut'!* (frontovoe pis'mo-otkrytka) [Cossack is making his way west, Cossack doesn't want to relax! (Frontline letter-card)]. URL: http://www.antik1941.ru/new_catalog/?mode=descr&item_id=29466 (accessed on: October 9, 2018) [in Russian]

Plakaty voiny i pobedy, 2005 – *Plakaty voiny i pobedy. 1941–1945* [Posters of War and Victory. 1941–1945]. Moscow: Kontakt-kul'tura, 2005. 240 p. [in Russian].

Pushkarev, 1995 – *Pushkarev L.N.* (1995). Po dorogam voiny. Vospominaniya fol'klorista-frontovika [On the road of war. Memories of front-line folklorist]. Moscow: IRH RAS. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=265> (accessed on: October 10, 2018) [in Russian]

[Rukopis', b.g.](#) – Poslovitsy i pogovorki perioda Velikoi Otechestvennoi voiny, sobrannye F.V. Tumilevichem [Proverbs and sayings of the Great Patriotic War collected by F.V. Tumilevich]. Manuscript. [S.a.]. Stored in SSC RAS [in Russian]

[Russkie poslovitsy i pogovorki, 1988](#) – Russkie poslovitsy i pogovorki [Russian proverbs and sayings]. Ed. by V.P. Anikin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 431 p. [in Russian]

[Sidel'nikov, 1977](#) – *Sidel'nikov V.M.* (1977). Sovetskii fol'klor [Soviet folklore]. Rostov-on-Don: Rostov university publishing. 176 p. [in Russian]

[Sovetskie plakaty, 2018](#) – Sovetskie plakaty (1917–1991) [Soviet posters (1917–1991)]. URL: <http://sovietposters.ru/> (accessed on: October 10, 2018) [in Russian]

[Tolstoi, 1941](#) – *Tolstoi A.N.* (1941). “Blits krig” ili “blits krakh” [“Blitzkrieg” or “blitz-crash”] // *Pravda*. №194. July 15 [in Russian]

[Shakhnovich, 1945](#) – Voennye poslovitsy russkogo naroda. Sbornik poslovits i krylatykh slov [Military proverbs of Russians. Collection of proverbs and catch phrases] / comp. M. Shakhnovich. Leningrad: Leningrad newspaper and magazine and book publishing, 1945. 148 p. [in Russian]

Пословицы и поговорки о Великой Отечественной войне, записанные Ф.В. Тумилевичем

Татьяна Евгеньевна Гревцова ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В коллекции личных документов семьи Тумилевич имеется рукопись, пословиц и поговорок о Великой Отечественной войне донского фольклориста Ф.В. Тумилевича. В данной статье рассматриваются источники и особенности этих паремий, а также хронологические и территориальные рамки их бытования. В этот период пополнение военных пословиц и поговорок происходило двумя путями. Во-первых, актуализировался старый русский паремийный фонд: возрождались традиционные русские пословицы и поговорки, их текст подвергался переработке с учетом новых исторических реалий, новые выражения создавались по образцам старых. Во-вторых, происходило активное взаимодействие народного творческого процесса и различных форм книжной культуры. Значительное влияние на возникновение паремий о Великой Отечественной войне оказали различные формы советской пропаганды (плакаты, окна ТАСС, надписи на открытках, в календарях и т.п.).

Ключевые слова: пословица, поговорка, Великая Отечественная война, личный архив, Ф.В. Тумилевич, агитация, фольклор.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tanyar_2@mail.ru (Т.Е. Гревцова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(2): 229-241

DOI: 10.13187/rs.2018.2.229
www.ejournal15.com

Portraits

Zakhariy Petrovich Valaev – Correspondent of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III: Reconstruction of Family History

Anastasia V. Gazdanova ^{a, *}

^a Russian Museum of Ethnography, Russian Federation

Abstract

It is about almost nothing is known about Zakhariy Petrovich Valaev, the correspondent of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III (EO RM) in 1906–1907. This article attempts to reconstruct his biography and his family history. The fact that at the time of cooperation with the EO RM he was a student of the Moscow Imperial Technical School, we know from the correspondence of Z.P. Valaev with the keeper of EO K.A. Inostrantsev. It is preserved in the Archives of the Russian Museum of Ethnography. From this texts we know about Z.P. Valaev, as a collector of ethnographic objects of Ossetians, Kabardians and Balkarians for the acquisition of EO RM funds. The clarification of the biography of Z.P. Valaev is impossible apart from considering the history of his family and its closest associates. Therefore, the presented article discusses the life ways of his parents, brothers and sisters.

Keywords: Valaev, Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III, collection of the REM, Ossetians.

1. Введение

С середины XIX в. в академическом сообществе возникла идея создания центрального публичного этнографического музея. В 1895 г. был создан Русский музей императора Александра III. В его состав вошел Этнографический отдел (официальное название – Отдел этнографии Российской империи, славян и сопредельных стран) (Разгон, 1961: 255), который начал свою работу в 1902 г.

Основной целью Этнографического отдела Русского музея (далее – ЭО РМ) стало формирование фондов для характеристики «духовного и материального быта всех племен и народов, населяющих Россию и сопредельные с нею стран, связанных с нашим отечеством племенными и культурными отношениями» (Разгон, 1961: 255–256). Учредителями ЭО РМ была подготовлена и издана в 1902 г. «Программа собирания этнографического материала» (Программа для собирания этнографических предметов, 1902) ориентированная на желающих помочь в комплектовании музейного собрания.

* Corresponding author
 E-mail addresses: nastyagazdan@gmail.com (A.V. Gazdanova)

Для достижения основной цели в задачи сотрудников ЭО РМ, помимо экспедиционных выездов, входило налаживание связей с представителями администрации на местах и поиск собирателей из среды местной интеллигенции. Хранителем ЭО РМ К.А. Иностранцевым было предпринято две экспедиции – в 1902 г. на Южный, а в 1904 г. на Северный Кавказ (в Чечню, Дагестан), результатами которых стали не только пополнение собрания музея, но и установление нужных контактов (Васильева, 1992: 43–45). В 1903 г. в ЭО РМ поступили первые кавказские материалы от местных собирателей, однако предметов, характеризующих быт осетин, среди них не было. В Осетию в 1904 г. для этой цели был командирован неизвестный студент, однако ему не удалось выполнить поручение (Переписка со студентом Валаевым: Л. 8).

В ноябре 1905 г. на имя хранителя ЭО РМ пришло письмо от студента, осетина-казака Захария Петровича Валаева с предложением помощи по сбору этнографических предметов у народов Северного Кавказа. «Милостивый государь, Константин Александрович! Слышал от товарищей, получивших от Вас командировки, что Музей Александра III пополняет этнографический отдел. Имея достаточно свободного времени, я предлагаю свои услуги по закупке предметов – с программой я знаком. Думаю быть более полезным тем, что принадлежу к местным жителям Кавказа. Могу взять на себя один или два из следующих районов: 1) Дигория (Дигорское ущелье); 2) Ира (Алагирское ущелье, Куртатинское и Саниба); 3) Кабарда (Большая и Малая); 4) Балкария. Знание языка в двух первых районах и знакомства в двух вторых дает мне возможность удовлетворительно исполнить работу. Р.С. Рекомендует меня окончивший курс С.-Петербургского университета Н.А. Горбунов, командированный для этой же цели в Тифлисскую и Дагестанскую область» (Переписка со студентом Валаевым: Л. 1–10б.). Так впервые заявил о себе студент-инженер Московского Императорского технического училища З.П. Валаев. Он не только справился с поставленной задачей (РЭМ, колл. №996, колл. №1249, фото колл. №3376 (осетины); колл. №1256 (балкарцы); колл. №1260 (кабардинцы)), но также рекомендовал собирателя С.А. Гатуева для сбора этнографических предметов в Чечне (РЭМ, колл. №1284).

Переписка хранителя ЭО РМ К.А. Иностранцева с З.П. Валаевым длилась до осени 1907 г. После этого связь ЭО РМ с Валаевым прервалась. В 1908 г. он напомнил о себе еще раз, прислав (уже как частное лицо) в ЭО РМ из Мингрелии предметы для оценки и последующей закупки (Переписка со студентом Валаевым: Л. 74; АРЭМ ЖЗ: Л. 24). После приобретения музеем кремневого пистолета (РЭМ, колл. №1493 (мингрелы)) связь ЭО РМ с Валаевым прервалась навсегда.

Положительная оценка собирательской деятельности З.П. Валаева в свое время была дана крупнейшими специалистами-кавказоведами, в частности К.А. Иностранцевым (Переписка со студентом Валаевым: Л. 43) и Е.Н. Студенецкой (Студенецкая, 1985: 152). Собранные в 1906–1907 гг. и привезенные им этнографические предметы не раз были представлены не только на различных выставках музея, но и вошли в тематические разделы экспозиции Государственного музея этнографии (с 1992 г. – Российский этнографический музей) «Народы Северного Кавказа. Конец XIX – начало XX вв.» (1982–2015).

Несмотря на признание существенного вклада З.П. Валаева в пополнение собрания музея предметами, характеризующими культуру осетин, кабардинцев и балкарцев, нам почти ничего не известно о нем самом. Ничего не сообщает о себе в переписке с К.А. Иностранцевым и сам З.П. Валаев. Биографии З.П. Валаева не было уделено внимания в работах, посвященных истории формирования музейного собрания (Дмитриев, 2012: 498) и осетинским коллекциям музея (Студенецкая, 1985: 152), так как перед авторами этих работ стояли другие задачи. В данной статье наряду с характеристикой двух привезенных им осетинских коллекций будет впервые предпринята попытка реконструкции судьбы З.П. Валаева и истории его семьи.

2. Материалы и методы

Основные источники, на основе которых мы попытались восстановить биографию Валаева и историю его семьи, можно разделить на три группы. К первой группе относятся полевые материалы, собранные на родине З.П. Валаева в станице Черноярской Моздокского района, Республики Северная Осетия – Алания в 2018 г. Они включают в себя: рассказы

жителей станицы о фамилии Валаевых ([Беседа с жителем ст. Черноярской](#); [Беседа с Сагеевой](#)), фотографии памятников (дома, школы, часовни), связанных с историей семьи З.П. Валаева. Отдельно следует сказать о фотографиях, выписках из Исповедных росписей, в которых упоминались представители этой фамилии, а также послужных списках офицеров Валаевых, которые были получены из личного архива краеведа Р.Г. Кукиева ([Исповедная роспись 1862](#); [Послужной список Валаева](#)). Сюда же относятся документы, хранящиеся в личном архиве автора, которые включают в себя: переписку по электронной почте автора со Светланой Ростиславовной Валаевой ([Письмо Валаевой, 13.10.2018](#); [Письмо Валаевой, 16.10.2018](#)), внучатой племянницей З.П. Валаева, сообщившей ценные сведения об истории семьи своего деда (Хамби (Георгия) Валаева), а также с Б.И. Жилинским ([Письмо Жилинского, 16.09.2018](#)), которым на сайте ([G](#)) было составлено генеалогическое древо этой семьи.

Во вторую группу вошли архивные документы. Основным источником для изучения собирательской работы З.П. Валаева послужила сохранившаяся в архиве РЭМ переписка хранителя ЭО РМ К.А. Иностранцева с З.П. Валаевым в 1905–1907 гг. ([Переписка со студентом Валаевым](#)). Архивное дело состоит из 74 листов и включает в себя 18 писем, написанных З.П. Валаевым и 8 копий писем и некоторых черновиков, написанных хранителем ЭО РМ К.А. Иностранцевым. В ней сторонами обсуждаются районы для ведения собирательской работы, обговаривается перечень необходимых для приобретения предметов, их допустимая стоимость и способы оплаты, отслеживается движение уже приобретенных предметов. Кроме того, упоминания о корреспонденте З.П. Валаеве содержатся в Журналах заседаний ЭО Русского музея императора Александра III ([АРЭМ ЖЗ](#)).

В Научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. Абаева во Владикавказе сохранились материалы, проливающие свет на историю семьи З.П. Валаева ([Валаева-Бегиева Саса-сказительница](#)). Материалы о собирательнице дигорского фольклора Сасе Бегиевой-Валаевой были переданы профессором Б. Алборовым. В них содержатся краткие справки о семье собирательницы, записанные как самим Б. Алборовым в 1960-е гг., так и со слов ее двоюродной сестры – Л. Кургосовой, которая до своего замужества воспитывалась в семье Сасы Валаевой ([Валаева-Бегиева Саса-сказительница: Л. 5](#)).

К третьей группе относятся публикации, так или иначе касающиеся истории станицы Черноярской ([Киреев, 2016](#)), биографий родственников и близких семьи Валаевых ([Гостиева, 2016](#)).

При проведении исследования автор опирался на принцип историзма, стремясь рассмотреть события семейной истории Валаевых в динамике, в контексте определенной исторической эпохи. Применялся сравнительно-исторический метод в сопоставлении различных обстоятельств жизни Валаева, биографический метод исследования для реконструкции истории его семьи, которая рассматривалась на основе анализа личных документов и воспоминаний.

3. Обсуждение и результаты

Среди собирателей, принявших заметное участие в комплектовании фондов музея предметами культуры и быта народов Кавказа, в том числе и осетин, следует назвать имена крупных ученых и музейных деятелей – Б.А. Бонч-Осмоловского, А.А. Миллера, Б.А. Куфтина, Е.Н. Студенецкой. Но начало сбора коллекций по осетинам положил Захарий Петрович Валаев ([РЭМ, колл. №996, №1249](#)). Им приобретены предметы почти по всем из предложенных по «Программе...» восьми тем: утварь, предметы интерьера, земледельческие орудия, инструменты для обработки дерева и шерсти, полные мужской и женский костюмы, образцы женского рукоделия (образцы тесьмы, головные уборы, платки, кисеты и др.), колыбель с принадлежностями, оружие, музыкальный инструмент. Кроме того, им самим (что следует из писем) были сделаны модели плуга, бороны, саней, воловьей арбы и конной арбы. Таким образом, коллекции З.П. Валаева в сравнении с последующими поступлениями шире по охвату сфер традиционной культуры осетин. Они стали

фундаментом, на котором строилась дальнейшая собирательская работа по сбору этнографических предметов осетин.

З.П. Валаев был не просто представителем одного из местных народов Кавказа, которому был поручен сбор предметов, характеризующих культуру осетин, но и человеком, в достаточной мере знакомым с этнографической спецификой региона, интересующимся организацией музейного дела. Это было подмечено Иностранцевым еще в самом начале их взаимодействия: «По составленной Вами программке заключаю, что Вы знакомы с этнографией вообще..., а потому Музей и может ожидать от Вас полной коллекции осетинского быта» ([Переписка со студентом Валаевым: Л. 11](#)).

Знакомство с коллекциями, собранными З.П. Валаевым, вызвало интерес и к личности самого собирателя. Что же известно о нем самом, его происхождении, образовании и связях с ЭО РМ?

Захарий Петрович Валаев родился в станице Черноярской (в настоящее время – в составе Моздокского района РСО-Алании), которую основали в 1804 г. осетины-переселенцы из разных селений Дигорского ущелья. В 1824 г. Черноярское и находящееся от него в 3 км Новоосетинское селения были переименованы в станицы, а их жители причислены к казакам. С тех пор основным занятием для черноярцев стала военная служба в рядах Терского казачьего войска и в Собственном его императорского Величества конвое (далее – СЕИВК) ([Киреев, 2016: 134–136](#)). В частности, дядя З.П. Валаева Захар Васильевич Валаев (1832 ([Исповедная роспись, 1862](#)) – 22 февраля 1878 г. ([Станица Черноярская](#))) был одним из первых черноярцев, служивших в СЕИВК ([Беседа с Кукиевым](#)).

Отец Захария Петр Васильевич Валаев ([ДРК; Валаева-Бегиева Саса-сказительница: Л. 4](#)) (по другой версии – Петрович ([Письмо Валаевой, 16.10.2018](#)), личный дворянин ([ДРК](#)) (1844 ([Исповедная роспись 1862 г.](#)) – неизв.) тоже был офицером. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., за отличия в 1877 г. произведен в сотники, а в 1879 г. в есаулы ([Станица Черноярская](#)). Из автобиографической повести Р.П. Валаева известно, что его отец служил в СЕИВК с 1 апреля 1866 г. ([Лолаева, 2007: 123](#)), дослужился до хорунжего. Позже по инициативе императрицы Марии Федоровны был удален от двора и назначен на командную должность в Кишинева, после чего стал богатым человеком ([Письмо Валаевой, 16.10.2018](#)).

О матери З.П. Валаева почти ничего не известно. Ее имя не упоминается ни в Дворянских книгах ([ДРК](#)), ни в деле Сасы Валаевой ([Валаева-Бегиева Саса-сказительница](#)). Благодаря воссозданному Б.И. Жилинским генеалогическому древу семьи Хамби (Георгия) Валаева ([G](#)), брата З.П. Валаева, мы узнаем, что ее звали Дарьей (см. [Рисунок 1](#)).

Больше известно о ее деяниях. Жители станицы Черноярской ([Беседа с жителем ст. Черноярской; Беседа с Сагеевой](#)), а также внучка Хамби (Георгия) Валаева ([Письмо Валаевой, 13.10.2018](#)) рассказали о вдове Дарье Валаевой, которая в 1904 г. в память о погибшем муже – войсковом старшине – на станичном кладбище построила церковь в честь Св. Апостолов Петра и Павла (см. [Рисунок 2](#)). Впоследствии она стала фамильным склепом семьи Валаевых ([Беседа с жителем ст. Черноярской; Беседа с Кукиевым](#)). Это подтверждает нашу догадку о том, что упомянутая Дарья Валаева была женой Петра Васильевича Валаева и матерью Захария и Хамби (Георгия) Валаевых. В собрании РЭМ хранятся башлык и кисет ([РЭМ, колл. №1249](#)), которые были подарены З.П. Валаеву Д.Н. Валаевой ([Переписка со студентом Валаевым: Л. 63об.](#)).

Рис. 1. Дарья Валаева (G).

Рис. 2. Кладбище в ст. Чернойрской. Церковь, построенная Дарьей Валаевой. Фото автора.

К сожалению, нам не известна точная дата рождения З.П. Валаева. Из Дворянских книг следует, что он родился до 1886 г. (ДРК). У него было три брата – Хамби (Георгий), Григорий, Петр – и две сестры – Саса (Александра) и Вера. В документах и материалах, повествующих о составе семьи, З.П. Валаев обычно указывается последним из четырех братьев (ДРК; Валаева-Бегиева Саса-сказительница). Возможно, это указывает на то, что он был младшим из них.

Два брата З.П. Валаева – Григорий (25 января 1874 г. – 15 июня 1915 г. (Станица Чернойрская) и Петр (25 октября 1878 г. (Послужной список Валаева) – 18 сентября 1916 г. (Станица Чернойрская) были офицерами. Григорий Петрович Валаев окончил Донской кадетский корпус и Ставропольское казачье юнкерское училище по 2-му разряду. Служил в 1-м Горско-Моздокском полку, затем в одном из полков Терского казачьего войска (Беседа с Кукиевым). Петр Петрович тоже окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду и офицерскую стрелковую школу. Служил в 1-м Волгском полку (Беседа с Кукиевым). Оба брата участвовали в Первой мировой войне. Григорий умер на фронте от сыпного тифа. Петр погиб в бою (Беседа с Кукиевым).

Третий брат – Хамби (Георгий) Петрович Валаев (неизв. – 1918) – инженер, окончил Рижский политехнический институт (Письмо Жилинского, 16.09.2018) (см. Рисунок 3). В браке с Ниной Александровной Валаевой у них родилось шесть детей (G). В конце XIX – начале XX вв. Хамби (Георгий) жил и работал в Грозном главным инженером нефтяных приисков (Письмо Валаевой, 16.10.2018). В Чечне жили и другие родственники Валаевых. Так, З.П. Валаев писал К.А. Иностранцеву: «Кстати сказать, в Чечне начальником округа мой родственник и может быть во многом полезным» (Переписка со студентом Валаевым: Л. 410б.). Начальником Веденского округа в то время был Василий Галаев, убитый абреком Зелимханом в 1908 г. (Письмо Кукиева, 28.11.2018). Дальнейшая судьба Хамби (Георгия) Петровича Валаева сложилась трагически. Он был избран делегатом от терского казачества в Учредительное собрание России и расстрелян в Самаре в годы Гражданской войны (предположительно в 1918 г.) (Письмо Жилинского, 16.09.2018).

О сестрах З.П. Валаева Вере (1883–1965) (Гостиева, 2016) и особенно Сасе (Александре) (1875–1953) (Гостиева, 2016) известно больше (см. Рисунок 4). Саса (Александра) Бегиева-Валаева была первой женщиной – собирательницей дигорского фольклора (Валаева-Бегиева Саса-сказительница), а Вера была замужем за Иналом Тотруковичем Собиевым (1873–1961) (Гостиева, 2016: 61) – прогрессивным деятелем осетинской интеллигенции, инженером-механиком, помощником В.Ф. Миллера в работе над «Осетинско-русско-немецким словарем» (Осетинская этнографическая энциклопедия, 2012: 449).

Рис. 3. Хамби (Георгий) Петрович Валаев (G)

Рис. 4. Сестры Валаевы (стоит Сасери (Саса), невестка Бегиевых; сидит Вера, супруга Инала Собиева (Мах дуг, 1999)

По воспоминаниям воспитывавшейся в семье П.В. Валаева Любови (Любы) Захаровны Кургосовой, Саса регулярного образования не получила, в то время как Вера стараниями старшей сестры, окончила женскую гимназию. Несмотря на отсутствие регулярного образования, Саса (Александра) Бегиева-Валаева «много читала, была развитая и интересовалась осетинским фольклором благодаря произведениям Коста Хетагурова и Блашка Гуржибекова» (Валаева-Бегиева Саса-сказительница: Л. 4). Известно, что Саса (Александра) Валаева была не только знакома с видными представителями осетинской интеллигенции – Коста Хетагуровым, Блашка Гуржибековым, Балотти Тускаевым, членами семьи священника Цаликова (в том числе и Анной Цаликовой) и др., но и состояла с обоими поэтами в дружественных отношениях и переписке. Когда сестра Вера вышла замуж за И.Т. Собиева, ее круг друзей и знакомых, интересовавшихся осетинским фольклором и поэзией, еще более расширился (Валаева-Бегиева Саса-сказительница: Л. 1). Не вызывает удивления тот факт, что она, в какой-то степени под влиянием своего окружения, ощутила необходимость в фиксации фольклора жителей станиц Чернойорской и Новоосетинской. Если И.Т. Собиев, оказывая помощь В.Ф. Миллеру, собирал материал у жителей Дигории (по сравнению с осетинами-казаками, во многом сохранившими свой традиционный уклад), то С.П. Бегиева-Валаева – у станичников, потомков переселенцев из Дигории, культура которых к рубежу XIX–XX вв. уже претерпела значительные изменения. Именно в этом и видится ее заслуга.

Помимо перечисленных представителей осетинской интеллигенции, пробудивших у З.П. Валаева интерес к народной культуре, следует упомянуть офицера, бывшего учителя начальной школы ст. Чернойорской Захара (Дзабо) Сосиева, имя которого не встречается в документах, касающихся истории семьи. З. Сосиев был знатоком истории и культуры осетин-казаков. В 1903 г. в приложении к Терскому календарю им был опубликован исторический очерк «Станица Чернойорская». Вероятно, З.П. Валаев был знаком с ним (Письмо Кукиева, 28.11.2018), и это знакомство также способствовало возрастанию интереса З.П. Валаева к этнографии.

Отдельно стоит сказать и о зяте З.П. Валаева И.Т. Собиеве, который, помогая В.Ф. Миллеру в сборе материалов для словаря, сотрудничал с ученым, не только будучи в Осетии, но и в Москве. И.Т. Собиев часто посещал заседания Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ИОЛЕАЭ), председателем которого являлся В.Ф. Миллер. Они проходили в Политехническом музее, были открыты для всех. В задачи членов общества входило изучение не только материальной культуры народов России, но и их языка, обычаев, обрядов, поверий, а также литературы и музыкального творчества (Гостиева, 2016: 65). На заседаниях часто выступали представители многих народов России, но особенно много было кавказцев. Кроме того, на них всегда присутствовало много студентов, которые «не только знакомились с текущими вопросами науки, но также принимали участие в обсуждении докладов, а потом и сами делали докладчиками» (Гостиева, 2016: 66).

З.П. Валаев, как и И.Т. Собиев, учился в Москве (Студенецкая, 1985: 152). Более того, в том же учебном заведении (Московское императорское техническое училище, ныне – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана), по той же специальности – инженер-механик. Известно, что И.Т. Собиев успешно совмещал работу по своей основной специальности с занятиями по этнографии, фольклористике и языкознанию осетин (Гостиева, 2016: 61). У нас нет материалов, подтверждающих посещение заседаний ИОЛЕАЭ З.П. Валаевым, однако можно предположить, что это вполне могло происходить. Несмотря на то, что И.Т. Собиев окончил учебу раньше (Гостиева, 2016: 57) З.П. Валаева (Список выпускников и преподавателей), и они не могли часто контактировать ввиду отъезда первого в 1902 г. в Тифлис (в настоящее время – Тбилиси) (Гостиева, 2016: 57), это не могло ему помешать, видя интерес к этнографии З.П. Валаева, посещавшего российские и европейские музеи (Переписка со студентом Валаевым: Л. 42), изучавшего классические этнографические труды (Переписка со студентом Валаевым: Л. 37об.), ввести его в курс дел ИОЛЕАЭ. А может быть, интерес З.П. Валаева к этнографии, наоборот, стал следствием этих посещений?

Даже если эта гипотеза не верна, и З.П. Валаев никогда не посещал заседаний ИОЛЕАЭ, не вызывает сомнений влияние семьи и окружения (еще в период пребывания в станице Чернойорской) на формирование его интереса к этнографии. Приятельство и дружба С.П. Бегиевой-Валаевой с видными представителями осетинской интеллигенции, вероятно, посещение ими дома Валаевых и обсуждение насущных вопросов, кроме того, деятельность самой Сасы, зятя И.Т. Собиева, З. Сосиева породили своего рода «этнографический дух», который не могли не вдохновить З.П. Валаева.

Обе сестры З.П. Валаева пережили революцию. С.П. Бегиева-Валаева до 1929 г. жила в Кисловодске, в доме, подаренным отцом в качестве приданного. С 1930 г. по начало 1932 г. – во Владикавказе, а в начале 1932 г. она переехала к своему родственнику Биччеу Кукневу (Биччеу (Алексей) Кукиев (Письмо Кукиева, 28.11.2018) в Тбилиси, где работала на швейной фабрике. Умерла там же в 1953 г. (Валаева-Бегиева Саса-сказительница: Л. 5).

Как уже было сказано, З.П. Валаев, будучи студентом Московского императорского технического училища, впервые выразил желание участвовать в комплектовании фондов музея в письме от 1905 г. Однако Совет ЭО РМ предложение отклонил, в виду исчерпания бюджета на 1905 г. и обещал, что «заявление будет принято во внимание на будущее время» (АРЭМ ЖЗ: Л. 94). Действительно, летом 1906 г. он отправился в первую экспедицию для сбора предметов быта осетин. Второй выезд, для дополнения первой осетинской коллекции, а также сбора предметов, характеризующих культуру кабардинцев и балкарцев, он совершил летом 1907 г. Отправив в музей приобретенные предметы, З.П. Валаев в переписке с К.А. Иностранцевым делился своими дальнейшими планами: «в будущем с удовольствием поработал в Дагестане или Сванетии и Хевсурии, где знакомством заручился летом» (Переписка со студентом Валаевым: Л. 62). Однако эти планы остались нереализованными. Возможно, З.П. Валаев, находясь на последнем курсе обучения, знал или предполагал, что ему работа, как и И.Т. Собиеву, будет предоставлена в Грузии, а может быть, эти районы были выбраны благодаря имевшимся там знакомым.

В следующий и уже последний раз З.П. Валаев установил контакт с музеем в 1908 г. В Журнале заседаний ЭО РМ от 22 марта 1908 г. сделана следующая запись: «От сотрудника отдела по собиранию коллекций З.А. (так в тексте – А.Г.) Валаева получены две вещи:

кавказский кинжал и пистолет, которые он предлагает Отделу приобрести у него по той цене, в которую Отделом эти вещи будет оценены» (АРЭМ ЖЗ: Л. 400б.). Возможно, к присланным в музей предметам прилагалось письмо на имя К.А. Иностранцева, однако нами оно обнаружено не было. Неясно также и то, как эти предметы попали к З.П. Валаеву: был ли он сам в Мингрелии или получил их от знакомых?

После прекращения переписки З.П. Валаева с ЭО РМ мы теряем его из виду и не знаем ничего о месте жительства и дальнейшей деятельности. Из воспоминаний его двоюродной сестры Л.З. Кургосовой следует, что он покончил с собой: «Захар – инженер, отравившийся (по другим вариантам, зарезавшийся) и оставивший записку следующего содержания: «Удивительно: выпил яд в 12 ч., а уже 3 ч. и не действует» (Валаева-Бегиева Саса-сказительница: Л. 5). Нам не известно причин для совершения этого поступка. Также ничего не известно и о месте его захоронения: был ли он захоронен вместе с остальными членами своей семьи в фамильном склепе или же его, как самоубийцу, похоронили отдельно.

В настоящее время в станице Черноярской, со слов жителей и работников местной администрации (Беседа с жителем ст. Черноярской; Беседа с Сагеевой; Беседа с представительницей администрации Ново-Осетинского сельского поселения), представители этой фамилии не проживают. Потомки Хамби (Георгия) Петровича Валаева живут в Москве (Письмо Валаевой, 16.10.2018). Известно также, что Валаевы живут в Беслане, Грозном (Беседа с жителем ст. Черноярской; Беседа с Сагеевой), но являются ли они родственниками интересующей нас семьи – не известно.

Валаевы подверглись гонениям в годы Гражданской войны и особенно в 1930-е гг. Так, в 1919 г. в центре станицы на акции перед домом священника были повешены отрядом Селиванова полковник Иван Григорьевич Валаев, а вместе с ним Данел Караданов и Василий Хозиев (Беседа с Кукиевым). В 1930-е два сына Хамби (Георгия) Петровича Валаева – Рустем (1900–1977) и Ростислав (1903–1961) (Валаева, 2015) были узниками Соловецкого лагеря особого назначения.

Из церкви, построенной Дарьей Валаевой и служившей фамильной усыпальницей, в первые годы советской власти тела были изъяты, с них сняли нательные кресты и украшения. Лишь в 2001 г. останки семьи Валаевых были перезахоронены на деньги, завещанные Т. Запоевой (Беседа с жителем ст. Черноярской). Рядом с часовней была установлена плита с надписью: «На этом месте захоронены останки семьи Валаевых, построивших эту часовню и подвергнутых гонениям в 1930–1935 годы».

В настоящее время краеведом Р.Г. Кукиевым и волонтерами ведется паспортизация станичных кладбищ (Беседа с Кукиевым). Может быть, когда-то мы узнаем о месте захоронения З.П. Валаева.

4. Заключение

Захарий Петрович Валаев, исходя из собственных побуждений и влияния окружения в лице его родной сестры Сасы (Александры) Бегиевой-Валаевой, зятя И.Т. Собиева, а также К. Хетагурова, Б. Гуржибекова, З. Сосиева и других представителей осетинской интеллигенции, питал интерес к народной культуре. Но если их в первую очередь интересовала духовная культура (фольклор, обрядность), которую они фиксировали в форме текстов, то он пошел по иному пути – занялся сбором материальных предметов.

Почему З.П. Валаев решил участвовать в комплектовании фондов именно ЭО РМ? Во-первых, возможно, он имел связи в Петербурге, так как его отец, согласно семейным преданиям, был приближенным императора Александра III. Во-вторых, вероятно, З.П. Валаев догадывался о грядущих больших переменах, а потому столичный, пусть и недавно образованный музей, но находившийся под покровительством членов правящей династии, предпочел давно существовавшим Дашковскому музею в Москве, Этнографическому музею Академии наук в Петербурге и региональным музеям (например, «Этнографическому отделу Ростовского-на-Дону городского музея с памятниками этнографии по казачеству», «Этнографическому отделу Кавказского музея» (Тифлис) и др.). Вероятность того, что привезенные им предметы лучше сохранятся в крупном музее, была выше, нежели в любом другом. Наконец, во вновь созданном музее, фонды которого только начали пополняться, было больше возможностей для применения новых принципов

экспонирования, нежели в существующих музеях. О Дашковском музее З.П. Валаев писал: «От времени до времени посещаю Дашковский музей, во многом меня поражающий. Так, например, в то время как Кабарда обозначена легким пропуском, а в Чечне набрали 8 предметов, в татарском отделе красуются сапоги и шапка, обшитые жемчугом и стоящие несколько тысяч: с этнографической же точки зрения, по моему мнению, им “трешка” цена. Художественная сторона манекенов оставляет желать многого» ([Переписка со студентом Валаевым: Л. 42](#)).

Обращаясь к составу двух осетинских коллекций З.П. Валаева, следует отметить, что основная масса привезенных им вещей отражает традиционный быт осетин. Они представляют собой результат не поиска красивых, эффектных вещей, не выхватывание, а целенаправленный отбор предметов, зачастую бывших в употреблении. Это утварь, предметы для обработки шерсти, костюмы. Иначе обстоит дело с образцами женского рукоделия. Кисеты, футляры для часов, плетеные кисти для башлыков, шнуры и т.д. – вещи, наоборот, изящные, нередко новые, что объяснимо – они должны показывать технику изготовления, способы украшения и т.д. (см. [Рисунок 5](#)).

В составе обеих осетинских коллекций З.П. Валаева отсутствуют предметы, характеризующие верования осетин ([Студенецкая, 1985: 152](#)). Какие этому могут быть объяснения? Маршрут первой экспедиции собирателя включал в себя Алагирское и Дигорское ущелья, где находится множество почитаемых осетинами святых мест – Реком, Дигори Изæд и др. Однако З.П. Валаев почему-то не включил в состав своих коллекций предметы из этих святынь, например, наконечники стрел из Рекома, которые собрал во время пребывания в Осетии Б.А. Бонч-Осмоловский в 1910–1911 гг. ([Студенецкая, 1985: 152–153](#)) или деревянные жертвенные подвески из Дигори Изæд, собранные во время экспедиции А.А. Миллера в Дигорию и Тагаурию в 1923 г. ([Студенецкая, 1985: 155–156](#)). Возможно, З.П. Валаев не ставил себе задачи по приобретению этих предметов. Или, будучи осетином, не рассматривал перечисленные предметы в качестве будущих музейных экспонатов. Наконец, он мог иначе трактовать это понятие. Так, в 1906 г. в составе первой коллекции им была привезена надочажная цепь ([РЭМ, колл. №996-40](#)), считавшаяся священным и неприкосновенным объектом осетинского дома (см. [Рисунок 6](#)). Он писал: «Особенно ценной из всей коллекции считаю приобретенную цепь и подсвечник. Мне кажется, судя по трудности, с какой мне удалось их достать, что их нет ни в одном музее из существующих в России. Особенная трудность их доставания объясняется тем, что с этими предметами у осетин связано представление о благополучии дома» ([Переписка со студентом Валаевым: Л. 190б.](#)). И действительно, З.П. Валаев на 20 лет опередил Б.А. Куфтина, который приобрел для собрания Музея народов СССР несколько очажных цепей только в 1926 г.

Рис. 5. Женский кисет (РЭМ, колл. №1249-8), привезенный З.П. Валаевым. Фото О. Ганичевой.

Рис. 6. Очажная цепь (РЭМ, колл. №996-40), привезенная З.П. Валаевым. Фото автора.

Таким образом, предпринятая реконструкция биографии корреспондента ЭО РМ студента-инженера Захария Петровича Валаева, позволила осветить не только неизвестные ранее фрагменты его биографии, но и рассказать об истории его семьи, изучение которой будет продолжено.

5. Благодарности

Выражаю благодарность Р.Г. Кукиеву за предоставленную возможность ознакомиться с материалами личного архива по истории станицы Черноярской, Л.К. Гостиеву – за консультацию, которая помогла в поиске материалов о представителях семьи Валаевых в НА СОИГСИ.

Литература

- АРЭМ ЖЗ** – Архив Российского этнографического музея, Журналы заседаний ЭО РМ.
Беседа с жителем Черноярской – Беседа с жителем станция Черноярской 8.05.2018 // Полевые материалы автора.
Беседа с Сагеевой – Беседа с Надеждой Сагеевой (сотрудник Дома культуры ст. Черноярской) 8.05.2018 // Полевые материалы автора.
Беседа с представительницей администрации Ново-Осетинского сельского поселения – Беседа с представительницей администрации Ново-Осетинского сельского поселения 8.05.2018 г. // Полевые материалы автора.
Беседа с Кукиевым – Беседа с краеведом Русланом Георгиевичем Кукиевым 8.05.2018 г. // Полевые материалы автора.
Валаева, 2015 – Валаева С. Воспоминания об отце и дяде. Материал подготовлен дочерью Ростислава Георгиевича Валаева. URL: <http://www.solovki.ca/memo/valaevRostislav.php> (дата обращения: 24.11.2018).
Валаева-Бегиева Саса-сказительница – Валаева-Бегиева Саса-сказительница // Научный архив СОИГСИ им. В.И. Абаева.
Васильева, 1992 – Васильева Н.В. К.А. Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России. Сб. науч. трудов. Санкт-Петербург: Государственный музей этнографии, 1992. С. 41–51.
Гостиева, 2016 – Гостиева Л.К. Из истории этнографического осетиноведения: Инал Собиев // *Известия СОИГСИ*. 2016. № 22 (61). С. 56–76.
Дмитриев, 2012 – Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 828 с.
ДРК – Список дворян, внесенных в Дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 года по 1 декабря 1912 года. URL: http://rodoslovnaia.org/ru/wiki/index/index/page_id/295763/name (дата обращения: 24.11.2018).
Исповедная роспись, 1862 – Исповедная роспись, 1862 г. // Личный архив Р.Г. Кукиева
Киреев, 2016 – Киреев Ф.С. Из истории казачьих станиц Северной Осетии. Владикавказ: Терские ведомости, 2016. 144 с.
Лолаева, 2007 – Лолаева А.В. Участие осетин-казаков в Конвое Его Императорского Величества // *Известия АлтГУ*. 2007. № 4–3. С. 121–124.
Мах дуг, 1999 – Мах дуг, 1999. №3.
Осетинская этнографическая энциклопедия, 2012 – Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: «Проект-Пресс», 2012. 688 с.
Переписка со студентом Валаевым – Переписка со студентом З.П. Валаевым о собирании этнографических материалов в Осетии, Кабарде, Балкарии, описи материалов и заметки о народных промыслах и обычаях. 20 ноября 1905 – март 1908 гг. // Архив Российского этнографического музея.
Письмо Валаевой, 13.10.2018 – Письмо С.В. Валаевой А.В. Газдановой от 13.10.2018 г. (электронное) // Личный архив автора.
Письмо Валаевой 16.10.2018 – Письмо С.В. Валаевой А.В. Газдановой от 16.10.2018 г. (электронное) // Личный архив автора.

[Письмо Жилинского, 16.09.2018](#) – Письмо Б.И. Жилинского А.В. Газдановой от 16.09.2018 г. (электронное) // Личный архив автора.

[Письмо Кукиева, 28.11.2018](#) – Письмо Р.Г. Кукиева А.В. Газдановой от 28.11.2018 г. (электронное) // Личный архив автора.

[Послужной список Валаева](#) – Послужной список П.П. Валаева // Личный архив Р.Г. Кукиева.

[Программа для собирания этнографических предметов, 1902](#) – Программа для собирания этнографических предметов. Санкт-Петербург: Этнографический отдел Русского музея, 1902. 47 с.

[Разгон, 1961](#) – Разгон А.М. Этнографические музеи в России (1861–1917) // Очерки истории музейного дела в России. М.: Советская Россия, 1961. Вып. III. С. 230–268.

[РЭМ](#) – Российский этнографический музей (фонды).

[Список выпускников и преподавателей](#) – Список выпускников и преподавателей ИМТУ, МММИ, МВТУ, МГТУ с 1865 года. URL: <http://www.bmstu.ru/~people/abcdef/va.htm> (дата обращения: 18.06.2018 г.)

[Студенецкая, 1985](#) – *Студенецкая Е.Н.* Осетины в Музее этнографии народов СССР (собираТЕЛЬСкая и экспозиционная работа 1906–1983 гг.) // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе: Институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Северо-Осетинской АССР, 1985. С. 151–175

[Станица Черноярская](#) – Станица Черноярская. Род Валаевых. URL: <http://combcossack.opk.ru/viewtopic.php?id=3285> (дата обращения: 24.11.2018).

[G](#) – «GENi.com». URL: <https://www.geni.com> (дата обращения: 24.11.2018).

References

[AREM ZHZ](#) – Arkhiv Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya [Archive of the Russian Museum of Ethnography], Zhurnaly zasedaniy EO RM [Meeting logs EO RM].

[Beseda s zhitel'em Chernoyarskoy](#) – Conversation with a resident of village Chernoyarskoy, 8.05. 2018. Field materials of the author.

[Beseda s Sageyevoy](#) – Conversation with Nadezhda Sageeva (employee of the House of Culture of village Chernoyarskaya, 8.05. 2018. Field materials of the author.

[Beseda s predstavitel'nitsey administratsii Novo-Osetinskogo sel'skogo poseleniya](#) – Conversation with the representative of the administration of the Novo-Ossetian rural settlement, 8.05.2018. Field materials of the author.

[Beseda s Kukiyevim](#) – Conversation with Ruslan Georgievich Kukiev, local historian, 8.05.2018. Field materials of the author.

[Valayeva, 2015](#) – *Valayeva S.* (2015) Vospominaniya ob ottse i dyade. Material podgotovlen docher'yu Rostislava Georgiyevicha Valayeva [Memories about the father and uncle. The material was prepared by the daughter of Rostislav Georgievich Valaev]. [Electronic resource]. URL: <http://www.solovki.ca/memo/valaevRostislav.php> (accessed on: November 24, 2018) [in Russian]

[Valayeva-Begiyeva Sasa-skazitel'nitsa](#) – Valayeva-Begiyeva Sasa-skazitel'nitsa [Valaeva-Begieva Sasa-narrator]. Nauchnyy arkhiv SOIGSI im. V.I. Abayeva [Scientific Archives SOIGSI named after V.I. Abaeva] [in Russian]

[Vasil'yeva, 1992](#) – *Vasilyeva N.V.* (1992) K.A. Inostrantsev kak sotrudnik Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya [K.A. Inostrantsev as an employee of the Ethnographic Department of the Russian Museum]. Iz istorii formirovaniya etnograficheskikh kollektsey v muzeyakh Rossii [From the history of the formation of ethnographic collections in museums in Russia]. St. Petersburg: Gosudarstvennyy muzey etnografii, pp. 41–51. [in Russian].

[Gostiyeva, 2016](#) – *Gostieva L.K.* (2016). Iz istorii etnograficheskogo osetinovedeniya: Inal Sobiyev [From the history of ethnographic Ossetian studies: Inal Sobiev]. // *Izvestiya SOIGSI*, № 22 (61), pp. 56-76 [in Russian]

[Dmitriyev, 2012](#) – *Dmitriev S.V.* (2012). Fond Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya po kul'ture narodov zarubezhnogo Vostoka: istoriya formirovaniya i sud'ba (1901–1930 ye gg.) [The Foundation of the Ethnographic Department of the Russian Museum on the Culture of the Peoples of the Foreign East: The History of Formation and Fate (1901–1930s)]. St. Petersburg: St. Petersburg University, Faculty of Philology, 828 p. [in Russian]

[DRK](#) – Spisok dvoryan, vnesennykh v Dvoryanskiye rodoslovnnyye knigi Stavropol'skoy gubernii, Terskoy i Kubanskoy oblastey s 1795 goda po 1 dekabrya 1912 goda [A list of noblemen included in the Noble lineage books of the Stavropol province, Terek and Kuban regions from 1795 to December 1, 1912]. [Electronic resource]. URL: http://rodoslovnaya.org/ru/wiki/index/index/page_id/295763/name (accessed on: November 24, 2018). [in Russian]

[Ispovednaya rospis', 1862](#) – Ispovednaya rospis', 1862 g. [Confessional painting, 1862]. Personal archive of R.G. Kukiev.

[Kireyev, 2016](#) – *Kireev F.S.* (2016). Iz istorii kazach'ikh stanits Severnoy Osetii [From the history of the Cossack villages of North Ossetia]. Vladikavkaz: Terskiye vedomosti, 144 p. [in Russian]

[Makh dug, 1999](#) – Makh dug (1999). №3. [in Ossetian]

[Lolayeva, 2007](#) – *Lolaeva A.V.* (2007). Uchastiye osetin-kazakov v Konvoe Yego Imperatorskogo Velichestva [Participation of Ossetian-Cossacks in the Convoy of His Imperial Majesty]. *Izvestiya AltGU*, № 4–3, pp. 121–124. [in Russian]

[Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya, 2012](#) – Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya (2012) [Ossetian ethnographic encyclopedia]. Vladikavkaz: Proyekt-Press, 688 p. [in Russian and Ossetian]

[Perepiska so studentom Valayevym](#) – Perepiska so studentom Z.P. Valayevym o sobiranii etnograficheskikh materialov v Osetii, Kabarde, Balkarii, opisi materialov i zametki o narodnykh promyslakh i obyayakh. 20 noyabrya 1905 – mart 1908 gg. [Correspondence with student Z.P. Valaev about collecting ethnographic materials in Ossetia, Kabarda, Balkaria, inventory materials and notes on folk crafts and customs. November 20, 1905 – March 1908]. Arkhiv Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya [Archive of the Russian Museum of Ethnography].

[Pis'mo Valayevoy, 13.10.2018](#) – Letter of S.V. Valaeva to A.V. Gazdanova dated 13.10.2018 (electronic). Personal archive of the author.

[Pis'mo Valayevoy, 16.10.2018](#) – Letter of S.V. Valaeva to A.V. Gazdanova dated 16.10.2018 (electronic). Personal archive of the author.

[Pis'mo Zhilinskogo, 16.09.2018](#) – Letter from B.I. Zhilinsky to A.V. Gazdanova dated 09.16.2018 (electronic). Personal archive of the author.

[Pis'mo Kukiyeva, 28.11.2018](#) – Letter of R.G. Kukiev A.V. Gazdanova dated 11.28.2018 (electronic). Personal archive of the author.

[Posluzhnoy spisok Valayeva](#) – Posluzhnoy spisok P.P. Valayeva [Service record of P.P. Valaev]. Personal archive of R.G. Kukiev.

[Programma dlya sobiraniya etnograficheskikh predmetov, 1902](#) – Programma dlya sobiraniya etnograficheskikh predmetov (1902) [Program for collecting ethnographic objects]. St. Petersburg: Ethnographic Department of the Russian Museum, 47 p. [in Russian]

[Razgon, 1961](#) – *Razgon A.M.* (1961). Etnograficheskiye muzei v Rossii (1861–1917) [Ethnographic museums in Russia (1861–1917). Ocherki istorii muzeynogo dela v Rossii [Sketches of the history of museum work in Russia]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. Vol. III, pp. 230–268. [in Russian]

[Spisok vypusknikov i prepodavateley](#) – Spisok vypusknikov i prepodavateley IMTU, MMMI, MVTU, MGTU s 1865 goda [List of graduates and teachers of IMTU, MMMI, MVTU, MSTU since 1865]. [Electronic resource]. URL: <http://www.bmstu.ru/~people/abcdef/va.htm> (accessed on: June 18, 2018).

[Studenetskaya, 1985](#) – *Studenetskaya E.N.* (1985). Osetiny v Muzeye etnografii narodov SSSR (sobiratel'skaya i ekspozitsionnaya rabota 1906–1983 gg.) [Ossetians in the Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR (collection and exhibition work of 1906–1983)] // Arkheologiya i traditsionnaya etnografiya Severnoy Osetii [Archeology and traditional ethnography of North Ossetia]. Ordzhonikidze: Institut istorii, filologii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Severo-Osetinskoy ASSR, pp. 151–175. [in Russian]

[Stanitsa Chernoyarskaya](#) – Stanitsa Chernoyarskaya. Rod Valayevykh [Chernoyarskaya village. Genus Valaev]. [Electronic resource]. URL: <http://combcossack.opk.ru/view/topic.php?id=3285> (accessed on: November 24, 2018).

[G](#) – «GENi.com». [Electronic resource]. URL: <https://www.geni.com> (accessed on: November 24, 2018).

Захарий Петрович Валаев – корреспондент Этнографического отдела Русского музея императора Александра III: реконструкция семейной истории

Анастасия Викторовна Газданова^{a, *}

^a Российский этнографический музей, Российская Федерация

Аннотация. О Захарии Петровиче Валаеве, корреспонденте Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ЭО РМ) в 1906–1907 гг., почти ничего не известно. В данной статье предпринимается попытка реконструкции его биографии и истории его семьи. О том, что на момент сотрудничества с ЭО РМ он был студентом Московского императорского технического училища, нам известно из переписки З.П. Валаева с хранителем ЭО К.А. Иностранцевым. Она сохранилась в Архиве Российского этнографического музея. Из нее же мы знаем о З.П. Валаеве, как о собирателе этнографических предметов осетин, кабардинцев и балкарцев для комплектования фондов ЭО РМ. Прояснение биографии З.П. Валаева невозможно в отрыве от рассмотрения истории его семьи и ее ближайшего окружения. Поэтому в представленной статье рассматриваются жизненные пути его родителей, братьев и сестер.

Ключевые слова: Валаевы, Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, коллекции РЭМ, осетины.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nastyagazdan@gmail.com (А.В. Газданова)